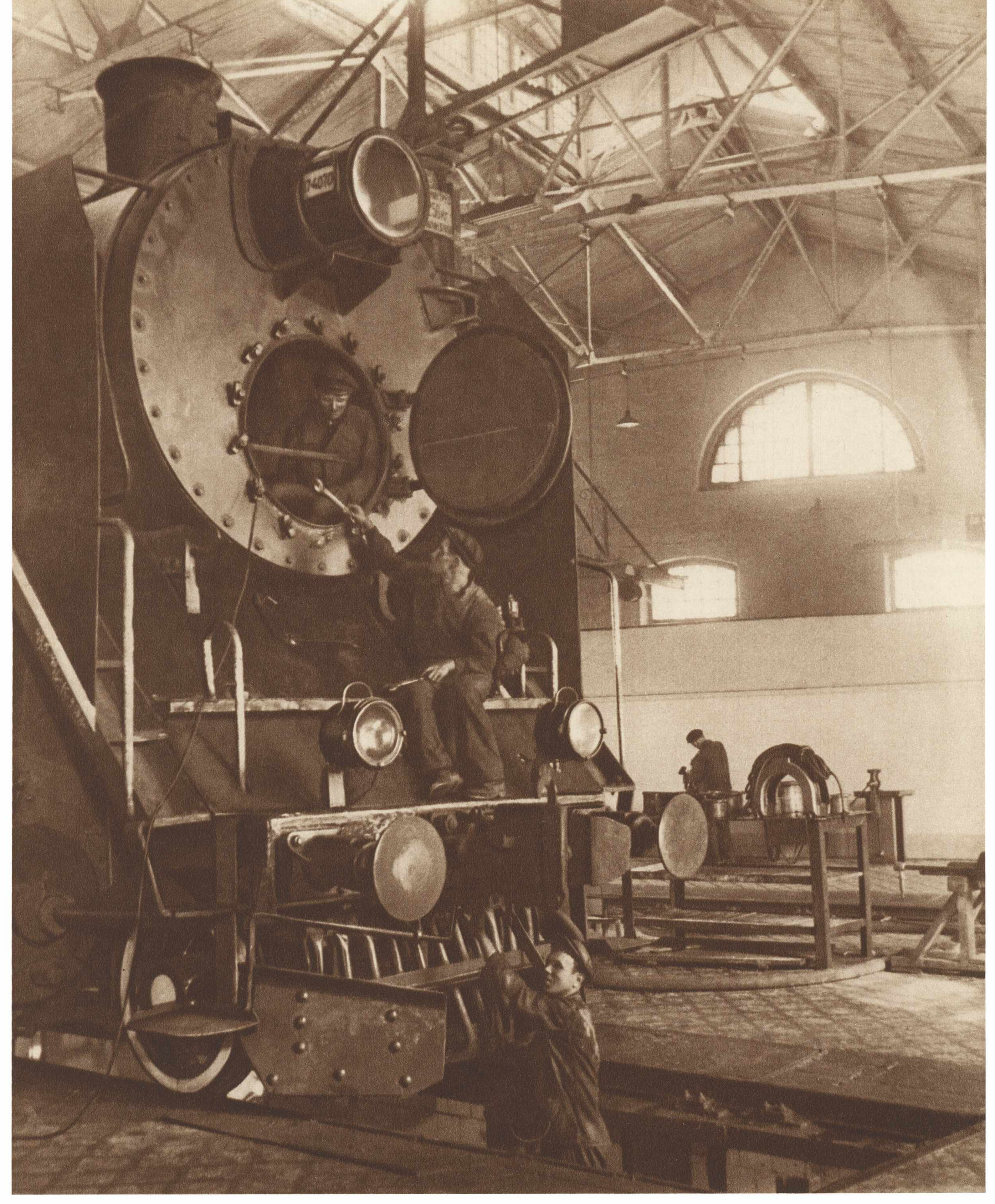
ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



В паровозном депо станции Лихоборы, Московской Окружной железной дороги. Фото О. Кнорринга

На первой странице обложки: Старший машинист пассажирского паровоза депо Москва-Пассажирская, Московско-Рязанской железной дороги, депутат Верховного Совета РСФСР инженер-лейтенант тяги А. Д. Мотов.

Фото Дм. Бальтерманца

На последней странице обложки: Летний туристский сезон в разгаре. В далекие и близкие туристские путешествия отправились тысячи трудящихся. Их можно увидеть в горах Кавказа, у берегов высокогорного Телецкого озера на Алтае, на альпийских лугах киргизского Тянь-Шаня.

Туристы столичных спортивных обществ совершают однодневные походы в Подмосковье, в частности, в живописную Бухту Радости. Там они катаются на яхтах, байдарках, лодках, гуляют в лесу.

На снимке: туристы спортивного общества «Крылья Советов» в Бухте Радости.

Фото А. Бочинина

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 32 (1313) 3 АВГУСТА 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина открыт

Запомним этот день и этот час, товарищи: воскресенье, 27 июля 1952 года, 15 часов 50 минут по московскому времени. В этот исторический час белопалубный флагманский теплоход «Иосиф Сталин», проделавший большой и славный путь от Москвы, столицы нашей Родины, до стен города-героя Сталинграда, вошел в Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина.

Сто тысяч человек, заполнивших бетонные берега канала, приветствовали появление флагмана. Над Волгой прокатились громовые овации, слившиеся с могучими гудками и сиренами волжских судов. И вдруг наступила необычная тишина: замедлив ход, празднично украшенный теплоход «Иосиф Сталин» приблизился к алой ленте, преградившей вход в первый шлюз.

Ближе и ближе подходит к ней корабль... Министр речного флота З. А. Шашков, стоя на верхней палубе флагмана, разрезает широкую ленту. И тогда грянули оркестры, затем — орудийные залпы.

С торжественной медлительностью корабль прошел под триумфальной аркой. На ней, по белому камню вычеканено золотом «Слава великому Сталину!» Перед флагманом гостеприимно раскрылись створы ворот с надписью: «Добро пожаловать!» Корабль вошел в бетонную камеру шлюза.

Овации усилились. Сто тысяч человек провозгласили: — Слава товарищу Сталину! Ура товарищу Сталину! Слава зодчему коммунизма!..

Весь мир облетела волнующая весть: Волго-Донской судоходный канал имени Владимира Ильича Ленина открыт.

Открыт! За этим коротким словом многовековая история упорной борьбы передовых людей России, мечтавших о соединении Волги с Доном; в этом слове осуществление самых больших надежд и смелых замыслов людей науки и техники, свершение давних чаяний донских хлеборобов.

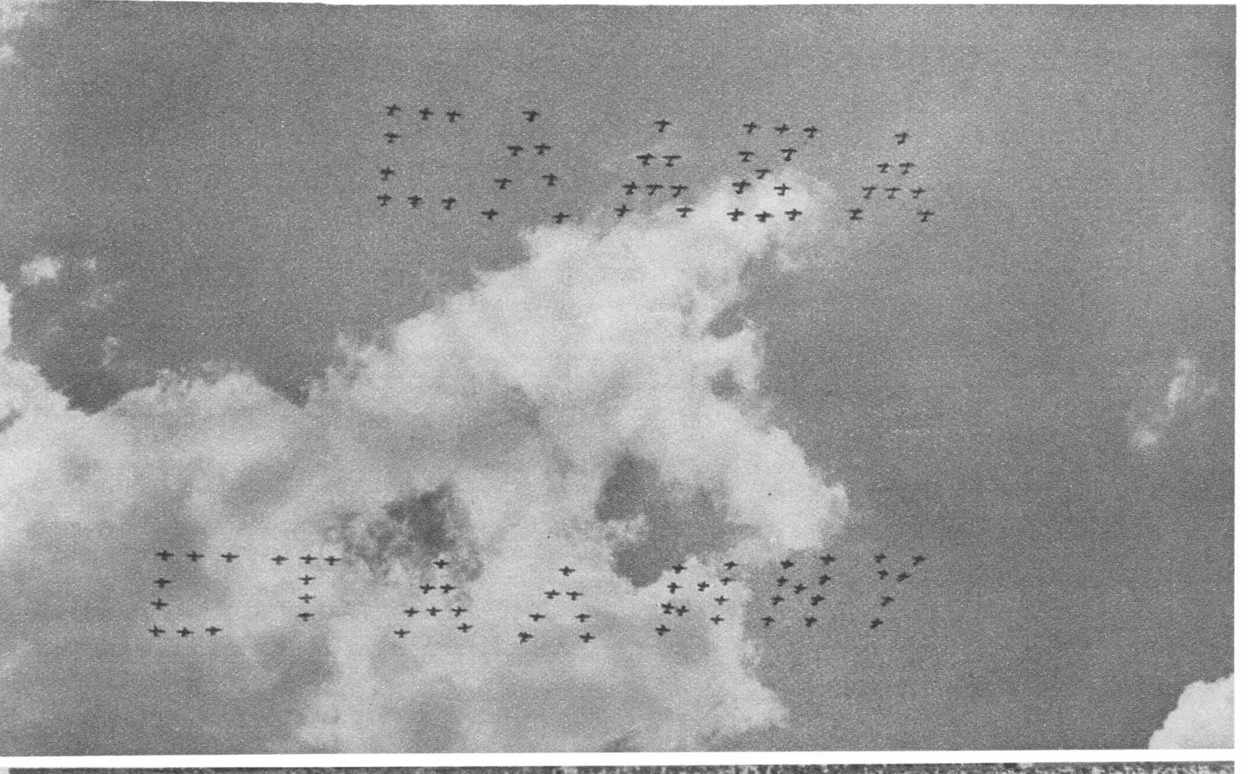
Флагман вышел из первого шлюза. Провожая его, двигались по берегам люди. Рукоплескания вспыхивали с новой силой. А следом за флагманом уже плыли другие корабли. Они поднимались все выше и выше по ступеням-шлюзам знаменитой «Волжской лестницы» на гребень водораздела, направляясь к Цимлянскому морю. И когда корабли поднялись на высоты водораздела, то казалось, что с его гребня видна не только широко и привольно разлившаяся Волга, не только преображенная степь с новыми городами, поселками, рощами, дубравами и первым жнивьем, — отсюда хорошо видна сияющая даль коммунизма.

Канал открыт! Отныне и навеки соединены все моря европейской части Советского Союза. Отныне край суховеев и палящих бурь становится краем изобилия.

Советский народ под руководством партии большевиков одержал новую историческую победу.

Флагманский теплоход «Иосиф Сталин», миновав первый шлюз, вошел в Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина.

Фото Дм. Бальтерманца



КРЫЛАТЫЕ

Как и в прошлые годы, Москва встречала День Воздушного Флота СССР в ярком убранстве алых флагов, голубых вымпелов, стягов Военно-Воздушных Сил. Как и в прошлые годы, с утра минувшего воскресенья сотни тысяч москвичей и гостей столицы устремились к месту всенародного воздушного празднества — Тушинскому аэродрому. И все же было в этом традиционном празднестве такое, что придавало ему особую красоту, особо великую радость. В этот же день на юге страны свершалось историческое событие — открывался Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина.

Страна приветствовала созидателей Волго-Дона, чествовала доблестных сталинских соколов, которые вместе со всеми советскими воинами охраняют мирный труд строителей каналов и электростанций, строителей коммунизма.

...Живописный Тушинский аэродром, переливающийся всеми цветами радуги. 2 часа дня. В правительственную ложу входит товарищ И. В. Сталин. Над полем прокатываются долго не смолкающие аплодисменты. Товарищ И. В. Сталин сердечно приветствует собравшихся.

Из конца в конец гремят возгласы:

— Слава великому Сталину!

Взоры тех, кто стоит сейчас на поле, думы советских людей, где бы они ни находились, обращены к родному отцу, вождю, учителю, с чьим именем связаны все победы нашего народа — и успехи строителей Волго-Дона и достижения советских авиаконструкторов, работников авиационной промышленности, бесстрашных воздушных богатырей.

Вместе с товарищем И. В. Сталиным в ложе появляются товарищи В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, А. И. Микоян, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, Н. С. Хрущев, А. Н. Косыгин, Н. М. Шверник, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятов. Присутствующие встречают их горячими рукоплесканиями.

...Воздушный парад открыт. В небе появля-

Товарищи Н. Г. Кузнецов, В. Д. Соколовский, П. Ф. Жигарев, Н. А. Булганин, С. М. Буденный, И. В. Сталин, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, А. А. Андреев, Н. М. Шверник, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко и М. Ф. Шкирятов на празднике, посвященном Дню Воздушного Флота СССР. Тушино, 27 июля 1952 года.

Фото Ф. Кислова

Летят самолеты-знаменосцы.

Внизу: на Тушинском аэродроме в День Воздушного Флота СССР.

Фото В. Евграфова

БОГАТЫРИ

ются самолеты-знаменосцы. Над головной машиной реет десятиметровое алое знамя с портретом И. В. Сталина. Пролетают еще две машины с пурпурными стягами. С земли можно прочесть слова, начертанные на развевающихся полотнищах: «Вперед, к коммунизму!»

...Идет демонстрация высокого спортивного мастерства летчиков Всесоюзного добровольного общества содействия армии, авиации и флоту. Она начинается, по традиции, с показа изумительной слетанности. Группа самолетов, словно спаянных друг с другом, вычерчивает в небе слова всенародной здравицы: «Слава Сталину».

На воздушной арене одна группа самолетов сменяет другую. Радиокомментатор объявляет знакомые москвичам имена: Герой Советского Союза Марина Чечнева, мастер высшего пилотажа Николай Голованов, мировой рекордсмен, прославленная планеристка Маргарита Раценская.

...Над аэродромом появляются военные самолеты. Начинается второе отделение праздника. То и дело раздаются бурные аплодисменты. Москвичи восторженно приветствуют создателей первоклассных боевых машин — авиационных конструкторов,— летчиков, настойчиво овладевающих передовой техникой.

В сомкнутом строю, крылом к крылу, проходят пять реактивных самолетов конструкции А. И. Микояна. Группой командует подполковник Александр Иванович Бабаев. Головокружителен каскад фигур. Счет времени ведется на доли секунды. Фигуры высшего пилотажа выполняются с такой быстротой, что едва успеваешь следить за самолетами.

Над аэродромом в парадном строю проплывает колонна тяжелых воздушных кораблей, ведомых гвардии полковником В. И. Лукиным. На большой скорости проносятся реактивные бомбардировщики конструкции С. В. Ильюшина.

Воздушный парад завершился массовым парашютным десантом.

Незабываемо, неизгладимо впечатление от воздушного празднества!

Торжественный митинг в Красноармейске, посвященный открытию Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина.

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

От специальных корреспондентов «Огонька»

В историческое утро 27 июля — тихое, слегка мглистое утро — можно было охватить взглядом с борта самолета все междуречье Волги и Дона и увидеть почти одновременно величаво-спокойную, застывшую в торжественном ожидании праздника могучую Волгу, разлившийся морем тихий Дон, оросительную систему, бирюзовое Цимлянское море, хутора и станицы. И всюду приметить черты всенародного торжества.

Утонувший в зелени белокаменный Сталинград, со своими башнями, колоннадами, триумфальной лестницей из гранита и мрамора, уже покрылся багрянцем лозунгов, стягов и транспарантов. Бросив якоря на рейде, стояли корабли, окрыленные многоцветными флагами расцвечивания. А по дорогам, направляясь в Красноармейск, уже шли бесконечные колонны машин.

Теплоход «Иосиф Сталин» подошел к красной ленте у входа в первый шлюз.

Солнце, поднявшись над Волгой, осветило входной маяк из белого камня и триумфальную арку канала. В сиянии ярких лучей взорам открылась величественная скульптура вождя, воздвигнутая на правом, крутом берегу Волги у входа в канал пяти морей.

Пальмы и акации, тысячи алых и белых роз, левкои и ромашки образовали волшебный ковер, распростершийся у подножья бронзовой статуи. Журча и воркуя, взлетали к небу хрустальные струи фонтанов. Сюда, на преображенную степную равнину, на берег Волги, направлялись потоки людей.

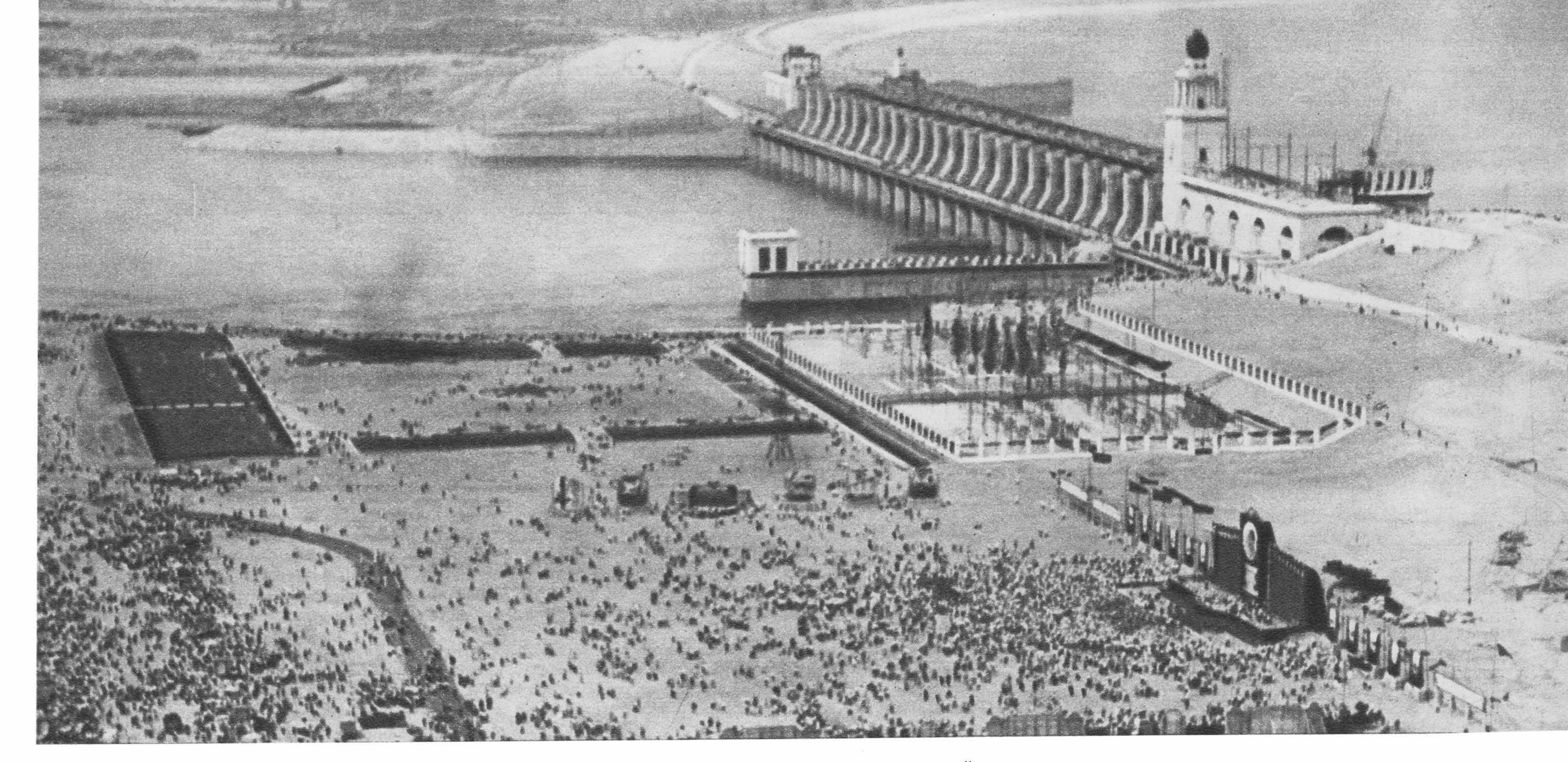
На арочном мосту, перекинутом через канал, показался хлебный обоз. Из колхоза имени Сталина, Красноармейского района, из колхозов имени XVII партсъезда, «Хрият» и многих других артелей прибыло 68 машин с хлебом нового урожая.

На каждом грузовике золотое зерно. Его привезли колхозники, снявшие в этом году богатый урожай: Григорий Мозуль, Иван Спицын, Андрей Антонов, Григорий Ковалев, Касим Шарифов... Счастливые колхозники пели песни о Сталине, высоко поднимая тучные колосья.

Ожила Волга. Прибыли теплоходы, яхты, буксиры, они доставили десятки тысяч рабочих Сталинграда. Прибыли делегации из стран народной демократии.

Более ста тысяч человек собралось на митинг. Человеческое море весело шумело на огромной площади. После краткого вступительного слова секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) товарища И.Т. Гришина с большой речью от имени и по поручению Совета Министров Союза ССР и ЦК ВКП(б) выступил министр речного флота товарищ З. А. Шашков. Выступали строители, колхозники, рабочие Сталинграда, речники. С огромным воодушевлением участники митинга приняли письмо товарищу И. В. Сталину.

На Волге выстроились кильватерной колонной 19 празднично украшенных судов. Начался парад флота. Флагман «Иосиф Сталин» вошел в канал. Разрезана ленточка у входа в первый



С рассвета к Цимлянской плотине стекались тысячи людей на митинг.

шлюз. Поднят флаг открытия навигации. Флотилия судов направилась к Дону. До глубокой ночи продолжалось всенародное торжество. Уже горели маяки и светились, как звезды, огни семафоров и кораблей, а телеграфные отделения новых городов и портов продолжали принимать тысячи приветствий из Москвы, Ленинграда, с Урала, Памира, Камчатки. Шли депеши из Китая и Польши, Франции и Италии, Румынии и Албании — люди доброй воли славили советский народ, славили партию Ленина — Сталина, желали строителям новых успехов на новых стройках.

Е. РЯБЧИКОВ

Красноармейск.

* * *

После нескольких дней палящего зноя над Цимлянской в канун праздника пронеслась гроза с ливнем. Вспышками молнии, ударами грома природа словно салютовала героическому трудовому подвигу советских людей.

Утром снова сияло солнце. Его лучи озарили бетонный откос плотины. Жители Цимлянской и Ново-Соленовского расположились здесь на протяжении нескольких километров. По асфальту дорог мчатся автомашины, мотоциклы, велосипеды — едут на всенародный праздник гости: шахтеры, машиностроители, хлеборобы, виноградари. В четком строю проносится группа всадников в яркой казачьей форме — колхозники Романовской, Николаевской, Константиновской и других донских станиц. Нарядно украсилась Цимлянская. При въезде в станицу вырос обелиск — памятник самоотверженному труду строителей. Плакатами, лозунгами, прославляющими партию большевиков, великого Сталина, расцвечен поселок Ново-Соленовский.

Торжественный митинг, посвященный открытию Волго-Дона, начался в полдень на площади, неподалеку от здания ГЭС. Широкая посыпанная песком площадка обрамлена газонами, цветочными коврами. Тысячи строителей собрались сюда. На нарядно убранной трибуне знатные люди Ростова и Ростовской области, гости из Москвы. Выступают с речами секретарь обкома ВКП(б) Н. Киселев, начальник строительства В. Барабанов, экскаваторщик С. Пророков. К Родине, партии, вдохновителю строек коммунизма, великому знаменосцу мира товарищу Сталину обращают они слова благодарности. Председатель колхоза имени Молотова, Аксайского района, Федор Григорьевич Харсиев рассказывает, как плодоносят засушливые ранее земли, ныне напоенные водой Волго-Дона. Под аплодисменты Харсиев водружает на трибуну сноп пшеницы нового урожая. «Не 30—40 пудов, как бывало, а 300 и больше с гектара снимаем мы в этом году»,— говорит он.

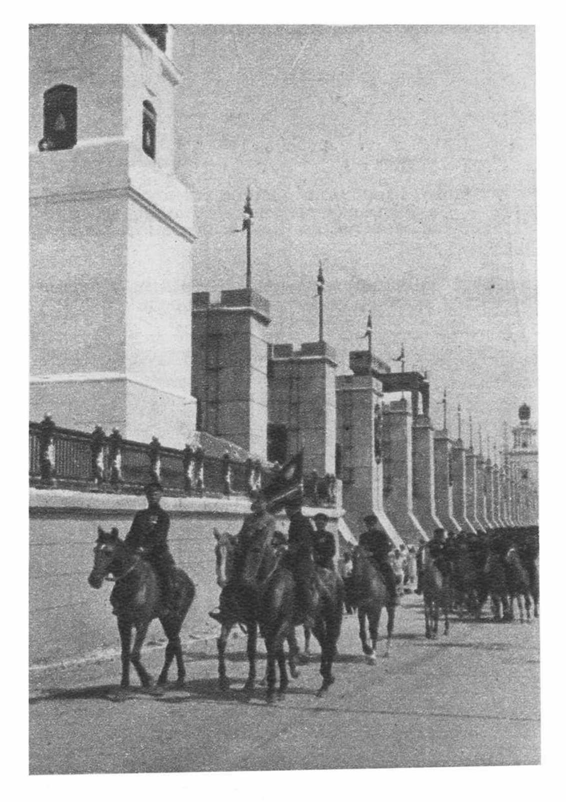
Золотясь под солнцем, колосья поднялись высоко над толпой как символ грядущего изобилия.

До поздней ночи веселились строители, празднуя рождение нового степного моря.

С. МОРОЗОВ

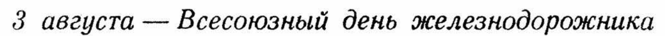
Ново-Соленовский.

Фото Дм. Бальтерманца и М. Савина



Донские казаки-колхозники проследовали торжественным маршем по Цимлянской плотине.

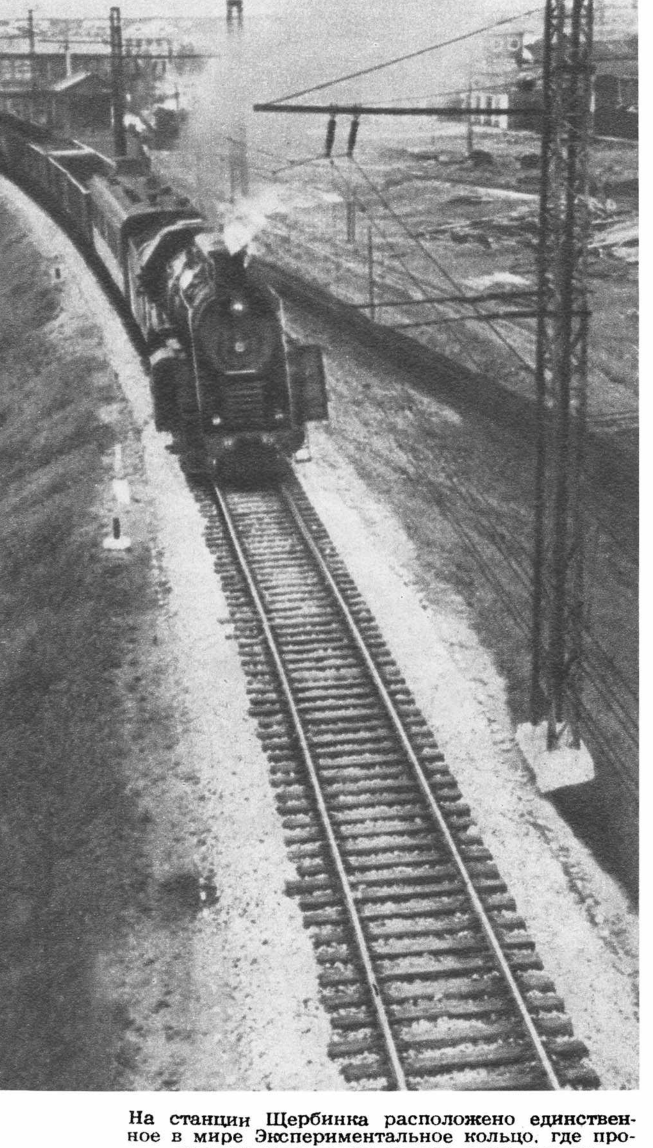
В Красноармейск, на всенародное торжество в честь открытия Волго-Дона, прибыла колонна машин с зерном нового урожая.



3 августа — Всесоюзный день железнодорожника

Испытатели ПАРОВОЗОВ

Фото И. Фетисова



На станции Щербинка расположено единственное в мире Экспериментальное кольцо, где проводятся испытания новых локомотивов.

Старший научный сотрудник ЦНИИ П. Астахов проверяет записи практикантов после опытной поездки.

ЛАБОРАТОРИЯ НА КОЛЕСАХ

На первый взгляд это обыкновенная лаборатория. На длинных узких столах разместились приборы — манометры, скоростемер, вакуумметр. Пол обит линолеумом, на окнах темнозеленые шторы. Люди, находящиеся в комнате, внимательно следят за приборами, записывают их показания.

Но что это? Комнату слегка качнуло, и перед окнами медленно поплыли поля, грузовые составы, деревья. Оконные стекла то и дело застилает дым, лабораторию мерно покачивает.

Дело в том, что находимся мы не в обычной лаборатории научно-исследовательского института, а в динамометрическом вагоне на станции Щербинка, Московско-Курской железной дороги, где расположено единственное в мире железнодорожное Экспериментальное кольцо для испытания новых паровозов.

Испытание паровозов имеет не очень большую историю. Впервые подобные опыты производили в 80-х годах прошлого столетия русские инженеры А. П. Бородин и Л. М. Леви. Работы их широко освещались не только в нашей, но и в иностранной литературе, однако за рубежом частенько «забывали» указывать источники. Ныне в Советской стране опытные поездки на вновь сконструированных машинах стали обыденным явлением.

Наши изобретатели конструируют множество прекрасных, экономичных, мощных железнодорожных машин. Их нужно опробовать, выяснить, каковы их преимущества перед старыми локомотивами, какие у них недостатки. Все работы по испытанию советских паровозов теперь проводятся на Экспериментальном кольце Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта (ЦНИИ).

Кольцо сооружено в 1932 году. Ранее испытания проводились на железнодорожных линиях, по которым совершали рейсы грузовые и пассажирские составы. Это создавало большие неудобства, связанные с тем, что нельзя было нарушать график движения. И вот впервые в истории транспорта «подопытным» паровозам и их испытателям предоставлены все удобства на Экспериментальном кольце. Кольцо представляет собой шестикилометровый одноколейный электрифицированный путь, имеющий форму правильного круга.

Группа директора-подполковника тяги Павла Николаевича Астахова, в лаборатории которого мы находимся сейчас, работает с новым грузовым паровозом. Он сконструирован и построен в Ворошиловграде, на паровозостроительном заводе имени Октябрьской революции.

Этот локомотив сначала опробовали на заводе, затем в депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской дороги, где проверяли его эксплуатационную надежность. Около трех недель ходил паровоз с грузовыми составами, почти восемь тысяч километров пробежал он за это время. Новичок показал себя с наилучшей стороны: тяжелые составы он водил на высоких скоростях и расходовал топлива меньше, чем паровозы серии «Л». Наконец, локомотив передали для испытаний на станцию Щербинку.

В лабораторию мы попали во время ответственной опытной поездки. Цель ее — выявить наибольшую силу тяги нового паровоза.

В вагон на ходу — двигался он медленно — взобрались несколько человек. Впереди высокий, плотный железнодорожник в генеральской форме.

— Кто это?

— Работники паровозного управления министерства. Интересуются ходом испытаний. Высокий — Трубицын Евгений Георгиевич, главный инженер паровозного управления.

Астахов волновался. Это было заметно по тому, как он одернул китель, который и без того был в порядке, взял в руки ненужный карандаш.

— Ну как новенький? — с хитровато-добродушной усмешкой спросил Трубицын.— Чем сегодня занимаетесь?

— Да вот получили силу тяги на крюке в 25 тонн.

— Хорошо! Не буксует?

— Сегодня ни разу.

Наблюдатели у приборов прислушивались к разговору. Всех интересовало, что скажет комиссия.

В этот момент раздался звонок, и дежурные начали снимать показания с приборов. Наблюдатели снимают показания через определенные промежутки времени, по сигналу дежурного на паровозе.

...На сегодня опытные поездки закончены. Наблюдатели приводят в порядок «уставшие» за день приборы и передают свои записи работникам специальной подсчетной группы, которая определяет средние величины — силу тяги, скорость, расход пара. Все эти показания заносятся на графики. Потом, когда испытания будут закончены, на основании графиков составят тягово-теплотехнический паспорт, ради которого и проводятся опытные поездки.

В группе Астахова около 20 человек, среди них и научные сотрудники, и машинисты, и слесари.

Павел Николаевич Астахов, кандидат технических наук, автор нескольких научных трудов, без малого 20 лет работает на транспорте. В 1933 году пришел на Экспериментальное кольцо машинист Борис Сергеевич Чекмарев. Самые юные в коллективе — практиканты, студенты Сергей Кочергин, Игорь Жолудь, Владимир Стрельников.

Испытатели тесно связаны с создателями локомотива. Конструкторы паровоза переписываются с Астаховым, часто приезжают на кольцо, сами участвуют в опытах.

— Иногда бывает так,— делится с нами конструктор В. В. Бершачевский,— что в проектах все выглядит гораздо лучше, чем получается при испытании паровоза. На этот раз мы, к счастью, ошиблись: паровоз ведет себя даже лучше, чем рассчитывали конструкторы!

МАШИНИСТ И КОНСТРУКТОР

В опытах, проводимых на кольце, заинтересованы также и машинисты-эксплуатационники. Ведь это им придется водить поезда с новыми локомотивами, они в первую очередь должны знать все свойства машин. Но где лучше узнаешь особенности паровоза, как не во время самих испытаний? Научным работникам тоже важно, чтобы опытные машинисты участвовали в их работе: хороший знаток может подсказать много интересного. Об одном машинисте, который не раз помогал конструкторам паровозов и испытал немало новых локомотивов, хочется рассказать подробнее.

Николая Александровича Ошаца называют лучшим машинистом в депо Москва Октябрь-

ской дороги. Ошац не только хорошо водит поезда: он постоянно вносит усовершенствования в конструкцию паровозов, на которых ему приходится ездить; он пишет книгу о своем опыте и, наконец, участвует в испытании новых локомотивов.

Машинист Ошац связан с Научно-исследовательским институтом железнодорожного транспорта с 1932 года.

В 1938 году группа научного сотрудника Павла Антоновича Гурского испытывала высокоскоростной курьерский локомотив «2-3-2» выпуска Коломенского завода. Как-то после работы Ошац приехал на завод, осмотрел машину до последнего винтика и сразу же высказал свои претензии главному конструктору Льву Сергеевичу Лебедянскому. Инженер обиделся. «Люди мы с ним оба горячие,— улыбается Ошац,— ну и проспорили до утра, а все-таки он со многим согласился».

С испытанием этого паровоза связано событие, о котором до сих пор любят вспоминать и Ошац и все работники группы Гурского. В Москву возвращались после девятимесячного дрейфа у Северного полюса советские полярники. «2-3-2» был тогда лучшим курьерским локомотивом, и Николаю Александровичу было поручено доставить отважных исследователей Северного полюса из Ленинграда в Москву.

— На каждой станции митинги,— рассказывает машинист,— а мы должны были привезти героев в Москву точно в указанный срок. Ну и развивали на перегонах такую скорость, которая раньше казалась невозможной.

Когда испытания окончились, локомотив «2-3-2» передали Ошацу, и он до самой войны водил «Красную стрелу». Во время войны паровоз Ошаца отправили на Урал. Вскоре после победы Николай Александрович начал разыскивать своего любимца; нашел он его на далеком уральском разъезде «Перепутье» и попросил министерство, чтобы паровоз вернули ему. До последнего времени ездил Ошац на этом локомотиве. Но то, что до войны было последним словом техники, теперь во многом устарело.

Николай Александрович к этому времени крепко подружился с Лебедянским. Интересы у них были общие, да и характеры у обоих беспокойные. Конструктор давно уже вынашивал проект паровоза, о котором мечтал машинист, он внимательно прислушивался к советам опытного водителя.

И вот наступил день, когда Лебедянский пригласил Николая Александровича ознакомиться с чертежами нового пассажирского паровоза типа «2-4-2», выпуск которого был приурочен к семидесятилетию Иосифа Виссарионовича Сталина.

Да, это была та самая машина, которую Ошац ждал столько времени! И, конечно, он участвовал в испытаниях, проводимых старым его знакомым, П. А. Гурским.

Обычно смена паровозов, ведущих состав из Москвы в Ленинград, происходит в Бологом. Ошац совершил несколько сквозных рейсов из Москвы в Ленинград, а в один из этих рейсов провел до Ленинграда без смены сдвоенный поезд. Паровоз оказался на редкость выносливым!

Машину передали на Экспериментальное кольцо. Гурский ставил на ней самые различные опыты. То он заставлял паровоз ползти с «быстротой» 10 километров в час, то задавал ему предельную скорость. Ошац выполнял задания с точностью.

— У Николая Александровича, если можно так сказать, есть особое чувство — чувство паровоза,— рассказывает Гурский.— От него не укроются мельчайшие неполадки в машине. Шли мы как-то из Ленинграда в Москву. На Веребьинском подъеме — самое трудное место дороги — захотели выжать из паровоза максимальную мощность. Дали команду Ошацу, он начал увеличивать впуск пара в машину и вдруг сказал: «Хватит, больше нельзя, в дымососе показались искры, может получиться крупная авария». «Не должно быть там никаких искр,— обрушился на него Лебедянский,— просто вы слишком осторожничаете!» Но Ошац был прав: когда после поездки проверили дымосос, оказалось так, как говорил машинист.

Пассажирский локомотив «2-4-2» был действительно быстрым, самым экономичным и надежным из всех паровозов, которые пришлось водить Ошацу. И все же машинисту хотелось сделать его еще совершеннее. Много изменений внес Ошац и в проект машины, много усовершенствований сделал во время ее постройки, немало его указаний записано и в отчете о результатах испытаний.

— Хорошая машина! — отзывается о паровозе «2-4-2» Николай Александрович.— Но уверен, что наши конструкторы создадут еще такие локомотивы, о которых сейчас только мечтать можно.

Н. ГОНЧАРЕНКО

В будке паровоза во время испытаний. Старший техник С. Федичкин (слева) и машинист В. Чекмарев.

В Центральном доме техники Министерства путей сообщения СССР. Н. Ошац (второй справа) рассказывает об испытаниях нового локомотива группе инженеров.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

В тяжелых условиях глубокого подполья В. И. Ленин, вдохновитель и организатор борьбы рабочего класса, продолжал руководить всем революционным движением, следить за каждым шагом противника.

Вождя трудящихся все время разыскивали шпионы контрреволюционного Временного правительства. Но ЦК большевиков наладил систематическую связь и регулярно доставлял в Разлив, а позднее в финляндскую деревушку Ялкола свежие газеты для Ленина. Дважды навестил Владимира Ильича товарищ Сталин, по его поручению бывал в Разливе Серго Орджоникидзе. Они держали Ленина в курсе всех событий, советовались с ним.

За время своего последнего подполья, с июля по октябрь 1917 года, Ленин написал более шестидесяти статей, брошюр и писем. Рабочий класс все время слышал голос своего вождя, чувствовал его направляющую руку. Ленинские статьи, разрабатывавшие новую тактику партии в новых условиях борьбы, печатались в центральном органе партии, в других большевистских газетах, издавались брошюрами.

23 (10) июля Владимир Ильич заканчивает статью «Политическое положение», через десять дней она была напечатана в кронштадтской газете «Пролетарское дело». Великий мастер революционной тактики, Ленин констатировал в этой статье, что «основная государственная власть в России теперь есть военная диктатура», что настоящая суть политики этой диктатуры, поддерживаемой кадетами и монархистами, состоит в подготовке разгона Советов. Главари меньшевистско-эсеровских советов окончательно предали дело революции, «превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции».

В этих условиях Ленин предложил временно снять лозунг «Вся власть Советам!» как лозунг мирного развития революции.

«Теперь этот лозунг уже неверен, — писал Ленин, — ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле».

Статьи Ленина «Политическое положение», «К лозунгам», «О конституционных иллюзиях», «Уроки революции» разрабатывают новую тактику большевистской партии. Ленин ставит задачу: «Переорганизоваться тотчас, выдержанно, стойко, по всей линии». Он учит большевиков не бросать легальности, соединить легальную работу с нелегальной, как это было в 1912—1914 годах. Предостерегая против конституционных и республиканских иллюзий, Ленин требует, чтобы партия собирала силы, стойко готовила их к вооруженному восстанию.

Задачей дня становится разъяснение народным массам, что ни один коренной вопрос революции не будет решен без борьбы, без захвата власти рабочим классом при поддержке его беднейшим крестьянством. «Революционные рабочие, если их поддержат беднейшие крестьяне, одни только в состоянии сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру», — пишет Ленин.

Но, предлагая снять временно лозунг «Вся власть Советам!», Ленин предупреждал, что это совсем не означает отказ от борьбы за власть Советов. «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но НЕ теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так».

Находясь в подполье, В. И. Ленин глубоко разработал вопрос о государстве, об основах политики и первых шагах диктатуры пролетариата. Плодом гигантской теоретической работы в этом направлении является классическая ленинская работа «Государство и революция». В ней В. И. Ленин развил дальше марксистское учение о государстве, диктатуре пролетариата, определил задачи рабочего класса по созданию своего государственного аппарата, раскрыл основные черты двух фаз развития коммунистического общества.

Ленин был глубоко уверен в победе социалистической революции, в том, что власть скоро перейдет в руки рабочего класса. В одно из посещений Серго Орджоникидзе во время беседы у шалаша Ленин сказал ему, что восстание произойдет не позже сентября—октября.

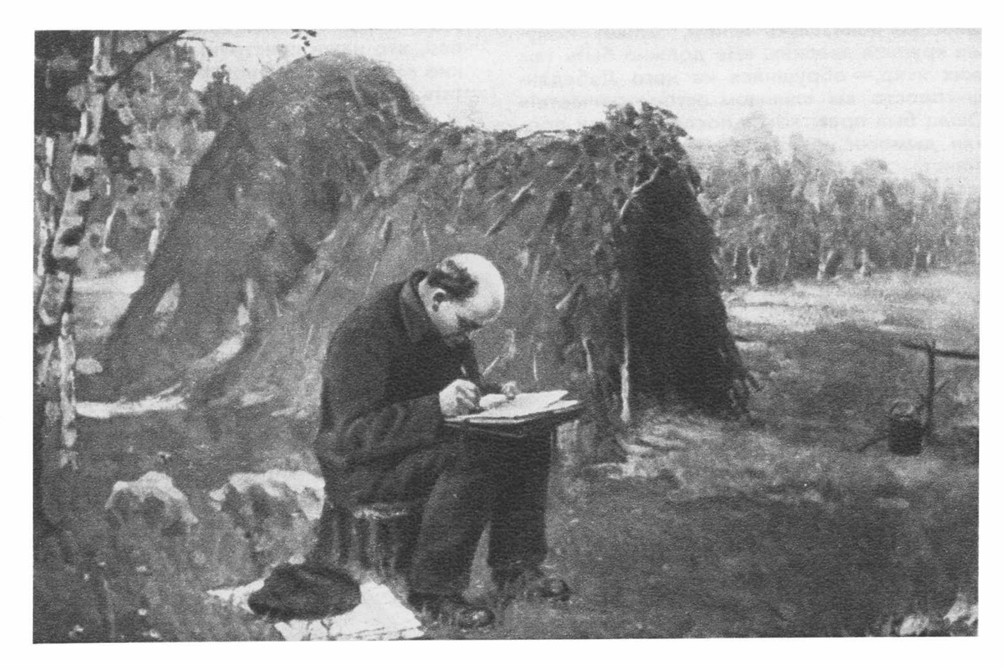
Серго Орджоникидзе вспоминал впоследствии о том, какое незабываемое впечатление произвела на него эта твердая уверенность Ленина. «Еще больше ошеломило меня, — рассказывает Орджоникидзе, — что когда я передал слова одного товарища (кого именно, не помню), что не позже августа — сентября власть перейдет к большевикам и что председателем правительства будет Ленин, Ильич совершенно серьезно ответил: «Да, это так будет».

Анализируя обстановку, Ленин видел неизбежность восстания, видел, что оно победит и создаст республику Советов, которая явится оплотом, надеждой и маяком революционного движения во всем мире. Революционное предвидение В. И. Ленина сбылось во всем объеме, полностью.

Вождь революции готовил партию к борьбе, направлял ее действия. А его друг и ближайший сподвижник товарищ Сталин непосредственно руководил всем делом подготовки к решающим боям за власть.

И. В. Сталин в эти дни непосредственно руководит Центральным Комитетом и центральным органом партии, выходившим в те суровые дни под разными названиями. Гонения на большевиков, на рабочий класс со стороны контрреволюции отнюдь не ослабили большевистской партии. Рабочие и солдаты стали массами покидать меньшевиков и эсеров. Они рвали свои членские билеты и просили большевиков принять их в свою партию.

События развивались именно так, как предвидел Ленин. Вокруг большевиков сплачивалось большинство трудящихся. Идя путем, указанным Лениным, осуществляя ленинскую тактику, партия вела рабочий класс к победе социалистической революции.



В. И. Ленин в Разливе.
С картины художника М. Соколова.

Новое здание химического факультета Московского университета.

Вузы столицы

БЕСЕДА С ЗАМЕСТИТЕЛЕМ МИНИСТРА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР В. Ф. ПРОМЫСЛОВЫМ

В Москве насчитывается сейчас 102 высших учебных заведения, в которых учатся 270 тысяч студентов. Это больше, чем в дореволюционной России, больше, чем во Франции и Италии, вместе взятых. Одиннадцать тысяч студентов учатся в одном только МГУ, для которого на Ленинских горах воздвигнуто грандиозное здание, поднявшееся ввысь на четверть километра.

На сооружение МГУ израсходовано около 56 тысяч тонн металла, свыше 140 тысяч кубометров бетона и 126 миллионов штук кирпича. Площадь облицовки керамикой, гранитом, известняком, мозаикой, глазурованными плитками составляет 530 тысяч квадратных метров, площадь паркетных полов — 212 тысяч, штукатурных работ — 1 400 тысяч, малярных — 1 600 тысяч квадратных метров. Проложено более 100 километров различных подземных коммуникаций, 168 километров электрического кабеля.

Богато оснащены сотни аудиторий, лабораторий, научных кабинетов, музеев. Библиотека рассчитана на 1 200 тысяч томов. Беломраморный колонный актовый зал вместит столько же людей, сколько Колонный зал Дома союзов.

Свыше 100 миллионов рублей ассигновано на расширение Московского Высшего технического училища имени Баумана — одного из самых популярных инженерных вузов страны. К существующим зданиям, которые подвергнутся капитальной реконструкции, пристраиваются новые. Училище будет располагать многочисленными лабораториями, групповыми и общекурсовыми аудиториями, фундаментальной библиотекой, клубом с залом на тысячу зрителей, спортивным комбинатом.

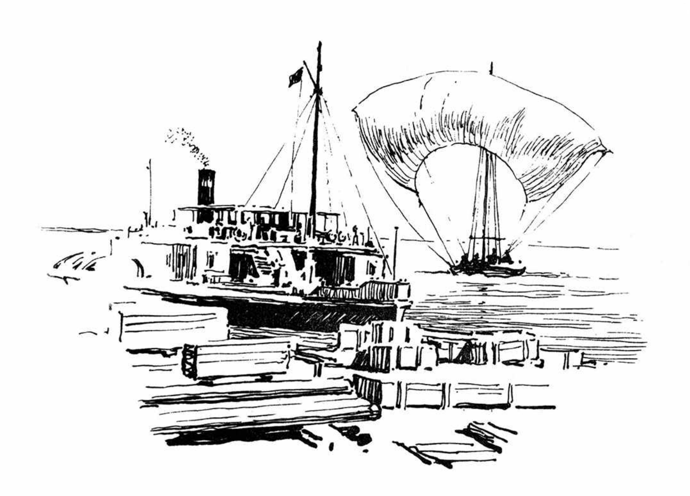
Скоро на Калужском шоссе, по соседству с кварталами, застраиваемыми Академией наук СССР, будет заложено здание, предназначенное для Нефтяного института имени академика Губкина. Здесь будут учиться 4 тысячи студентов.

...Близится начало учебного года. Впервые двери московских вузов переступят 70 тысяч первокурсников. Впервые откроются и двери нового, сто третьего по счету, высшего учебного заведения столицы — Энергетической академии Министерства электростанций СССР.

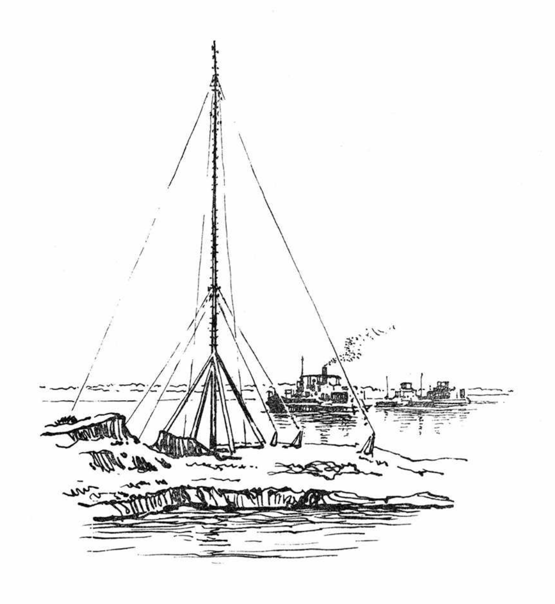
В обширном здании на Потылихе, предназначенном для академии, будут повышать свою квалификацию сотни работников электропромышленности. Академия даст им возможность получить глубокие теоретические знания, необходимые энергетикам СССР — страны, где возводятся сверхмощные электростанции.

Программа ближайших лет предусматривает реконструкцию ряда московских вузов. В частности, намечено значительно расширить знаменитую Тимирязевскую сельскохозяйственную академию.

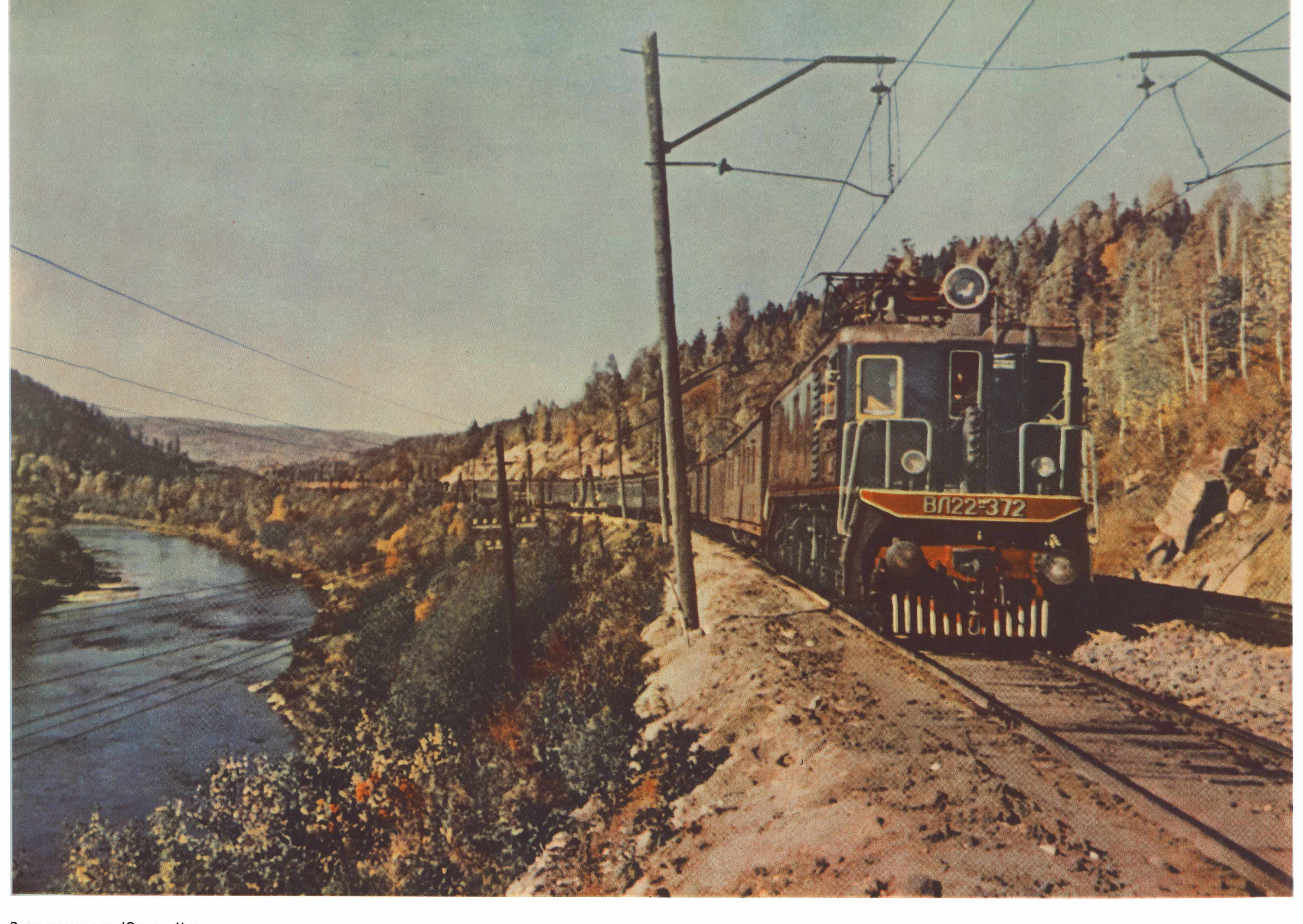
В. И. Бродский. НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПРИСТАНИ ТАХИА-ТАША.



Один из причалов пристани Тахиа-Таша.



Мыс Тахиа-Таш.



Электропоезд на Южном Урале.

Фото С. Тартаковского

ИХ ИМЕНА — В ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Британская энциклопедия предоставляет в наше распоряжение подробное жизнеописание сэра Джона Джекоба, подвизавшегося на военной и административной службе в Индии и проделавшего, по утверждению оной энциклопедии, блистательную карьеру, вершиной которой была его деятельность на синдской границе. Здесь достопочтенный сэр «занимался успокоением племен и привел их к повиновению в равной мере как своим личным авторитетом, так и разносторонними военными мерами».

Можно представить, каковы были эти меры! Что же касается «авторитета», то сей «успокоитель» не создавал себе в действительности никаких иллюзий по поводу подлинных чувств, которые питало местное население к англичанам. В рапорте британскому правительству он вынужден был признать, что они, эти чувства, «распространены по всей стране и от них нам грозит наибольшая опасность». Биографическая справка о Джоне Джекобе заканчивается так: «Умер 46 лет от лихорадки, вызванной жарой и переутомлением».

Там же, в Британской энциклопедии, читаем о сэре Альфреде Льюисе Джонсе, биография которого изложена еще обстоятельнее. Кто же этот Джонс? Он начал свою карьеру служащим в Ливерпульской пароходной компании, а к 26 годам был уже ее директором. «Не найдя этого достаточным, он скопил деньги и построил несколько собственных парусных судов... Но через некоторое время он должен был продать свои суда ввиду вытеснения парусного флота паровым». Дабы не оставлять читателя в тревоге за дальнейшую судьбу Джонса, составители энциклопедии спешат сообщить, что на вырученную сумму он купил значительную часть акций одной крупной фирмы, а вскоре взял в свои руки контроль над всем предприятием. Затем он «приобрел территориальные интересы в Западной Африке и финансировал многие компании, которые занимались открытием и развитием этой части света». Далее подробнейшим образом излагаются коммерческие операции Джонса, связанные с открытием новой линии коммуникаций в Вест-Индию, с торговлей фруктами на Ямайке, и прочее, и прочее. И заканчивается все фразой: «Умер в 1909 году, оставив христианские пожертвования». Причина смерти не указана. Видимо, тоже от жары и переутомления...

Биографии этих двух колониальных хищников, напечатанные в Британской энциклопедии среди прочих жизнеописаний колонизаторов, работорговцев, пиратов, международных авантюристов, биржевых дельцов, вспомнились нам вот по какому случаю.

Мы беседовали недавно с Виктором Григорьевичем Блаженовым. Его биография тоже изложена в энциклопедии, только не в Британской, конечно, а в нашей Большой советской энциклопедии, в пятом ее томе, на 286-й странице. И выглядит эта биография так:

«Блаженов Виктор Григорьевич (р. 1916) — старший машинист депо Москва-Сортировочная, один из инициаторов движения машинистов-пятисотников, депутат Верховного Совета СССР третьего созыва (1950 год), член ВКП(б) с 1944 года.

Блаженов родился в городе Алатырь Чувашской АССР. В 1931 году, после окончания семилетки, поступил в ФЗУ. С 1934 года начал работать помощником машиниста в депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги. В 1937 году стал машинистом. Один из лучших стахановцев депо, Блаженов неоднократно премировался и получил ряд благодарностей. В 1943 году был направлен на Центральные технические курсы Министерства путей сообщения...

После окончания Великой Отечественной войны Блаженов — снова машинист депо Москва-Сортировочная. В 1948 году становится инициатором движения пятисотников (машинистов, добивающихся среднесуточного пробега в 500 километров) за максимальное использование мощности локомотива. Его бригада стала работать по эстафетному графику, достигнув среднесуточного пробега в 702 километра. Почин машиниста-новатора был широко подхвачен на всех железных дорогах страны...

4 марта 1950 года постановлением Совета Министров СССР Блаженову вместе с другими машинистами-пятисотниками присуждена Сталинская премия».

Мы встретились с Виктором Григорьевичем вскоре после того, как он вернулся из Польши, куда ездил с советской профсоюзной делегацией. Это была его четвертая заграничная командировка, до которой он побывал в Румынии, Чехословакии, Венгрии. Блаженов — наблюдательный человек, и когда он рассказывал нам о своих польских впечатлениях, казалось, что путешествуешь вместе с ним и видишь то, что он видел. Видишь встающую из развалин столицу Польши, первомайскую демонстрацию ликующих варшавян, домик в Поронине, где жил Ленин...

— По пути в Катовице,— говорит Блаженов, — я решил посетить депо Тарновске Гуры, вспомнив, что тут работают машинисты Павел Коцот и Виктор Форейтер, мои старые друзья, с которыми я уже несколько лет переписывался, но которых ни разу еще не видал. И вот такой случай: проезжаем мимо Тарновске Гур. Товарищи поехали дальше, а я — к деповцам. Встретил меня начальник депо, повел показывать свое хозяйство. «Нельзя ли, — спрашиваю, — повидать машинистов Коцота и Форейтера?» Улыбается начальник и говорит: «Форейтер сейчас в поездке, вернется к вечеру. А Коцота вы уже видите, товарищ Блаженов. Я Коцот». Он, оказывается, неделю как выдвинут на новый пост... Депо огромное, одно из самых крупных в стране. Он сказал мне, что будет непременно учиться и, хотя ему уже за сорок, собирается получить высшее образование. И получит! Ведь в Польской Республике, как и у нас, перед простыми людьми открыты теперь все дороги...

Мы попросили Блаженова рассказать о своих планах на ближайшее время.

— Будем с бригадой водить на высоких скоростях тяжеловесные поезда... Собираемся отметить день рождения нашего паровоза, нашего красавца «Л-0450», которому исполняется нынче четыре года. Как отметим? Хотим довести пробег локомотива без заводского ремонта до пятисот тысяч километров... Жду в гости Блинова. Он каждый год приезжает в Москву ко Дню железнодорожника, и мы проверяем с ним наши обязательства...

Иван Петрович Блинов — «сосед» Блаженова по энциклопедии. Его биография тоже в пятом томе, на 300-й странице. Блинов — старший машинист Курганского депо, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР. Он стахановец первого призыва: еще четырнадцать лет назад он провел товарный поезд весом в одиннадцать тысяч тонн. Как сообщает энциклопедия, по примеру Блинова советские машинисты стали ездить по кольцевым маршрутам без набора воды, работать зимой по нормам летнего графика, производить промывочный ремонт паровозов силами бригад, значительно экономить топливо.

В этом же, пятом томе читаем биографии знатного комбайнера Константина Борина, ленинградского токаря-скоростника Генриха Борткевича.

Перелистываем другие тома энциклопедии.

Вот страницы, посвященные Быковым.

Пять Быковых...

Быков Константин Михайлович, академик, выдающийся физиолог, один из ближайших учеников и последователей Павлова;

Быков Николай Алексеевич, профессор-теплотехник, специалист по двигателям внутреннего сгорания;

Быков Павел Борисович, токарь-скоростник;

Быкова Елизавета Ивановна, известная шахматистка, неоднократная чемпионка страны;

Быкова Фекла Ивановна, русская песенница, работница Сорокского завода в Карело-Финской ССР, член Союза советских писателей.

Этот коротенький список лучше всего, на наш взгляд, выражает подлинную демократичность Советской энциклопедии, на страницах которой в одном ряду, как равные, стоят ученый, токарь, спортсменка, сказительница...

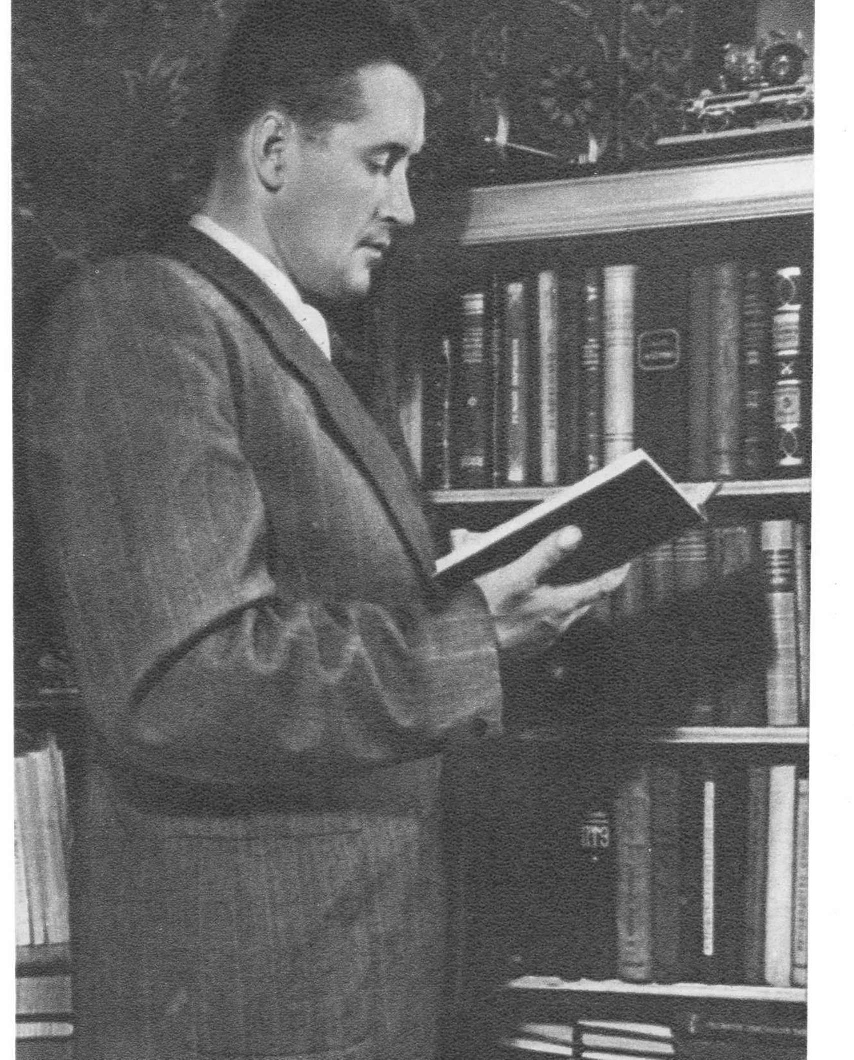
Итак, перед нами две энциклопедии: Британская и Большая советская.

Две энциклопедии — два мира.

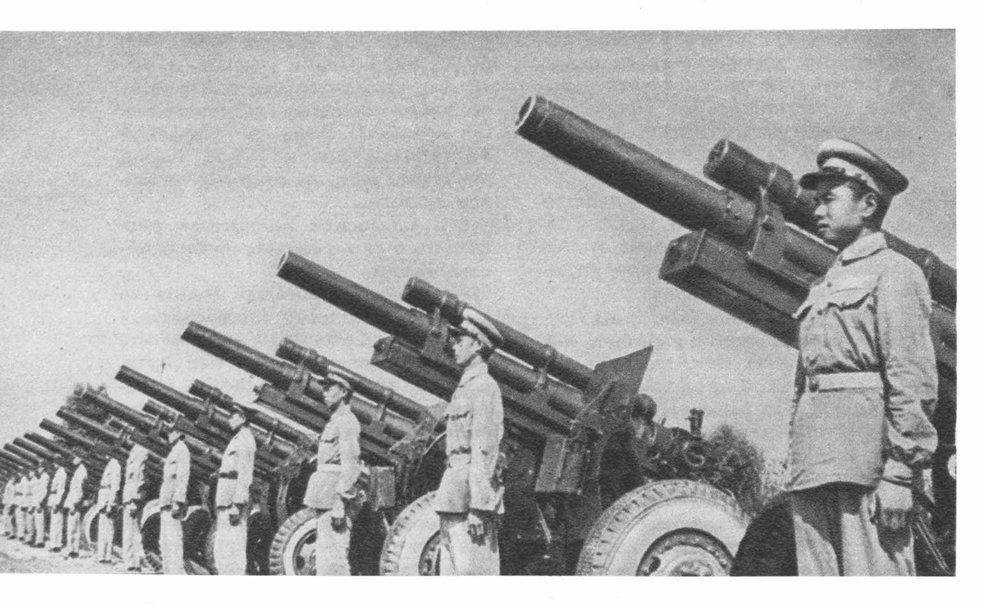
А. СТАРКОВ

Машинист В. Г. Блаженов.

Фото Г. Санько

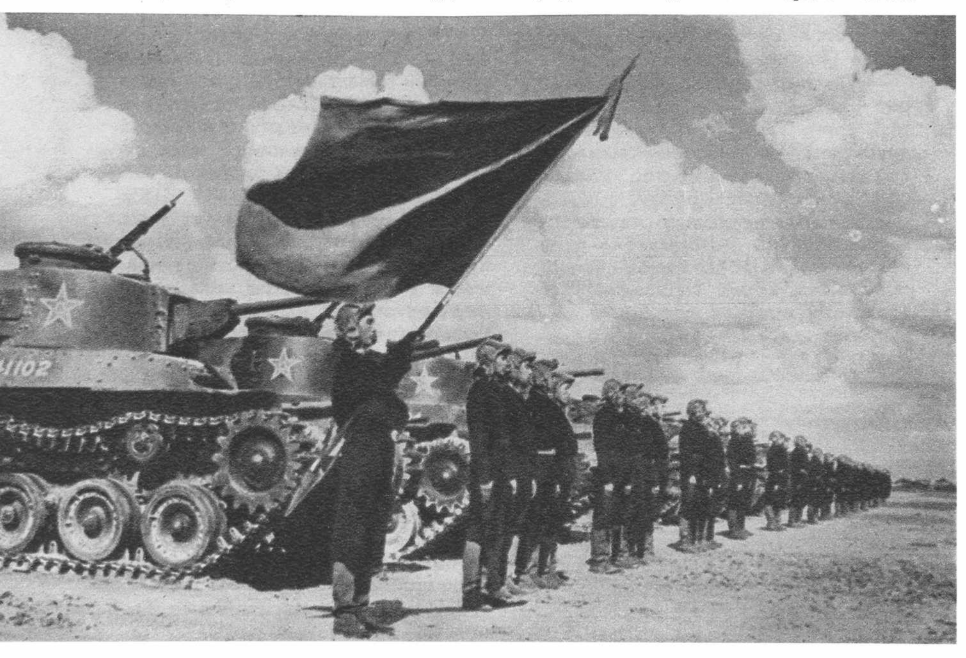


ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СЛУЖЕНИЯ НАРОДУ



Артиллеристы — слава и гордость Народно-освободительной армии Китая.

Руководители Центрального народного правительства Китайской Народной Республики на параде. Слева направо: Лю Шао-ци, заместитель председателя Центрального народного правительства; Мао Цзе-дун, председатель Центрального народного правительства; Чжу Дэ, главнокомандующий Народно-освободительной армии.



Танкисты на параде.

25 лет назад в огне восстания, поднятого верными сынами китайского народа против слуг империализма — гоминдановцев, родилась героическая Народно-освободительная армия Китая.

Это было 1 августа 1927 года. Ныне этот день отмечается в освобожденном Китае как всенародный национальный праздник. Китайский народ назвал свою армию Народно-освободительной, потому что она плоть от плоти народа, потому что нет и не было у этой армии других целей, кроме свободы, независимости и счастья родной страны.

Взращенная и выкованная Коммунистической партией Китая под руководством испытанного вождя китайского народа товарища Мао Цзе-дуна, Народно-освободительная армия покрыла свои боевые знамена славой замечательных побед над врагами и поработителями родины. Она оправдала надежды народа и заслужила его любовь и признательность.

— Наша армия,— говорит товарищ Чжу Дэ,— располагавшая небольшими силами в начальный период восстания, выросла сейчас в мощные вооруженные силы.

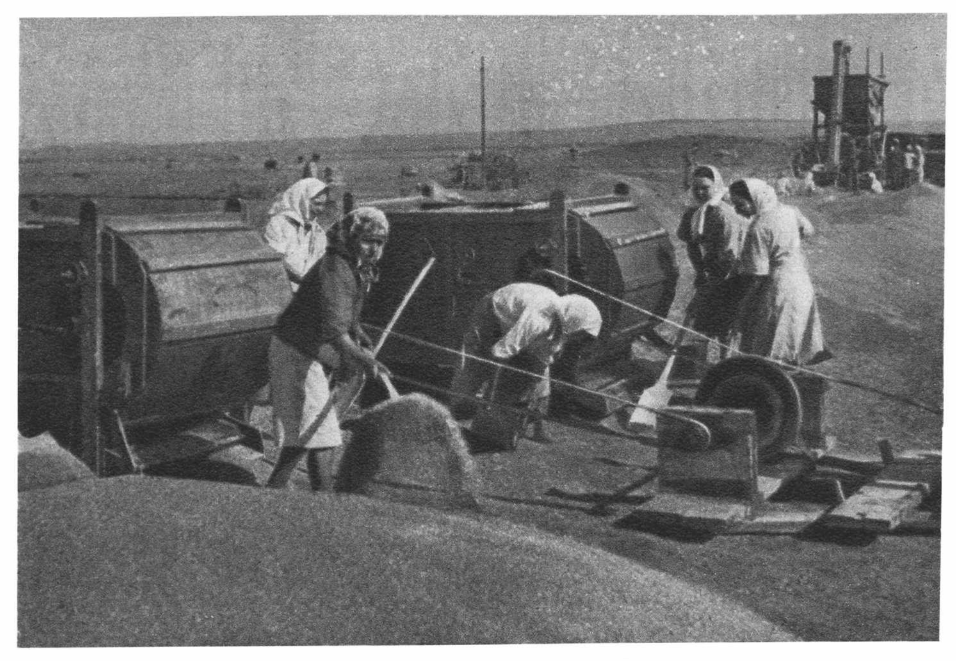
Окруженная всенародной любовью, Народно-освободительная армия совершенствует свое воинское мастерство, учась у Советской Армии, перенимая ее боевой опыт.

Народ Китая сложил о своей родной армии немало легенд и задушевных песен. Он воспевает подвиги солдат и командиров, которые героически сражались в течение десятилетия против гоминдановских реакционеров, восемь лет громили японских оккупантов, а затем одержали победу над гоминдановскими армиями и принесли свободу и независимость Китаю.

Сегодня Народно-освободительная армия стоит на страже мира, за который борется все прогрессивное человечество, возглавляемое Советским Союзом, гениальным знаменосцем мира товарищем Сталиным.

На страже китайского неба летчики, овладевшие летным мастерством.

Народ восторженно приветствует героев Народно-освободительной армии.



Механизированный ток колхоза «Победа».

Фото О. Кнорринга

Жатва на Тамани

Таманский полуостров. Один из самых щедрых дарами природы районов советской Кубани. Утонувшие в садах колхозные станицы. Зеленые виноградники. Обширные хлопковые плантации. Тутовые рощи. Забитые рыбой реки и ерики. Богатые выпасы с бесчисленными стадами коров, отарами овец и конскими табунами. Абрикосовые лесные полосы. Густо населенные птицей плавни. Ароматные арбузы и дыни, зреющие на колхозных баштанах.

И кроме всего — хлеба! Море хлебов, в котором всё: и станицы, и вынесенные в плавни колхозные фермы, и рыбачьи поселки — выглядит небольшими зелеными островками. Это море шумит, колышется на ветру, гонит к околицам станиц свои налитые тяжестью волны.

Тамань долго ждала в этом году, когда созреют хлеба. Ветры с Черного моря несли на поля дожди. Азовское море, которое здесь называют «сухим», дождей не несло, но гнало на степь холодные ветры. Станицы ждали, когда подует «восток» — тот самый сухой и горячий ветер Каспия, который приносит столько бед весной и так нужен, оказывается, в пору уборки.

И вот в середине июля Каспий задул. Наступила наконец июльская жара. Покрытая хлебами степь в два дня пожелтела, и комбайны, почти месяц стоявшие в ожидании на бригадных станах, вошли в прокосы пшеничных загонок. Созрела сразу пшеница в степи, в плавнях поспел озимый ячмень, затвердели овсы. Для комбайнеров пришло страдное время.

В первые дни хлеб еще оседал на токах. Сыроватое зерно затопляло тока глубокими россыпями. Но скоро весь этот поток зерна хлынул к железной дороге, в государственные амбары. Колхозы «Ильич», «Победа», совхоз «Красная стрелка» первыми начали хлебосдачу.

Невиданный урожай хлебов выращен в этом году на Тамани. От ста пятидесяти до двухсот пудов пшеницы с гектара снимают таманские колхозы. Комбайны с трудом одолевают стоящие стеной хлеба.

Все работы на полях выполняют машины. Трактор, комбайн, механизированная сортировка, зернопульт, ленточные транспортеры на токах и в амбарах, агрегаты для сбора соломы и половы, позволяющие в тот же день очистить поле от всех пожнивных остатков и запахать его под озимь, — вот техника, с помощью которой убирают теперь хлеба кубанские колхозы.

«Убрать хлеба за двенадцать дней!» — с этим лозунгом вышли в степь таманские механизаторы. На полях, сохранивших еще следы ожесточенных боев — здесь прорывалась нашими войсками «Голубая линия» немецкой обороны, — идет битва за хлеб. В этой битве люди так же совершают подвиги и так же, как в дни войны, получают награды за доблестный труд. Перед самой уборкой в этом году на Тамани вырос новый отряд Героев Социалистического Труда и орденоносцев.

Поля колхоза «Ильич». Здесь водят комбайны Григорий Шахов и Федор Батицкий — два Героя Социалистического Труда, вызвавшие на соревнование знатного механизатора Кубани Дмитрия Гонтаря. Вся Тамань следит за исходом этой мирной «схватки» героев-комбайнеров.

...Дует ветер с востока. Колышется море пшеницы. Идут по степи машины, груженные зерном. Советская Тамань убирает хлеба.

Б. КОСТИН

Подарок городу-герою

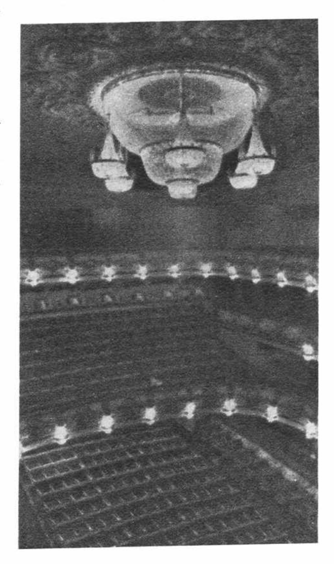
Прекрасный подарок получили трудящиеся Сталинграда: на площади Павших борцов выросло красивое монументальное здание. Оно привлекает внимание своими строгими архитектурными формами, колоннами, украшающими фасад, скульптурной группой, венчающей фронтон. Это новый Сталинградский областной драматический театр имени М. Горького.

На месте руин старого театра, разрушенного гитлеровскими варварами, поднялся настоящий дворец. Строители любовно воплотили в камень и металл замысел архитектора Н. П. Куренного.

Новый театр радует красотой и богатством оформления, техническим совершенством. Зрительный зал рассчитан на 1 100 мест. Превосходная акустика позволяет актерам без напряжения доносить свое слово до самых отдаленных от сцены рядов. Фойе, буфеты, зал освещаются хрустальными люстрами. Выделяется люстра в зрительном зале: ее диаметр — 4,5 метра. Весит она 1 450 килограммов.

Театр располагает вращающейся сценой.

Недавно состоялось торжественное открытие нового театра. Сталинградцы тепло встретили выступления московских мастеров искусства.



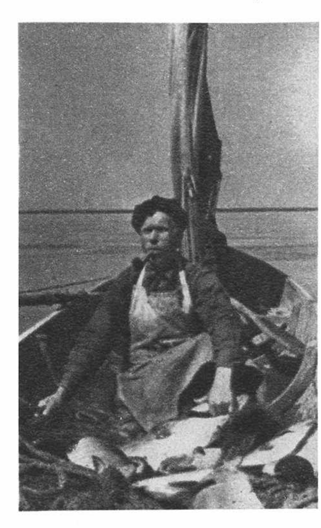
Зрительный зал.

Фото Г. Зельмы

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Здание Сталинградского областного драматического театра имени М. Горького.

Идет тихоокеанский лосось



Старейший ловец чавычи Н. Т. Чаповский в устье реки Камчатки.

Фото Е. Шулепова

Лососевая путина на Камчатском полуострове началась ходом чавычи. Многотысячные косяки серебристой рыбы ринулись в холодные воды стремительной реки Камчатки.

Невдалеке от устья, где воды сравнительно спокойны, раскинулся рыболовецкий колхоз имени Сталина. Как только разведка сообщила о подходе гонцов чавычи, на глади реки заскользили парусные лодки. Их ведут самые опытные ловцы, на протяжении многих лет занимающиеся промыслом этой рыбы.

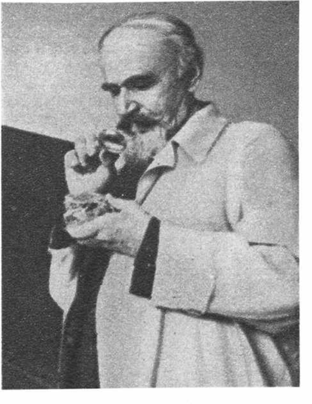
Чавыча первой из тихоокеанского лосося подходит к берегам полуострова. За ней движется нерка, или, как ее называют, красная, потом горбуша и кета, кижуч и сима. Чавыча — самая ценная из всех пород тихоокеанского лосося. По вкусовым качествам она не уступает семге. Из ее мяса приготовляют самые разнообразные деликатесы. Она и самая крупная из всех лососей. Средний ее вес — 8—10 килограммов, а длина — 90—100 сантиметров. Не раз камчатские рыбаки вылавливали экземпляры до 35—45 килограммов.

Рыба эта ведет такой же образ жизни, как и другие лососи Тихого океана. Она приходит нереститься на свою родину, в ту же пресную реку, где родилась. Из лососей она самая плодовитая. Одна самка выметывает до восьми тысяч икринок. Мальки выводятся лишь на следующую весну. Жить в пресной воде они остаются год — два, а потом табунятся и скатываются в море. За сотни и тысячи километров уходят они на пастбища океана, нагуливают мясо и жир, чтобы вернуться на родину и оставить потомство.

Начало лососевой путины было удачным. В первые же дни артель «Путь Ленина» выполнила годовой план лова чавычи. Успешно промышляют и рыбаки колхоза имени Сталина.

С. РОСЛЫЙ

Юбилей геолога



Недавно Коми филиал Академии наук Союза ССР и общественность столицы Коми АССР отметили семидесятипятилетний юбилей доктора геолого-минералогических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР и Коми АССР, профессора Александра Александровича Чернова.

В 1902 году Александр Александрович Чернов окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1903 году, сдав государственные экзамены, он получил диплом I степени и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Молодой в ту пору геолог принимал деятельное участие в Монголо-Сычуанской экспедиции П. К. Козлова. Александр Александрович дал первые геологические описания еще никем не исследованных районов Куку-Нора и острова Койсу.

Советская власть открыла неограниченные возможности для расцвета творческих сил ученого. Он целиком посвящает себя научным изысканиям, в результате которых началась разработка Печорского угольного бассейна. Вместе со своими учениками Александр Александрович исследует Тиман, Большеземельскую тундру.

Перу А. А. Чернова принадлежит более ста научных трудов, имеющих большое теоретическое и практическое значение.

Студент Педагогического института Коми АССР Андрей ВИКТОР

НА XV ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

Горит олимпийский огонь.

Борьба в разгаре

От специального корреспондента «Огонька»

У здания финского сейма попрежнему привлекает взор олимпийская эмблема из живых цветов на ярко-зеленом, блестящем, точно отполированном газоне; попрежнему на высокой башне стадиона бушует большое пламя олимпийского огня; попрежнему на главных магистралях Хельсинки плещутся флаги почти 70 стран.

В эти дни здесь стоит неустойчивая погода: дождь идет почти каждый день. Но он милостив к десяткам тысяч зрителей, заполняющих олимпийский стадион, и быстро проходит. Стадион всегда переполнен. Он словно наполненный красными, желтыми, белыми, синими цветами причудливый цветник, окаймляющий зеленое поле.

Население Финляндии, и прежде всего его столицы, проявляет живейший интерес к спортивным состязаниям по легкой атлетике, гимнастике, борьбе, плаванию. В дни финальных забегов и решающих выступлений по прыжкам, метанию диска, копья на стадионе буквально нет ни одного свободного места. Ни один футбольный матч не привлекает такого количества зрителей.

Когда состоялся финал бега на 5 тысяч метров с участием Эмиля Затопека, даже в ложу прессы нельзя было пробиться. Зрители стояли всюду, где только можно.

Кстати о прессе. В Хельсинки приехало более 1 200 представителей различных журналов, газет и агентств. Олимпийским комитетом создан специальный пресс-центр, который оперативно (не позднее 15—20 минут после того или иного спортивного события) снабжает журналистов необходимыми материалами. Эти материалы доставляются непосредственно к столикам корреспондентов на стадионе, а также и в отдельный почтовый ящик каждого журналиста. Приносят их так называемые олимпийские мальчики, одетые в специальные костюмы.

Во время любого соревнования на стадионе, в гимнастическом зале, в бассейне слышится стрекотание пишущих машинок. Впечатления от острой борьбы на футбольном поле, беговых дорожках, на ринге, спортивных снарядах моментально обретают формы записей на машинке. Записанное идет во все страны по телеграфу, телефону.

Финские организации проявили умение устраивать большие спортивные состязания. Выступления спортсменов на стадионе, в водных бассейнах, гимнастических залах проходят точно по графику.

Вот мы на олимпийском стадионе. На беговой дорожке идет забег. У финиша рядом с судейской лестницей автоматический фиксатор, точно отмечающий пересечение бегунами последней черты. На площадке для прыжков соревнуются спортсменки. В других секторах бросают ядро или метают диск. Вблизи от беговой дорожки мужчины показывают свое мастерство в тройном прыжке. Зрители бурно реагируют, успевая следить за всеми событиями. Результаты показываются на специальной табличке и на большом электрощите, который установлен в той части стадиона, где поднимаются государственные флаги.

И как только становится известно имя победителя, тотчас же исполняется государственный гимн и полотнище флага поднимается вверх.

Мощным веселым гулом поддерживают зрители спортсменов. При забеге Э. Затопека, например, весь стадион скандировал: «За-то-пек!», «За-то-пек!». Зрители — члены спортивных делегаций — имеют в руках маленькие национальные флажки. Они поднимают их, кричат слова одобрения своему участнику соревнования.

На футбольном поле Паллокенття (это рядом с олимпийским стадионом) во время состязаний между командами Швеции и Австрии произошел забавный случай. Один из шведских «болельщиков» ходил по секторам стадиона, взмахивал шведским флажком, приглашая повторять за ним: «Шве-ция! Шве-ция!» Но вот он подбежал к трибунам спортивных делегаций с тем же призывом. В ответ взметнулись австрийские флажки. Оказывается, он остановился около австрийской делегации. Стадион дружно рассмеялся.

Олимпийские игры попрежнему находятся в центре внимания финской печати. Газеты ежедневно посвящают им до 4—6 полос. Кроме того выходят специальные приложения и вечерние экстренные выпуски газет, целиком посвященные главным событиям спортивной борьбы.

Некоторые газеты весьма сдержанно сообщают об успехах спортсменов Советского Союза и стран народной демократии и крикливо рекламируют каждую победу американцев. В других появились справедливые заметки, отмечающие неправильное судейство. Так, например, одна из газет ясно заявила, что при выступлении советских и чешских гимнасток некоторые судьи явно занижали оценки.

И действительно, в зале Мессухалли две тысячи зрителей, возмущенных необъективностью судей, начали скандировать: «Де-сять! Де-сять!» — требуя наивысшее количество баллов, заслуженных гимнастками Советского Союза, Чехословакии и Венгрии.

Газеты отмечали необъективное решение судей в пользу американцев и в состязаниях по вольной борьбе.

Бывает и другое: под видом особого интереса к тому или иному спортсмену около него собирается большое количество кинооператоров и фотокорреспондентов, которые просто-напросто мешают ему исполнять упражнение. Так, например, было с одним из советских спортсменов в соревнованиях по стрельбе из пистолетов.

Газеты много пишут о победителях соревнования, и зачастую в рекламных тонах. Когда Затопек и его жена Затопкова в один день получили золотые медали, то в газетах запестрели заголовки: «Праздник семьи Затопковой», «Дружная семья», «Муж и жена — обладатели золотых медалей».

Публикуются в газетах и фотографии чемпионов и рекордсменов олимпийских игр. Но недавно в финской газете появился снимок, на котором было изображено, как победитель бега на 400 метров Роден из Ямайки по просьбе девушки расписывается... ногой на своей же фотографии. Подпись под снимком гласит: «Этими ногами он завоевал первенство, этими же ногами он и расписывается».

Многие газеты используются с рекламной целью. Олимпийский

Финал бега на 100 метров. Крайний справа — В. Сухарев, который проиграл лишь одну десятую долю секунды победителю бега Ремижино (второй слева).

Фото В. Савостьянова (ТАСС)

Известный финский спортсмен П. Нурми вбежал на стадион с олимпийским огнем.

Советские спортсмены направляются на стадион.

факел стал постоянным знаком для реклам. В одной шведской газете, выходящей в Финляндии, появилось изображение олимпийского факела с «миролюбивым» текстом. Коротко смысл этого текста можно сформулировать так: «Олимпиада укрепляет дело мира. Боритесь за мир, покупайте автомобили Форда!»

Советские легкоатлеты, как правило, выступают в большинстве финальных встреч, оставаясь в ряду лучших спортсменов мира.

Нина Ромашкова, Елизавета Багрянцева, Нина Думбадзе первыми завоевали олимпийские медали. Когда наши девушки поднялись на почетный олимпийский пьедестал и под звуки Гимна Советского Союза на высоких флагштоках стадиона взвились три советских флага, десятки тысяч зрителей тепло приветствовали представителей нашей страны.

Владимир Сухарев показал хорошее время в беге на 100 метров (10,5 секунды) и отстал от американца Ремижино всего на одну десятую долю секунды. Юрий Литуев в забеге на 400 метров с барьерами, Леонид Щербаков в тройном прыжке, Александра Чудина в прыжке в длину и в метании копья и другие завоевали серебряные медали.

В ходьбе советские спортсмены Юнк, Лобастов и Ухов, в толкании ядра Григалка, в прыжке с шестом Денисенко заняли хорошие места.

Триумфальным было выступление советских гимнастов и гимнасток. Они по праву заняли первые места и получили золотые медали. Виктор Чукарин и Мария Гороховская стали абсолютными чемпионами.

Газеты отмечали, что при выступлении советских спортсменов — мужчин на кольцах и женщин на «буме» — существующий балл «10» был явно недостаточен.

В зале Мессухалли состоялось торжественное вручение медалей победителям по гимнастике. Много раз в этот день звучал под сводами зала Государственный гимн Советского Союза. Взволнованные, одухотворенные, красивые, стояли советские спортсмены на олимпийском почетном пьедестале. Вот они, преисполненные гордости, получают медали. Им подносят цветы: красные и белые гвоздики — победителям, розовые — тем, кто завоевал вторые места, а бледножелтые — тем, кто завоевал третьи.

Зрители приветствуют наших спортсменов с особым восторгом. Ведь они завоевали славу лучших гимнастов мира! Звучит гимн страны социализма. На флагштоках красные знамена.

Благородная взволнованность переполняет наших людей.

Штангист Иван Удодов рассказывает:

— Когда я стоял на пьедестале и смотрел на поднимающееся наше знамя, я с особой силой почувствовал могущество этого знамени, несущего мир всему миру. Я не осуждаю себя за то, что у меня невольно увлажнились глаза. Это не была слабость.

* * *

В лагерь Отаниеми к советским спортсменам приезжают многие делегации других стран, а также представители финских организаций сторонников мира. Наши спортсмены бывают в гостях в олимпийской деревне Кэпеле, где размещены делегации более 60 стран. Встречи эти, как правило, проходят в дружеских беседах.

Тренер американских гребцов Мевлей при встрече с нашими спортсменами сказал: «Когда я вернусь на родину в Америку, я буду всем рассказывать о самом хорошем отношении к нам советских людей и особенно о том внимании, которое вы оказывали нам в Отаниеми».

Сближению молодежи, объединению их общей идеей борьбы за мир способствуют вечера, проводимые в различных парках и школах Хельсинки. Выступления Ансамбля народных танцев СССР под руководством Игоря Моисеева, ансамблей Чехословакии, Румынии, Болгарии, советских артистов концертных групп проходят с большим успехом.

Во время выступления Ансамбля Игоря Моисеева в лагере демократической молодежи в Йолласе (пригород Хельсинки) пошел дождь. Концерт пришлось прервать. Но молодежь, расположившись прямо на земле, камнях, вокруг сцены, сооруженной ее же руками, не хотела расходиться. Она еще долго аплодировала, искренне выражая свою признательность советским артистам.

По выходным дням и в будничные дни после работы молодые рабочие на территории, отведенной им в бору, на берегу Финского залива, соорудили кухню, площадки для танцев, палатки. В этом своеобразном лагере демократической молодежи рабочие Хельсинки принимают молодежь Финляндии и других стран. В лагере собирается свыше 4 тысяч юношей и девушек, приехавших на олимпиаду в качестве зрителей со всех концов Финляндии, из Болгарии, Чехословакии, Германской Демократической Республики и других стран. Здесь часто выступают артисты, устраиваются вечера самодеятельности.

На открытии лагеря губернатор Нюландской губернии Мелтти особенно подчеркнул значение такого лагеря для укрепления сил демократической молодежи в ее борьбе за мир.

Еще до открытия молодежного лагеря «Голос Америки» пророчил провал этой затеи, как якобы противоречащей принципам олимпийских игр. Сама жизнь показала, как важны на олимпиаде дружба, единение не только спортсменов, но и всей молодежи, заинтересованной в олимпиаде и активно поддерживающей ее идею.

Эти строки пишутся 27 июля. Читатель же «Огонька» прочтет их в день закрытия олимпийских игр. Трудно сейчас предугадать окончательный исход спортивной борьбы. Еще идут соревнования по плаванию, прыжкам в воду, штанге, водному поло. Начались заключительные состязания баскетболистов. Уже закончились легкоатлетические соревнования.

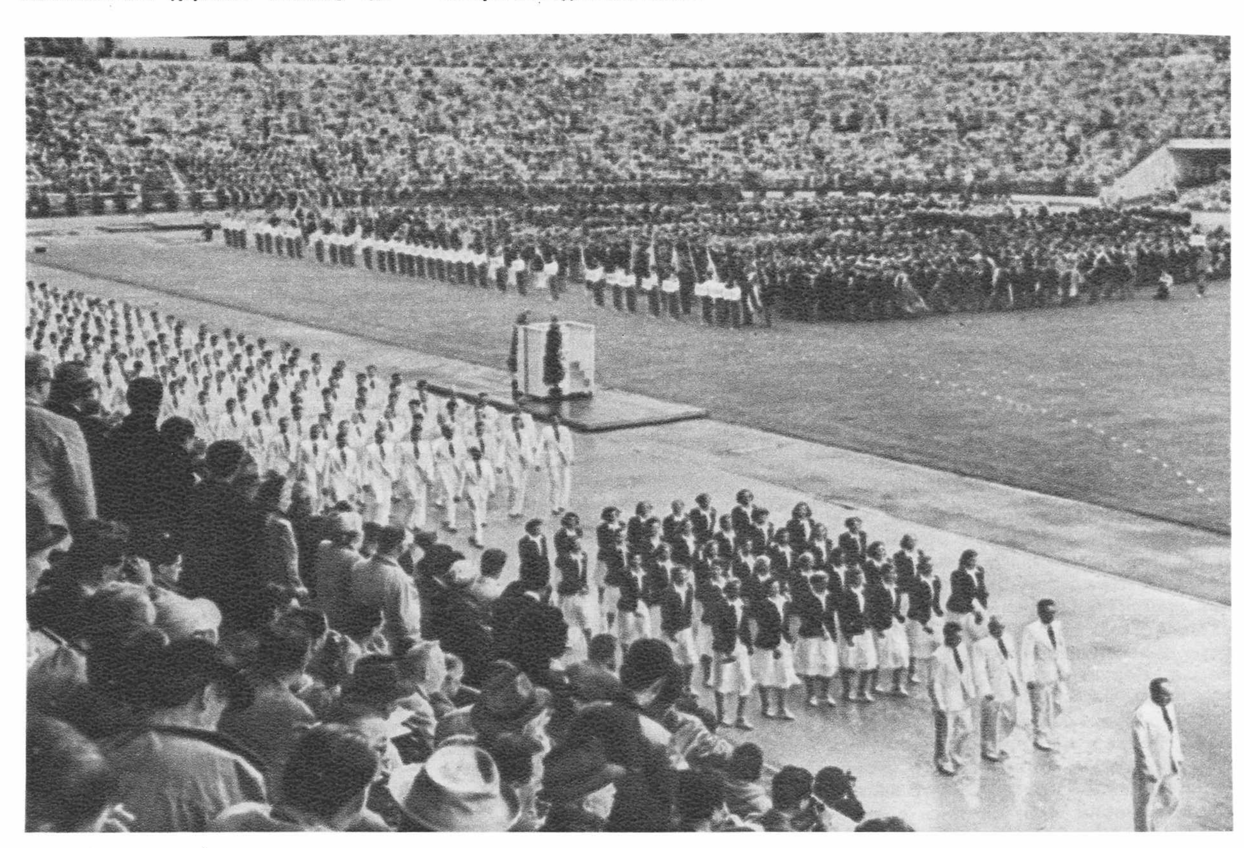
Скоро начнутся состязания боксеров, конников.

Много еще интересного, а порой и неожиданного произойдет в залах и на стадионах.

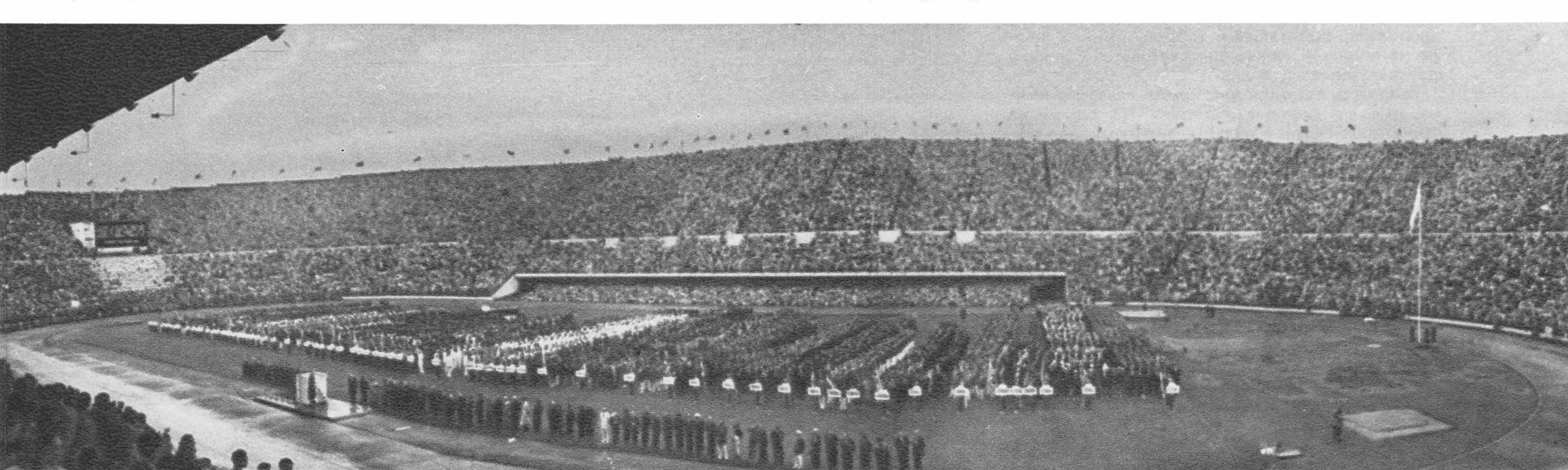
В последний день игр погаснет олимпийский огонь, зажженный когда-то в древней Греции во имя дружбы и мира на земле. Но не погаснет огонь искреннего уважения к человеку, зажженный в сердцах многих тысяч участников олимпийских игр. Появится немало новых истинных борцов за дружбу и мир между народами. Вопреки стараниям и ухищрениям дельцов от спорта, вопреки желанию поджигателей войны в ряды честных сторонников мира вольются новые отряды демократических спортсменов.

Б. БУРКОВ

Фото А. Гостева



Советская спортивная делегация проходит мимо трибун олимпийского стадиона в Хельсинки. Общий вид стадиона.



ПО ТРАССЕ ПЯТИ МОРЕЙ

ГОРЬКИЙ
КАЗАНЬ
Ока
Волга
Кама
УЛЬЯНОВСК
СТАВРОПОЛЬ
КУЙБЫШЕВ

Я. ФОМЕНКО, С. МОРОЗОВ

Фото С. Фридлянда и Б. Кузьмина

Специальные корреспонденты «Огонька»

МЕЖ БЕРЕГОВ РЕКИ ЛЮБИМОЙ

От горьковских причалов теплоход «Парижская Коммуна» отвалил после сильного ливня. Над берегами и над рекой стояла тонкая мгла. Земля курилась испарениями. Несколько дней перед тем была тридцатидвухградусная жара. Горьковчане шутили тогда: не надо ехать в Сочи или в Ялту — там холоднее. Теперь они говорили, что в Горьком не хуже, чем в Ленинграде. Воздух пропитан влагой, как летом на Балтике.

Ветер разыгрался не на шутку. Волга потемнела, точно в ее водах растворились мутносерые грозовые облака. И все-таки река не утратила своей красы. Она только переменила наряд. Гребни волн оделись в яркобелую пену. Пески левобережья посветлели, резче выделились на фоне густой зелени, хмурого неба и потемневшей воды. Река притворялась сердитой, а на самом деле оставалась, как всегда, хлопотливо-работящей и доброй, играючи, несла на широкой спине тысячетонные баржи и двухпалубные корабли.

Теплоход, везущий нас, кроме славного имени, имеет и славную историю. На одной из переборок главной палубы висит медная мемориальная доска:

«Пассажирский теплоход «Парижская Коммуна» в дни жестоких боев с немецко-фашистскими захватчиками за Сталинград под артиллерийским и минометным обстрелом, под ударами немецкой авиации самоотверженно подвозил войска городу-герою.

Слава героическому кораблю и его команде за доблесть и отвагу в боях за нашу Родину».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 28, 29, 30 и 31.

Это было в августе 1942 года, в самые тяжелые дни обороны Сталинграда, когда на город навалилась огромная армия захватчиков, когда все на земле пылало, а волжская вода кипела от разрывов бомб, снарядов и мин. Команда мирного и, по существу, беззащитного судна мужественно выполняла патриотический долг. В ее составе не было воинов-кадровиков, но даже храбрейшие из храбрых защитников Сталинграда дивились бесстрашию «гражданских» матросов «Парижской Коммуны».

Один из участников сталинградских рейсов 1942 года, первый штурман Сергей Павлович Борисов, просто, будто речь шла об очередном плавании, рассказывает:

— Жарковато было. Кругом бомбы рвались. Осколки летели в салон, на командный мостик. Ни одного целого стекла у нас не было, все продырявлено. Гитлеровские артиллеристы били прямой наводкой, снаряды разрывались на палубах, пробивали обшивку. Были пробоины и в подводной части. Чинились на ходу, пожары гасили под огнем.

Десять лет прошло с тех пор. Попрежнему уверенно теплоход бороздит волжские воды. Ничто не отличает его от обычных пассажирских судов. Лишь надпись на блестящем металле — маленькая страничка исторической эпопеи — повествует о событиях недавнего прошлого и делах простых людей нашей Родины.

ПО ВОЛНАМ БУДУЩЕГО

А ветер все крепчает. Доносятся гулкие раскаты грома. Нашему кораблю нипочем вздыбленные волны, а баркасы и катерки покачивает довольно сильно.

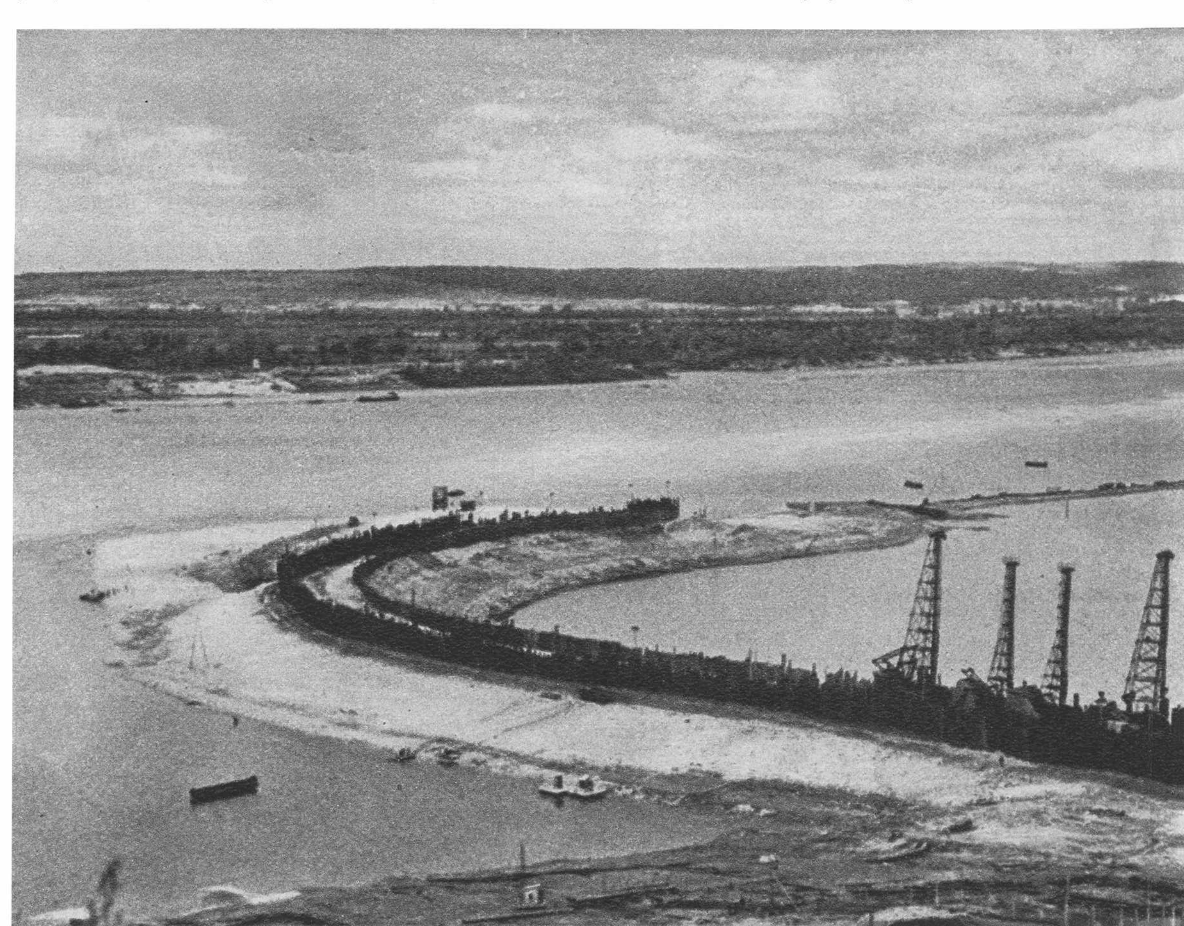
Мы прислушиваемся к грозе и чуем в громовых раскатах салют будущему. Оно отделено от нас всего тремя годами. В 1955 году там, северо-западнее Куйбышева, против Жигулевска, мощная плотина перегородит реку, поднимет ее воды на 26 метров — и сюда, далеко за Казань, протянется море. Волга здесь станет совсем иной. Раздадутся берега. Ослабеет течение. Какую же волну будут поднимать тогда вот такие, как сейчас, ветры!

Увлекательно плыть по реке и рисовать ее будущее. Город Чебоксары. Он разделит судьбу Череповца, станет приморским. Плотина Куйбышевского гидроузла поднимет воду и здесь и даже несколько выше, а всего по Волге — на расстояние 600 километров. Огромное расстояние. Длина Рыбинского моря — 120 километров.

В Казанском порту мы осматривали зону предстоящего затопления с верхней площадки огромного крана. Узкая лента реки Казанки. Адмиралтейская слобода. За нею белеют стены Казанского кремля. Вправо Спасская башня, влево башня Сююмбеки. Расстояние до них от Волги — 5—6 километров. От порта к городу тянется шоссейная дорога. И грузы и пассажиры, чтобы попасть из Казани на волжские суда, перемещаются сухопутным путем. Не то будет через три года.

— Видите,— показывает главный инженер порта Борис Николаевич Лебедев,— там железная дорога и вокзал. Рядом будет новая гавань. По руслу Казанки пройдет путь волжских пароходов. Нашим горожанам не придется добираться до Волги. Она сама придет к ним.

Облик близкого будущего угадывался нами



не по чертежам или планам, а «на местности». Скоро не будет вот этих причалов, где сейчас суетятся катеры и пароходы, не будет шоссе, и автомобили не станут бегать по нему. Водонасосная станция, питающая городской канал Булак, потеряет свое значение. Нижняя часть Адмиралтейской слободы превратится в морской залив. Вода подойдет вплотную к холмам, где возвышается Казанский кремль, и башня Сююмбеки будет, как в зеркало, смотреться в волжские воды. От улицы Чернышевского и расположенного на ней университета, где учился юноша Владимир Ульянов, будет несколько минут ходьбы до моря. Многое, очень многое изменится и в ландшафте, и в жизни, и в привычках, и в быту жителей Казани!

Ночью мы увидали еще один крупный порт будущего моря. На фоне розовато-желтого предрассветного неба четко обозначились фермы железнодорожного моста и справа, на высокой горе, силуэты зданий Ульяновска.

В этот ночной час на палубу вышло много пассажиров. Разговоров не слышно. Люди молча смотрели на город, давший миру величайшего гения преобразования человеческой жизни.

Бывают минуты, когда молчание красноречивее и сильнее выражает чувства, чем миллионы слов. Именно такие минуты переживал, вероятно, каждый, кто смотрел в ту ночь на огни Ульяновска. Дул пронизывающий ветер, хлестал дождь, а люди стояли и смотрели на берег, желая на всю жизнь сохранить в памяти увиденное.

Между Казанью и Ульяновском находятся два примечательных участка Волжского бассейна. Первый из них — район Камского устья. Тут в Волгу впадает Кама — река, равная по мощи, по количеству воды самой Волге в ее верхнем и среднем течениях. Приняв воды Камы, собранные на огромной территории вплоть до Уральского хребта, Волга как бы удваивается, становится поистине могучей.

Когда войдет в строй Куйбышевский гидроузел, в районе Камского устья Волга разольется вширь на 40 километров. Тут образуется самая широкая часть будущего моря. Для пассажиров 1955 года Волга тут будет безбрежной. Подъем воды на самой Каме распространится вверх по ее течению на 300 километров, вплоть до места впадения в Каму реки Вятки.

Было время, когда на рейде Камского устья собиралось множество караванов. Шедшие с низовьев Волги на север, к Ярославлю, к Москве, к Ленинграду, грузы переваливались из глубокосидящих баржей в суда меньшей осадки. Даже к Горькому крупным судам в межень трудно было пробираться. Их подкарауливали опасные перекаты и мели Телячьего брода. С открытием глубоководного пути на Череповец и Москву о былом оживлении здешнего рейда напоминает только необычного вида судно, именуемое речниками «нефтемашинкой». Из трюмов «нефтемашинки» снабжаются горючим проходящие караваны.

Останется ли в ближайшем будущем «нефтемашинка» как место встреч снующих вниз и вверх по реке караванов, неизвестно, но самое название «Камское устье», несомненно, устареет. Ведь самое устье Камы переместится далеко-далеко на северо-восток, а тут привольно разольется море. Так в свое время случилось с устьями Шексны и Мологи. То же произойдет и с устьем Камы.

Мы говорили о двух примечательных пунктах великого волжского пути. Второй — это Тетюши. Вряд ли путешествующие по Волге обращают особое внимание на это скромное селение. Разве самое название на секунду привлечет ласковым звучанием, а в остальном, кажется, ничего интересного. Между тем у гидротехников и гидрометеорологов Тетюши значатся в списках рядом с крупными городами. Условно это место можно именовать центром весенних волжских разливов. В половодье, когда со всего огромного бассейна Волги и Камы сюда стекаются миллиарды кубических метров влаги, уровень реки после особенно снежных зим поднимается тут на 15 с лишним метров.

Начиная от Тетюшей высота половодья понижается. Тому есть две причины: первая — за Самарской лукой у Волги нет значительных притоков, вторая — за Жигулями русло выходит в поймы нижнего течения; у Саратова Волга из лесной и лесостепной полосы попадает в районы степей и полупустынь, где заливает отлогие берега низменностей. У Астрахани ее уровень в самые полноводные разливы не повышается больше чем на 3—4 метра.

Что же произойдет у Тетюшей через три года? Таких резких скачков в уровне реки в зависимости от времен года не будет. Гидрометеорологам придется перестроиться и высчитывать подъемы и понижения воды другими цифрами и по иным отметкам. Море создаст и установит новый, более устойчивый и постоянный «режим» для волжских вод.

ПЕРЕВОСПИТАНИЕ РЕКИ

Однофамильцы бывают не только среди людей, но и среди кораблей. Мы обрадовались, увидев на волжском пароходе знакомое

Группа участников сталинградских рейсов 1942 года теплохода «Парижская Коммуна».

Близ Куйбышева. Здесь роют гигантский котлован для здания гидроэлектростанции.

Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова (Ленина).

уже нам имя: «Володарский». На судне с таким же названием мы совершали рейс по Онежскому озеру от Петрозаводска до Вытегры.

Вспомнился капитан Мошников, рассказавший нам про первый рейс по Беломорканалу.

Волжский «Володарский» — корабль совсем другой конструкции. И плавает он от Горького до Астрахани. Но, кроме наименования, между двумя суднами есть еще одно сходство: обоими командуют капитаны — депутаты Верховного Совета СССР. Александр Иванович Торсуков, волгарь, уроженец города Щербакова, а по жительству горьковчанин, плавает на Волге с 12 лет. Служил он «весельником» за 9 рублей в путину «при своих сапогах и хозяйских лаптях». Был он бакенщиком, матросом, лоцманом. Искусство судовождения постигал больше практикой и лишь на 51-м году жизни получил первый диплом — диплом штурмана. Ныне капитан Торсуков, народный избранник от населения Лысковского избирательного округа,— один из наиболее популярных людей на Волге.

Александр Иванович подсказал нам заглавие для настоящего раздела очерка. Он говорил о своенравии и капризах Волги, о крутом ее характере, о всяких осложнениях штурманской службы и в заключение по-хозяйски твердо сказал:

— Ничего, перевоспитаем матушку!

«Перевоспитание реки»... Это, конечно,— образное выражение, а не гидротехнический термин, но оно верно передает существо гигантской преобразовательной деятельности на берегах Волги.

Что такое «капризы реки», мы увидели в Ставрополе. Отшвартовались мы у дебаркадера в Ставропольской «во̀ложке», а ночью наш пловучий дом, с гостиницей и всеми службами, перекочевал в другое место — за 4 километра от города. Наступает пора межени, «во̀ложки» — так называют ответвления от основного русла — мелеют, причалы приходится переносить.

Тут же, в Ставрополе, вернее, вокруг него, мы увидели, что делается для «перевоспитания» характера Волги. И до того, как попасть в управление «Куйбышевгидростроя», на его площадки, мы видели многое, что уже изменило и меняет природу бассейна. Внушительны «рукодельные» моря Верхней Волги, грандиозна гидроэнергетическая система Рыбинского моря. Как же определить то, что творится на берегах Волги у Жигулевска и Комсомольска?!

Только по привычке можно назвать пространство, где развернулась стройка, площадкой. Какая же это площадка? Это обширный плацдарм небывалого по размаху сражения. Взглядом его не окинешь. Надо мобилизовать весь дар воображения, данный человеку, чтобы охватить поле трудовой битвы пространственно, а что касается техники, нужно большое время, чтобы познакомиться с нею хотя бы вчерне.

Приведем в качестве примера такую «деталь». В строительной технике существует дс 300 видов молотов для забивки свай и шпунтов, и большинство их представлено на стройке Куйбышевского гидроузла.

Когда вы приближаетесь со стороны Ставрополя к Жигулевску, где готовится котлован для Куйбышевской ГЭС, первое, что вы издали заметите,— это высоченные башни пловучих и сухопутных копров. Паровоздушный молот на универсальном плавающем копре весит не меньше и не больше, как пять с половиной тонн. В одну минуту такой молот наносит 125—150 ударов. А теперь представьте, что десяток таких «кузнецов», выстроившись в ряд, заработает своими молотами. Может ли с этим зрелищем сравниться созданная поэтическим воображением мифическая кузница гигантов?

А вот и часть работы, проделанная механическими «кузнецами»-исполинами. Со стороны реки котлован защищен шпунтовой стенкой. Стальной подковой она огораживает целое озеро — дно будущего котлована станции — от волжских и грунтовых вод. Сколько энергии потрачено, чтобы забить такую уйму стальных шпунтин длиной свыше 20 метров! Линию шпунтов, протянувшуюся на сотни метров, строители называют ниткой. Ничего себе нитка! Три таких «нитки» составят шпунтовую стенку.

Вы пока не видите, что делается за стальной огорожей котлована и за откосом горы. Но вот речной трамвай причалил к Жигулевской пристани, вы сошли на берег, отправились на «площадку» и сразу потерялись в нагромождениях земли, в глубоких провалах, среди машин-великанов. И бродите вы, потерявшийся, по временным дорогам, ежеминутно отскакивая в сторону от проносящихся вихрем самосвалов.

Горы вынутого грунта возвышаются над экскаватором имени Зои Космодемьянской, и тут же провал в десятки метров и на дне вода. В нее опущен слоновый хобот электронасоса, непрерывно качающего воду и отгоняющего ее за сотни метров. «Провал» у экскаватора имени Зои Космодемьянской уже вошел в историю стройки. Тут впервые достигнута проектная глубина котлована. Тут будет заложен первый бетон в основание огромного здания гидроэлектростанции. Когда смотришь вниз со склонов горы Могутовой на стройку, Волга выглядит не такой уж широкой, а огромная площадь развороченной на берегах земли при всем своем внешне хаотическом виде предстает как олицетворение созидательного, животворного труда. Чем больше вглядываешься в раскинувшуюся перед тобой панораму строительства, тем яснее «проявляются», точно на многокилометровой фотографической пластинке, очертания будущего электродворца, населенного умными, рождающими неиссякаемую энергию машинами, контуры плотины, шлюзов, моря и новых городов.

Там, на левом берегу, протянулась уж перемычка нижнего шлюза, а невдалеке копошатся бульдозеры, тракторы-укатчики, бьют фонтаны воды. Это идет насыпка и укатка перемычки верхнего шлюза. На склонах видны новенькие, «с иголочки», дома Комсомольска, портового городка. От шлюзов, через Телячий остров, потом через главное русло, пройдет плотина и сомкнется со стенами электростанции. И станет тут Куйбышевское море. Поистине, труд советских людей меняет лицо земли решительнее, чем иные геологические сдвиги.

Так идет «перевоспитание» Волги. Ее характер изменится неузнаваемо, когда возникнет самый могучий в мире гидроузел у Жигулей, а год спустя южнее, у стен Сталинграда, встанет новая плотина и родится еще одно море. Исчезнут мели и перекаты, угомонятся буйные паводки, скроются песчаные острова, отойдут в прошлое бесчисленные «во̀ложки» и «старицы». Река станет вдесятеро сильнее и будет приносить людям во сто крат больше пользы, чем раньше.

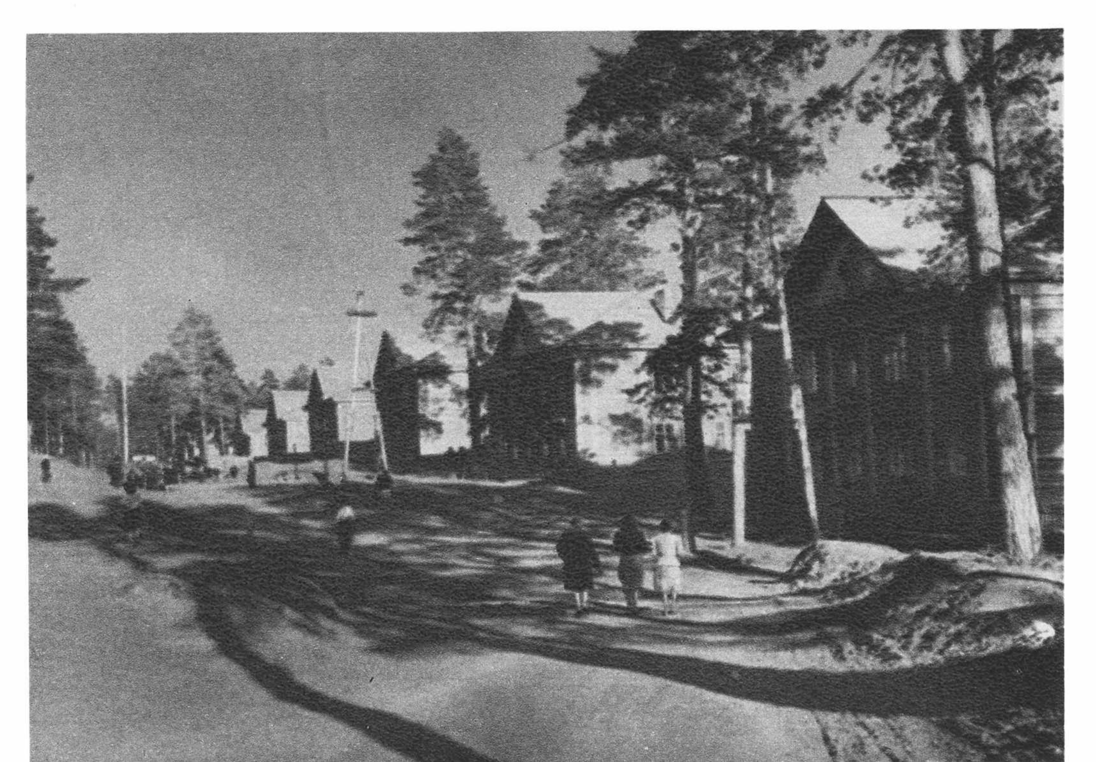
Михаил Федорович Ульянов, руководитель Ставропольской пристани, принадлежит к числу людей, умеющих творить новое и по-юношески мечтать о будущем. Он дрался за это будущее, защищая Сталинград в дни войны, а сейчас борется за будущее родного края и любимой Волги со всем пылом новатора-большевика. Он не прочь поспорить и померяться силами с самой царицей русских рек, когда ее «капризы» идут наперекор воле человека. Нынешним летом он одержал победу в «споре» не только с Волгой, но и со сторонниками устаревших правил судовождения.

По существовавшим правилам, плоты леса, доставляемые «Куйбышевгидрострою» с Камы, надо было ставить в 20 километрах от Ставрополя на рейде, а потом по частям отправлять к стройплощадкам. Михаил Федорович восстал против этого правила. Оно обходилось очень дорого и речникам и строителям. Ульянов начал войну с судоходными инспекторами, обратился за поддержкой в Москву. Поддержка пришла. Ульянову разрешили буксировать огромный, длиной в полкилометра, плот мимо Ставрополя прямо к стройке. И вот громоздкая махина потянулась за буксировщиком по фарватеру, суженному шпунтовой стенкой и перемычкой возле котлована. Течение тут особенно стремительно. Пройдет плот или его занесет, разобьет? Плот прошел. Михаил Федорович провел первый караван с лесом прямо к левому берегу, к Комсомольску. За ним прошли другие капитаны. С той поры под Жигулями утвердились новые, продиктованные самой жизнью и опытом волгаря Ульянова правила судоходства.

— Ведь стройка не ждет! — горячо говорил Михаил Федорович.

Да, стройка на Волге не ждет. Осталось три года до пуска Куйбышевской ГЭС. Это ведь будет очень скоро!

Близ Ставрополя строится портовый городок.



Знатная крановщица Московского западного порта канала Москва—Волга, лауреат Сталинской премии Зинаида Петошина.

Фото Дм. Бальтерманца

КОЛХОЗНОЕ СТАДО (колхоз имени Л. М. Кагановича, Киево-Святошинского района, Киевской области).

«Огонек». 1952.

Фото С. Фридлянда

Фото И. Мартова

Украинские пейзажи.

Из снимков, поступивших на конкурс «Огонька».

ПОСЛЕ ОТПУСКА

Рассказ

Елена КАТЕРЛИ

Рисунки В. Высоцкого

Дуся проснулась, подняла голову и с любопытством осмотрелась. Было еще очень рано. Бледное солнце косо светило сквозь занавеску, малыш спал, спал и Василий, уткнув лицо в подушку. В комнате было все такое милое, знакомое с детства: толстые коричневые бревна стен, высокий потолок из потемневших от времени досок, большой комод, на котором в рамочках улыбались портреты подруг.

Около окна в больших кадках росли фикусы. За этот месяц они стали еще выше, у одного ветка уперлась в потолок и загнулась. Жесткие листья фикусов тянулись к окнам и отодвигали белоснежные занавесочки.

За окном была видна черемуха, на которой уже начали темнеть ягоды. На дворе беспокойно блеяла коза и нахально кричал старый, самый горластый во всем поселке краснoперый петух.

«Разбудит маленького, — подумала Дуся. — Прогнать надо». Она вскочила с постели, открыла окно и замахнулась на петуха. Он орал, стоя на скамейке как раз под ее окном, и когда стукнула рама, нехотя спрыгнул на землю и ушел.

Утро было такое хорошее, что Дусе не захотелось больше ложиться. Она порылась в не разобранном еще чемодане, нашла купальный костюм, натянула его и с удовольствием осмотрела себя в зеркале: ладная дивчина, ничего не скажешь! Яркокрасный костюм, белый пояс, загорелые, коричневые плечи и руки. Вот только ноги не удались: слишком большие, мускулистые, широкие в лодыжках.

Дуся вздохнула и встала так, чтобы не видеть ног. Затянула потуже пояс, пригладила волосы и, налюбовавшись собой, принялась будить Васю.

Ему очень не хотелось просыпаться, и он даже заворчал во сне и повернулся к Дусе спиной.

Но Дуся не отступала. Она сдернула с Васи простыню и брызнула на его темную, как шоколад, спину холодной водой из стакана.

— Ты давал слово, что будешь по утрам бегать, — сказала Дуся. — Что же мне, каждый день силком тебя из постели вытаскивать?

Она бросила ему купальные трусики, схватила полотенце и выбежала на улицу. Во дворе мать доила козу. Молоко тоненько звякало в кастрюле, мать поглаживала козу и приговаривала:

— Сейчас, сейчас, моя ведерница!

— Кружку-то надоишь от своей ведерницы? — спросила Дуся.

— Кружку! — обиделась мать. — Два литра она нынче дает, а не кружку.

Оглянувшись, она увидела дочь и чуть не опрокинула кастрюльку.

— Дуська, бессовестные твои глаза! — сказала она. — Что это ты по двору нагишом бегаешь?

— Вовсе не нагишом, а в купальном костюме, — ответила Дуся и повернулась перед матерью. — Красивый костюмчик? Васина тетка мне его в Киеве купила.

Мать не успела ответить: на крыльцо вышел зять в одних трусиках и с полотенцем через плечо.

Он схватил Дусю за руку, и они выбежали на улицу, громко хлопнув калиткой.

«Батюшки, грех какой!» — подумала мать и заторопилась к калитке. — Хорошо, еще соседи спят».

Она посмотрела вслед дочери и зятю: бегут посредине улицы, плечом к плечу, пыль клубочком поднимается из-под их босых ног. Кроме них, на улице никого нет, только какая-то женщина с ведрами на коромысле идет от колонки. Вот увидела Дусю с Васей, опустила ведра на землю, покачала головой и пошла дальше.

В старом поселке дома стоят тесно друг к другу, двор к двору, палисадник к палисаднику. Дома маленькие, палисадники пустые, редко где растет черемуха или рябина. Несколько покосившихся домишек заколочено: их хозяева получили квартиры в новом поселке.

Улица старого поселка идет по склону голой, черной горы, под которой раскинулось озеро. Бежать в гору нелегко, но Дуся бежит быстро, далеко оставляя за собой мужа.

— Тебе объясняли, что бегать надо, не торопясь! — крикнул Вася. — Иначе получается не польза, а вред.

Не замедляя бега, Дуся оглянулась, и Вася увидел ее чуть раскрасневшееся лицо.

— Я не тороплюсь, Васенька, — ответила она. — У меня ноги сами так переставляются. Догоняй меня!

Она махнула полотенцем и побежала дальше, но, добравшись до гребня горы, остановилась и прижала ладонь к сердцу.

— Я жду! — крикнула она, задыхаясь. — Считаю до ста и опять бегу.

Стараясь дышать равномерно, она начала считать, но вдруг зоркий ее взгляд заметил что-то, и она опять оглянулась.

— Вася! Десятилетку под крышу подвели! Стекла вставляют, честное слово!

С гребня горы виден был весь новый поселок. Он раскинулся широко, до самого бора. Белые, розовые, бледножелтые дома сверкали на фоне темных сосен, обласканные солнцем. Пятиэтажное здание школы сбросило строительные леса и стояло, повернувшись к солнцу фасадом со строгими, высокими колоннами.

«Митюшкина школа, — подумала Дуся. — Вырастет и пойдет сюда учиться».

Она улыбнулась, представляя себе крохотного мальчишку с портфелем. Будет ходить в школу по этой самой дорожке... А может быть, к тому времени дорожку асфальтом покроют? Конечно, покроют! И посадят по бокам кусты и деревья, чтобы ребятам веселей было ходить.

— Ишь ты, и верно достроили школу, — сказал Вася, поднявшись в гору. — Ага! Запыхалась? За сердце держишься?

— Митюшкина школа, — повторила Дуся вслух. — Красивая, правда?

— Митюшке до школы еще шесть лет по земле топать, — усмехнулся Вася. — Ему, может, другую построят, краше этой... А дорогу так и не заасфальтировали, смотри, самосвал как пылит.

По безлюдной дороге гнал на полную скорость грузовик; пронизанное солнцем облако пыли стлалось по его следам. Грузовик пропылил мимо жилых домов и свернул на площадь перед заводом. Прогудел тоненько паровоз-кукушка, и прямо из-за новенького, разукрашенного белоснежными балконами дома выползло несколько платформ, груженных металлическими балками.

— Еще один фундамент заложили, — сказал Вася. — Видишь, узкоколейка куда теперь заворачивает?

Они стояли, жадно разглядывая все новое, что появилось за время их отпуска. Дом молодых специалистов оштукатурили и побелили — весь так и светится. В садике около яслей поставили большие полотняные зонты для тени. На площади перед заводом разби-

ли сквер. За сквером поднимались заводские корпуса из розового, не успевшего потемнеть кирпича. Несколько высоких труб вонзились в небо, и над каждой трубой легким облачком курился дымок.

— Работают, — сказал Вася. — Третья смена трудится.

— Как пароход в море,— мечтательно вздохнула Дуся.— Похоже, Васенька?

— Я таких пароходов не видел. Да и моря нет — на земле стоит.

— Ой, какой ты у меня скучный! Не умеешь ничего вообразить. А мне кажется, лес — это море: тоже конца-края нет. Плывет по этому морю наш завод, как корабль. А дома — это парусные лодки вокруг него.

— Замечталась совсем, Дуська, — усмехнулся Вася. — Хорошенькие лодки! В пять-то этажей!

Дуся хотела заспорить, да передумала, отсчитала громко:

— Раз, два, три! — и бросилась бежать.

Деревянные домики старого поселка все еще тянулись вдоль дороги. Теперь они казались еще меньше и еще темней, и смотреть на них не хотелось. Дуся бежала и думала, что все равно поселок этот снесут, выстроят большие дома и, значит, можно пока не ругаться в завкоме, что не дают квартиру.

«У вас собственный дом, а жилплощадь надо в первую очередь предоставлять приезжим кадрам, — мысленно передразнила она председателя завкома. — Ну, и предоставляй, все равно этим домикам не век тут стоять».

Мокрая ветка ударила Дусю по плечу, и она подняла голову. Улица кончилась, и они бежали теперь по узенькой тропке, заросшей кустами. Влажные от росы ветки задевали разгоряченное тело, Дуся вскрикнула, отряхнула росу и побежала так, чтобы ветки ударяли не ее, а Васю. Но Вася увертывался от веток, старался держаться посредине тропки и оттеснял Дусю к краю.

— Ладно, будет тебе за это! — крикнула Дуся и вырвалась вперед. — Наглотаешься ты у меня водички на озере!

Озеро открылось перед ними спокойное, совершенно гладкое, подернутое туманной дымкой. Низкое солнце не просвечивало воду до дна, и вода была сверху светлосерой, а в глубине темной и таинственной. Невдалеке от берега в воде подпрыгнула рыба, и по поверхности озера медленно пошли широкие круги.

Дуся присела на большой угловатый камень и засмотрелась на озеро. Сколько раз в своей жизни видела она его! С детства, с самых малых лет! А насмотреться не могла. Не могла привыкнуть к его берегам, где за каждым выступом скрывались маленькие песчаные бухточки, к пологой линии гор на той стороне, к воде, которая всегда бывала разная: то темносиняя, сердитая, то желтоватая, то бледноголубая.

— Васенька, — прошептала она, — хорошо как!

— Да, природа богатая,— согласился Вася.— Помнишь, как с самолета любовались?

— С самолета хуже: далеко очень. А тут все рядом.

Не вставая, она потопала босыми ногами по влажному прохладному песку, словно желая убедиться, что земля здесь, и радуясь ее устойчивости и близости.

— Выдумщица ты у меня,— сказал Вася.— А мне очень понравилось на самолете: не успеешь оглянуться, а уж с Украины на Урал прилетел.

Он сел на камень рядом с Дусей и тихонько обнял ее за плечи. Торжественная тишина этого прекрасного утра заставила его заметить всякие мелочи, на которые он не обращал внимания в другое время. Маленькая пичуга-трясогузка, качая хвостиком, осторожно подошла к краю озера и клюнула что-то на влажном песке. На тропинку выбежал бурундучок, сел на задние лапки, увидел людей и скрылся в траве, мелькнув на мгновенье полосатой спинкой. Вот на розовую гладкую щеку Дуси села крохотная прозрачная мушка с зеленоватыми крылышками.

Вася дунул, и мушка улетела, а Дуся, вскочив на ноги, побежала к озеру. Она ступила в мелкую воду у берега, блестящие брызги поднялись вокруг ее бедер, по шелковистой поверхности озера зарябили маленькие волны. Дуся бросилась в воду и поплыла к камышам, оглянулась, помахала рукой и легла на спину.

Когда Вася догнал ее, она стояла по пояс в воде и пристально смотрела на берег, туда, где за выступом открылась бухточка, незаметная раньше. В этой бухточке были люди. Невысокий, коренастый мужчина, стоя в воде, старательно намыливал голову, а у самого берега, на камне, сидела женщина в синем платье.

— Кто это там? — спросил Вася, ударяя ногами по воде.— Знакомые, что ли?

— Тише ты,— зашипела Дуся.— Парторг это с женой.

Прячась в камышах, она с любопытством наблюдала за парторгом. Он намылил голову, бросил мыло на берег и пошел по воде. Жена что-то сказала ему и засмеялась, а он обернулся и ладонью поддал в ее сторону целый фонтан брызг.

Потом он поплыл, далеко выбрасывая руки, а жена его принялась мыть в озере белые туфли. Туфель было несколько пар. Она терла их щеткой, ополаскивала в воде и расставляла рядком на камне.

— Четыре пары,— прошептала Дуся.— У них ребят двое, да себе, да ему...

Дуся продолжала прятаться в камышах: не хотелось почему-то показываться парторгу; он был человек немолодой и серьезный. И она стояла неподвижно в воде, пока Вася плавал тихонько вокруг.

Она начала дрожать от холода, и Вася сказал:

— Простудишься, Дуська, тут тебе не Черное море. Вылезай на берег.

— Да, на берегу-то он меня и увидит. Как обернется обратно плыть, так и увидит.

— Так, может, он долго?

— Да нет, видишь, поворачивает уже.

Она дождалась, пока парторг выбрался на берег, оделся и поднял с земли плетеную сумочку, в которую жена сложила вымытые туфли.

— Уходят, — прошептала Дуся трясущимися от озноба губами.— Теперь и мы!

Она поплыла к берегу, усиленно колотя ногами, чтобы согреться. Схватила полотенце, убежала в кусты и вышла оттуда в сарафане, с косынкой на мокрых волосах.

— Так ты платье взяла? —сказал Вася.— А я-то в одних трусиках!

— Неужели я по поселку сейчас в купальнике побегу? — возмутилась Дуся.— Люди-то встали? Встали. На меня, как на бешеную, смотреть будут.

До поселка они шли рядом. Дуся обняла мужа, прижимаясь к нему, жалела, что он зябнет, что кожа у него вся холодная. Но когда тропинка вывернулась из кустов и вдали показались первые дома старого поселка, она сняла руку с васиного плеча и сказала:

— Ты бы, Васенька, лучше вперед побежал: согреешься скорей да и идти мне рядом неудобно.

— Предательница ты, Дуська, — укоризненно сказал Вася.— Не могла и мне брюки захватить.

— Беги, беги, — спокойно ответила Дуся и поправила косынку.— А то вон люди идут.

Вася подтянул трусики и побежал, а Дуся сорвала с куста ветку и пошла, обмахиваясь. Навстречу, пыля по дороге, шло стадо коз. Козы неуверенно переступали своими тонкими ножками и блеяли все разом. Гнала их старушка в белом платочке — дусина соседка.

— Здравствуйте, бабушка,— сказала Дуся.— Приятного утра вам!

— С приездом тебя,— ответила старуха и протянула Дусе темную крепкую руку.— Куда это твой побежал, словно оглашенный? Коз напугал, слышишь, блеют как?

— Это он для здоровья бегает,— важно сказала Дуся.— Доктора посоветовали. Утренняя зарядка.

— Я и то вижу: зарядила ты его. Смотри, не больно мудри: мужья-то нынче не каждой достаются.

Бабка стала перечислять девчонок-перестарок и объяснять, почему они замуж не вышли.

— Анька Сизова от зависти: ей только тот парень дорог, к которому уже нашлась парочка. Верка от гордости: всех ниже себя считает. Варюшка Быкова, эта от озорства: как увидит, что парень к ней присыхать начинает, так и закомандует, вроде тебя. А ребята-то сами командирами быть хотят, вот Варюшка и остается ни с чем.

— Вася ко мне на весь век прикован,— сказала Дуся.— Дам команду, полетит, как по воздуху!

Вася действительно летел, как по воздуху. Он давно поднялся в гору, добежал до дома, хлопнул калиткой. Дуся пошла быстрей, обмахиваясь веточкой. От ворот ей кричали подруги: кто здоровался, кто спрашивал, как провела отпуск, кто говорил, что поправилась. Только одна Анька Сизова сказала ехидно:

— Пока ты по курортам прогуливалась, твое первое место от тебя уплыло. Теперь у нас на первом месте парень один, новый. Работу любит...

Эти слова испортили Дусе настроение. Она пришла домой молчаливая и задумчивая. Молча повесила на веревку мокрый купальник, молча села за стол, где уже ждали завтрака отец и Митюшка.

«С Васей, что ли, поругались? — подумала мать.— Да нет, незаметно, он-то веселый прибежал».

Но спросить ничего не спросила: Дуську трогать, когда она в таком настроении, что крапиву рвать. Не глядя на дочь, она подала на стол простоквашу и горячие шаньги, а перед внуком поставила блюдечко с манной кашей.

— Митенька сам будет кушать,— сказала она, ни к кому не обращаясь.— Он у нас совсем большой стал.

Митя сидел на высоком стуле и смеялся, показывая белые зубки. Новая, в розовую горошинку рубашка еще не обмялась на плечиках, мягкие волосики, расчесанные на пробор, блестели в солнечном луче. Он был такой веселый, такой добродушный, что Дуся тоже развеселилась.

— Франт какой,— сказала она и взъерошила ему волосы.— Зачем прилизался? Я люблю, когда ты лохматенький.

— Для чего ты ему прическу испортила? — рассердилась мать.— Дед старался, старался, целый час водой мочил, щеткой приглаживал... Дай я тебя опять причешу, птенчик ты мой!

Она провела гребешком по волосам внука, села с ним рядом и хотела взять у него ложку. Но он сам зачерпнул кашу и быстро сунул ложку в рот. Каша размазалась по новой рубашке, Дуся ахнула, но дед сказал одобрительно:

— Молодец парень, самостоятельным хочет быть. Не мешайте вы ему, пусть старается.

Дед смотрел на внука и улыбался. Без ребенка в доме было грустно и пусто, словно ушел самый главный хозяин. Вернешься с работы, посмотришь на его пустую кроватку и поругаешь мысленно дочку и зятя за то, что потащили Митюшку в такую даль.

— Больше я парня возить по курортам не дам,— сказал он.— Сами летайте куда хотите, а он с нами будет.

— Пусть приучается,— сказала Дуся и стала рассказывать, как вел себя Митюшка в самолете: спал, ел, в окно поглядывал.

Она говорила об этом с гордостью, а Митя, насупившись, старательно ел. Новенькая рубашка покрылась на груди кашей, как белым, блестящим панцырем, даже розовых горошин и розовых пуговок не стало видно.

— Да, чудеса! — сказал дед.— Митюшка на самолете, а меня мать от самой Смоленщины на руках несла. Троих ребят по дороге похоронила, один я выжил.

Троих ребят! Может быть, вот таких же маленьких, как Митюшка. От этой мысли стало страшно, и Дуся поторопилась отогнать ее. Она-то этого страшного не видела, а Митюшка и подавно не увидит. Он подрастет и пойдет в детский сад, потом в школу, потом в институт. В какой? Ну, это уж он пусть сам решает, в какой.

Стало очень смешно, что Митюшка будет что-то сам решать, станет студентом, может быть, горняком, в форме. Дуся засмеялась и чмокнула его в измазанную кашей щеку. А он даже не улыбнулся, продолжал есть все с таким же старанием.

Отец и Вася кончили завтракать, сели к открытому окну и закурили. Отец рассказывал что-то про завод.

— Механизмы эти далеко пойдут,— говорил отец, выпуская клубы дыма в окно.— Очень интересный в международном отношении заказ.

— Какой заказ? — спросила Дуся и отодвинула недопитую чашку.— Почему международный?

— А потому, что для Китая,— важно сказал отец.— Поняла? И для Болгарии механизмы будем делать. Об этом и в газетке нашей писали, о международном значении.

— А где газета? — перебила Дуся отца.— Наверно, выбросили уже ее.

— На этажерке газеты лежат, для вас сохранял. Но там не все рассказано. А вот парторг доклад делал, так он подробно освещал международное значение...

Не слушая отца, Дуся быстро нашла газету «Трибуна стахановца». В передовой статье говорилось о новом заказе, о том, что механизмы пойдут для оборудования шахт в Китае, что конструкторское бюро уже закончило свою работу, а теперь дело за производственниками, которые должны обеспечить высокое качество.

— Значит, не приступили еще к этому заказу? — спросила она.

— Почему не приступили? У нас, в модельном, уже многое сделано, а в литейный три дня назад задание спущено.

«До механической обработки еще не дошло,— подумала Дуся.— Интересно, сварка там понадобится или нет? Наверно, понадобится: какой заказ обойдется без сварки?»

— А кто это там на моем месте сейчас работает? — спросила она небрежно.— Говорят, парень какой-то?

— Молодой человек,— ответил отец и встал.— Дай-ка, мать, спецовку, пора идти... Старательный, между прочим, парень,— лукаво добавил он.— Теперь держись! Перещеголяет.

— Это еще вопрос,— запальчиво сказала Дуся.— Первое место без бою не сдам.

— Ну, бейся, бейся,— усмехнулся отец, надевая спецовку.— Только парень — талант, ты имей это в виду.

Дуся смотрела в окно, как шел отец — неторопливый, важный, в старинном суконном картузе. Таких картузов в магазинах не продавали, и отец заказывал их у знакомого старика-шапочника.

Мимо окна к заводу шли люди. Гудка еще не было, и они шли, переговариваясь, как на прогулку.

Солнце поднялось повыше, день обещал быть жарким.

За забором палисадника показалась Анька Сизова. Она увидела в открытое окно Дусю и крикнула:

— Гуляете еще? Счастливо вам проводить время!

В голосе ее Дуся опять уловила ехидство. И за что Анька ее не любит? Ясно, за что: метила за Васю замуж, а он взял, да и женился не на ней, а на Дусе.

— Васенька,— сказала Дуся и обняла мужа так, чтобы Анька видела,— Васенька, ты забыл разве, что у нас отпуск кончился?

— Не забыл,— сказал Вася.— Да ведь рано еще. Куда торопиться? — Он улыбнулся и добавил сонным голосом: — А я бы поспал еще: подняла ты меня ни свет, ни заря...

Дуся проводила взглядом Аньку Сизову, сняла руку с плеча мужа и сказала сердито:

— Я-то столько же спала и выспалась. Лентяй ты, Васька, равнодушный ты человек!

Она, наверно, еще чего-нибудь наговорила бы мужу, но в это время запел заводской гудок. Он лился словно прямо с неба, заполняя воздух, и казалось, листья на черемухе под окном шевельнулись от этого густого звука.

— «За окном черемуха колышется,— запела Дуся.— Ветер рвет с черемухи листы. За рекою милый голос слышится...» Вася! — прервала она песню.— Вася, слышишь гудок?

Вася промолчал, но она бросила ему рабочую куртку, сорвав ее с вешалки в прихожей.

— Лови! — крикнула Дуся.— Побежали!

Мать с Митюшкой на руках вышла за калитку и стала там, провожая дочку и зятя. Вон какие дружные, хоть и разные характеры. Дуська в отца и руками и языком, в одну минуту все споворит, не задумается. А Вася — тот с развальцей, торопиться не в чем не любит. В кого-то из них внучек пойдет?

Внучек с бабкой сидит и посматривает по сторонам.

«Похудел ты там, на юге-то,— думает бабка.— Вот и говорят: климат, климат! А ты у нас уральчик, тебе наш климат здоровей».

Приятно постоять у калитки с таким внучонком на руках, покрасоваться перед людьми. Не у каждого такой внучек, такая дочь, такой зять. Не у каждого такая жизнь, как у нее...

Внук болтает толстыми ножонками и смотрит вниз. Бабка спускает его на землю, поддерживает подмышки и ведет домой. Улица сразу пустеет, и только запоздавший парень в белой рубахе мчится, пригнувшись к рулю, на велосипеде и звонит, звонит, словно предупреждая табельщика в проходной, чтобы он не торопился закрывать доску с рабочими номерами...

Сад имени 16 союзных республик.

Заведующая садом З. С. Ключевская проводит занятия с юными мичуринцами-садоводами.
Фото В. Евграфова.

Сад 16 республик

Девочка несет плетеную корзину с пахучими крупными ягодами.

— Смотрите,— говорит она, улыбаясь,— какая земляника! Сама во рту тает!..

У входа в сад стоит автомашина. В кузове ребятишки заняты веселой работой: они тщательно укрывают ягоды, только что собранные в саду. Все знают, что земляника, которую сейчас повезут к обеду в детские сады города Владимира, не совсем обычная ягода. Дети охотно рассказывают увлекательную историю ягод и плодов, выращенных в саду имени 16 союзных республик.

Издавна славится Владимир вишневыми садами, чудесной сладкоплодной рябиной, называемой северным виноградом, старыми народными сортами яблонь. В городе есть сотни семей, которые занимаются садоводством из поколения в поколение. А сколько здесь сложено легенд о происхождении владимирской вишни! Сколько песен поется про родную рябинушку!

Четыре года назад во Владимире ранней весной состоялся Первый всесоюзный слет юных садоводов. Дети различных республик, собравшись в старом дворце, рассказывали о том, как пионеры и школьники украшают свою Родину садами. Слет решил заложить во Владимире сад имени 16 союзных республик. Юные садоводы обещали прислать во Владимир семена и саженцы плодовых и декоративных деревьев.

Через несколько недель после слета во Владимир стали приходить посылки из Москвы, с волжских берегов, а затем из Грузии, Азербайджана, Туркмении, Сибири, Дальнего Востока.

Год от года растет чудесный сад, расположенный на солнечных склонах исторического Козлова вала. Каждый, кто приезжает во Владимир, спешит с высоты холмов полюбоваться прекрасной панорамой обширного сада. Редкостные, невиданные в здешних местах растения собраны в нем. Грузинская айва — и рядом с нею северная рябина... Причудливые, яркие южные цветы — и возле них скромная полевая ромашка. Местные малина, крыжовник, смородина растут по соседству с замечательными мичуринскими сортами плодовых деревьев и ягодников. Их саженцы подарены саду учеными Москвы и Мичуринска.

Пусть знают московские школьники, дети Сибири и Грузии, Азербайджана и Узбекистана, Ленинграда, Украины, Якутии: сад имени 16 республик во Владимире цветет и плодоносит.

Е. ОСЕТРОВ

НЕПОБЕДИМАЯ МАЛАЙЯ

Ральф ПАРКЕР

Это случилось в один из февральских дней 1952 года в малайской деревушке близ сиамской границы. Солнце уже поднялось, опаляя землю, и она курилась, как горячая смола, когда крестьяне взрыхляли ее своими деревянными заступами. Обитатели деревушки от мала до велика были в поле, ухаживали за посевами риса. За полем, разделенным на микроскопические клочки, простирались бескрайние джунгли. Деревушка, состоявшая из двух десятков низких, крытых тростником хижин, окруженная частоколом против тигров, выглядела слабой и беспомощной перед окружающей ее громадой леса.

Внезапно воздух наполнился шумом, не похожим ни на один из звуков джунглей. Низко над деревней по направлению к рисовым полям пролетали самолеты. Над упавшими на землю людьми, бросая зловещую тень, повис геликоптер, похожий на громадного ястреба, высматривающего добычу.

Крестьяне бросились к своим лачугам. Но деревню уже заняли чужеземцы. То были полуголые даяки, вооруженные скальповыми ножами, гурки из Непала, туземцы с Фиджи. У всех у них были английские знаки различия, и командовал ими англичанин. Именно он приказал малайцам под угрозой расстрела оставаться в своих хижинах. По его приказу деревушка была обнесена колючей проволокой, и три дня он допрашивал каждого жителя. Никому не позволили работать; за посевами никто не ухаживал, скотина ходила недоенная. Каждого, кто попытался бы выйти из хижины, ждала пуля.

На четвертый день обитателей селения согнали в одно место. Отсюда они видели, как солдаты разрушали их жилища. Затем измученных крестьян построили в колонну и погнали неведомо куда. Никто не объяснял, куда и зачем они идут, никто не предъявлял им никаких обвинений.

Семь дней длился тяжелый путь через джунгли. Среди малайцев были малые дети, которых матери несли на спине, были и восьмидесятилетние старцы. Их всех пригнали в концентрационный лагерь, именуемый на иезуитском языке колонизаторов «районом переселения».

Полмиллиона жителей Малайи испытали ту же участь. Полмиллиона — из населения, насчитывающего менее чем 6 миллионов! До сих пор, живя в ужасающих условиях, они обладали хотя бы призрачной свободой передвижения. Теперь они — узники за колючей проволокой, работающие на полях и плантациях под угрозой штыков тысяч солдат, полицейских и королевской «вспомогательной гвардии».

1945 год... Герои освободительного движения Малайи, очистившие родину от японских захватчиков, участвовали тогда в лондонском параде по поводу победы над Японией. Теперь за их головы английские колонизаторы предлагают денежные премии.

Фото из «Дейли уоркер»

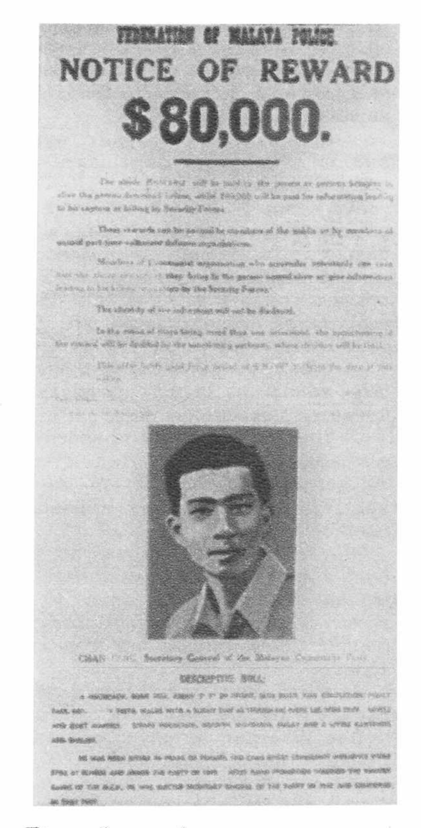
К началу этого года 18 городов и деревень в Малайе были полностью стерты с лица земли. Где теперь деревня Трас, которую английские войска окружили ноябрьской ночью прошлого года? В какие бараки загнаны две тысячи ее жителей? Их тоже бросили в один из концентрационных лагерей. В чем их вина? Они вели себя «нелойяльно», они отказывались... «сотрудничать» с магнатами Сити и Уолл-стрита в истреблении таких же малайцев, как они сами.

Четыре года английские колонизаторы ведут позорную войну против малайского народа. Разумеется, в официальных английских документах или в раболепствующей прессе, принадлежащей миллионерам, вы не найдете слова «война». Война туманно именуется там «чрезвычайным положением», полицейский террор — «чрезвычайными мерами», концентрационные лагери — «районами переселения», а англо-малайские отношения описываются при этом как «искреннее сотрудничество». Но жители Малайи, конечно, знают, что кроется за этими фальшивыми словесами. Свыше пяти тысяч патриотов, расстрелянных или повешенных начиная с 1948 года, 12 тысяч высланных из страны, полмиллиона мирных людей, заключенных в 338 концентрационных лагерях,— разве это не война, самая жестокая и свирепая? Что же касается «искреннего сотрудничества», то здесь стоит лишь упомянуть о таком символе «сотрудничества», как 2 156 тонн колючей проволоки, импортированной британскими властями в Малайю лишь в прошлом 1951 году.

С тех пор как еще в 1786 году английские авантюристы купили у султана Джохора за 20 ящиков опиума и ежегодную пенсию остров Пенанг в Малайе, эта страна превратилась в источник громадной наживы для крупных британских плантаторов и банкиров. Народы Малайи были низведены до уровня рабочего скота, лишены права голоса, права объединяться в союзы, получать образование.

После захвата Малайи японскими войсками народ создал свою армию для борьбы с иноземцами. Японские поработители были изгнаны с малайской земли без помощи английских солдат. Это была победа народа, плодами которой решили воспользоваться возвратившиеся после своего позорного бегства английские колонизаторы.

Новую войну начали англичане в 1948 году, чтобы сломить сопротивление малайцев, которые требовали выполнения обещания английского правительства предоставить Малайе самостоятельность. Это была война за сохранение прибылей плантаторов и банкиров. Нет нужды ехать в Малайю, чтобы убедиться в этом,— достаточно ознакомиться с бухгалтерскими



FEDERATION OF MALAYA POLICE

NOTICE OF REWARD

$80,000.

Полицейское объявление, в котором обещано 80 тысяч малайских долларов награды за «поимку живьем» секретаря Коммунистической партии Малайи Чан Пена, бесстрашного борца за независимость.

Фото из «Дейли уоркер»

книгами каучуковых компаний лондонского Сити, с ежегодными отчетами оловянных компаний Чипсайда и Мургейт-стрит в Лондоне. Малайский каучук принес лондонскому Сити в 1950 году 176 миллионов фунтов стерлингов прибыли, малайское олово — 31 миллион. В 1951 году только 154 каучуковые компании получили 11,5 миллиона фунтов стерлингов прибыли, а 22 оловянные компании — 9 миллионов фунтов.

Это война против малайского народа. Именно поэтому Англия проигрывает войну в Малайе. Об этом свидетельствует бессмысленная жестокость расправ колонизаторов с мирным населением, применение тяжелых бомбардировщиков, огнеметов, напалма против скромных малайских селений, уничтожение беззащитных стариков и детей. Ярость и бессилие колонизаторов можно иллюстрировать и таким фактом: совсем недавно только в одной, сравнительно небольшой «операции» английская авиация сбросила за несколько дней в одном из районов страны свыше 100 тысяч килограммов бомб.

А войска для подавления народов Малайи! Разве не характерно, что они стягиваются чуть ли не со всех концов мира? Пехота, военные суда, авиация прибывают из Англии, Австралии, Новой Зеландии, Фиджи, Непала, Африки. Привозятся людоеды из Саравака, туземные жандармы с Борнео.

И вся эта масса вооруженных людей и военного снаряжения, неслыханно дорого обходящаяся

английской казне, не в состоянии удушить народное движение. Пропитанные влагой джунгли не сожжешь даже напалмом. Эскадрильи самолетов беспорядочно бомбят сплошные зеленые массивы, простирающиеся под ними. Наземную войну ведут свыше 400 тысяч полицейских, регулярных и «вспомогательных» войск. Но потери малайских патриотов убитыми, ранеными и пленными не превышают тысячи человек в год. Войска колонизаторов несут значительно бо́льший урон.

Малайская Народно-освободительная армия — это армия рабочих и крестьян. В числе ее бойцов — представители всех народностей многонационального населения Малайи: малайцы, китайцы, индийцы, различные местные племена. Вооружены они легким оружием, захваченным у японских оккупантов, а затем — у английских оккупационных войск. Соединения этой армии ведут независимые операции в двенадцати районах Малайи, но действия эти координируются главным командованием. Основные базы и центры комплектования Народно-освободительной армии по необходимости расположены в джунглях. Однако войскам колонизаторов, несмотря на все усилия, до сих пор не удалось изолировать освободительную армию от населения. Снабжение, приток новых бойцов идут именно из этих районов, и подпольные группы патриотов ведут там неустанную пропагандистскую работу.

Британские правящие круги с упорством, достойным лучшего применения, пытаются «оспорить» народный характер освободительного движения в Малайе. Они клевещут на малайский народ, изображая его «массой инертных крестьян», которых кто-то якобы «принуждает террором» поставлять продовольствие для Народно-освободительной армии. Малайцы, по словам изолгавшихся наемных английских писак, желают только одного: «покровительства» Британии с тем, чтобы они могли быть ее верными и покорными подданными. И под дымовой завесой этой лжи совершаются в Малайе массовые принудительные «переселения» десятков тысяч мирных малайцев. «Покровительство» заключается, как мы уже видели, в сжигании урожаев, деревень, в окружении их колючей проволокой, в изгнании целых племен с насиженных мест. Короче говоря, это — такое же «покровительство», какое оказывали американцы в XIX веке индейцам, жителям прерий Северной Америки.

Но широкие массы малайских крестьян уже четыре года показывают, что они знают цену этому «покровительству». И поддержку Народно-освободительной армии они оказывают сознательно и от всего сердца, как единственному защитнику их жизни и прав. Даже загнанные за колючую проволоку, они показывают образцы патриотического мужества и бесстрашия. Недавно агентство Рейтер сообщало о вторичном изгнании малайских крестьян из «поселения», в которое они были ранее переведены. Причиной послужило то, что, как жалуется Рейтер, «несмотря на полицейские пополнения, посланные в этот район, не удалось ликвидировать помощь, оказываемую этими людьми партизанам». В другом концентрационном лагере крестьяне, несмотря на строгую охрану и окружавшую лагерь колючую проволоку, сумели сохранить постоянную связь с патриотами. В одном из главных лагерей «зоны поселения» в Майен заключенные в прошлом году прорвались сквозь охрану и присоединились к частям Народно-освободительной армии.

Война против малайского народа становится для колонизаторов бесконечной и безнадежной. В самое последнее время британские власти решили пойти на еще более жестокие меры террора и подавления. После поездки в Малайю, которую совершил министр колоний Оливер Литтлтон и которую даже корреспондент «Таймс» сравнил с поездками гитлеровских сановников по оккупированной Европе, британские, французские и американские военачальники собрались в Вашингтоне. Они вырабатывали там так называемую «объединенную стратегию в Юго-Восточной Азии». Через несколько недель в Лондон был вызван генерал Джеральд Темплер. Убедившись, что у означенного генерала «здравые политические взгляды», они назначили его верховным комиссаром в Малайе, предоставив ему всю полноту военной власти.

Сэр Джеральд Темплер — профессиональный военный. Его карьера носит, однако, своеобразный характер: на высокие посты он выдвигался почти исключительно за «заслуги», относящиеся к мирному времени или к тем периодам, когда война в колониях маскировалась под «чрезвычайное положение». Первую награду он получил в 1936 году за участие в расправе с повстанцами в Палестине. По окончании второй мировой войны он стал военным губернатором британской зоны оккупации Германии. Губернаторская деятельность принесла ему новое повышение: он стал начальником разведывательного управления военного министерства.

Такова фигура, которая была одобрена и Вашингтоном, когда пришло время для «искреннего сотрудничества» колониальных держав в войне против народа Малайи. По стандартам Пентагона, Темплер признан вполне подходящим для того, чтобы кровью смыть «опасное пятно», каким является Малайя в американских планах «мобилизации» Юго-Восточной Азии для агрессивных целей США на Дальнем Востоке.

Темплер делает в Малайе все, чтобы оправдать свою репутацию. Он пускает в ход меры террора, с которыми не идут в сравнение даже самые жестокие притеснения малайского народа в прошлом. Чуть ли не у каждого малайца старше 12 лет снимается отпечаток пальцев в полиции. При Темплере любого малайца, у которого будет найдено Обращение о заключении Пакта Мира между великими державами, ожидает смертная казнь. Человек может быть арестован за покупку продуктов в магазине по подозрению, что эти продукты предназначаются для Народно-освободительной армии.

Это Темплер ввел в практику уничтожение посевов ядовитыми веществами, рассеиваемыми с воздуха. Британские власти недавно заявляли по этому поводу, что речь идет не об отравлении урожая, а «только» о том, чтобы сделать зерно негодным к употреблению. Но, как известно, голод — это также средство массового умерщвления, особенно в стране, где насильственное расширение каучуковых плантаций и без того резко сократило площадь под посевами.

При Темплере «премии» за выдачу палачам вождей патриотов повышены.

Малайский народ не согнулся перед расправами предшественников Темплера — Бриггса и Локарта, он так же стойко выдерживает и выдержит кровавый террор Темплера. Малайцы твердо стоят на ногах, гордые, несгибаемые, непокоренные.

Несмотря на то, что в Малайю согнаны войска чуть ли не двенадцати стран, английская военщина не в силах выполнить то, чего хотят от нее американские и английские миллиардеры, владельцы каучуковых плантаций и оловянных рудников. Народно-освободительная армия наносит все более чувствительные удары по войскам и полиции колонизаторов. Эти удары исчисляются сотнями. Только в одном небольшом районе с 1 января патриоты пять раз громили оккупантов из устроенных засад, десять раз нападали на полицейские и воинские посты, пускали под откос поезда.

Наряду с военными действиями, которые вынуждены вести малайские патриоты, защищая жизнь и свободу своей родины, развиваются и другие формы освободительного народного движения. Достаточно вспомнить о забастовках на каучуковых плантациях, то и дело грозящих перерасти во всеобщую стачку.

Малайский народ знает, что его нельзя победить. Он сознает свою силу, видя, как в страхе вооружаются владельцы каучуковых плантаций, как патрулируют броневики по улицам малайских городов, как полицейские отряды подымаются на ноги во время любой публичной церемонии.

Война в Малайе, лицемерно называемая империалистами «полицейскими действиями против горстки партизан», обернулась для них трудной, безнадежной войной против народа, который в борьбе за свою национальную свободу следует примеру других угнетенных народов, разбивающих цепи колониального рабства.

Английские и американские колонизаторы Малайи в постоянном страхе: они боятся справедливого гнева малайских патриотов. Управляющий каучуковой плантацией, принадлежащей одной из американских компаний, передвигается не иначе, как в сопровождении вооруженной до зубов охраны.

Фото из «Дейли уоркер»

«Операция с брильянтами»

Началось это дело еще в 1945 году. Американские оккупационные власти в Японии взяли тогда «на временное хранение» принадлежавшие японской казне запасы платины, золота, серебра и драгоценных камней. Когда был подписан так называемый «мирный договор» с Японией, возник вопрос о возвращении ценностей. И тут обнаружилось, что примерно треть сокровищ, общей стоимостью в сто миллионов долларов, исчезла, причем, как утверждает американская печать, исчезла «бесследно».

Кое-где в газетах припомнили об одном сообщении агентства Юнайтед пресс, составленном в очень осторожных выражениях и опубликованном в феврале 1947 года. Согласно этому сообщению, в Сан-Франциско было задержано некое «лицо» из состава американских оккупационных войск в Японии, прибывшее в отпуск. Неприятность постигла «лицо» после того, как таможенные чиновники обнаружили в его багаже «коллекцию сувениров», состоявшую из брильянтов на сумму в 210 тысяч долларов.

Обладателем этой «коллекции» оказался некий полковник Мэррей, невозмутимо заявивший на допросе, что брильянты являются его «вполне законной долей военной добычи». Уместно будет добавить, что Мэррей командовал как раз той американской воинской частью, на которую была возложена охрана драгоценностей, находившихся в подвалах японского государственного банка.

Теперь ясно, почему ценности исчезли «бесследно». Можно ли обнаружить какие-либо следы, если ценности попались на глаза весьма высокопоставленным лицам из американского штаба в Токио? Эти господа, как известно, умеют заметать следы.

«Дойче вохе» № 4. 1952.

ДОМ СТРОИТСЯ НА ЗАВОДЕ

В. САПАРИН

ОТ «КОЗЫ» К ЭЛЕКТРИЧЕСКОМУ ПУЛЬТУ

Еще на нашей памяти появлялись они в начале лета в городе с сундучками в руках, с пилами, с плотницкими топорами. Располагались таборами на площадях. Это были крестьяне-сезонники, приезжавшие в город на отхожий промысел.

Город строила деревня. И инструменты были такими же простыми, как серп и соха. Когда-то в старину искусные плотники могли срубить избу, построить дом, а то и церковь, пользуясь только топором, силой мускулов да русской сметкой. Немногим лучше оснащались строители еще в первой четверти нынешнего века.

Главным средством транспорта была тачка, а на крупных строительствах еще и «грабарки» — похожие на гробы телеги. «Коза» — деревянная полка, которую клали на спину, зацепив за плечи,— служила для подноски кирпичей. По лесам, опоясывавшим здание, по деревянным стремянкам вереницей поднимались люди, сгорбившись, втаскивали кирпичи.

И сезонников, и тачку, и даже «козу» можно было видеть в Москве и после революции: другого способа строить старый мир не оставил.

Советская страна начала строительство в невиданных никогда и нигде масштабах. И путь здесь был один — механизация и индустриализация.

Первые же механизмы произвели подлинную революцию в издревле выработанных приемах. Обычную кисть заменил прибор, внешне похожий на пистолет и называемый поэтому малярным пистолетом. Нажим на собачку — и струя распыленной краски устремляется на стену, покрывая ее с непостижимой быстротой ровным и тонким слоем. Сжатый воздух подает краску из бачка к пистолету. Не надо макать кисть в ведерко, обжимать ее, чтобы удалить избыток краски.

А штукатур? Он сам приготовлял нужную смесь в ящике, размешивал ее, набрасывал особой лопаткой на стену и затирал деревянной теркой. Сейчас эту работу выполняет целый комплекс механизмов, начиная от растворомешалки и растворонасоса и кончая штукатурными машинами, действующими сжатым воздухом и электричеством. Штукатур держит в руках растворомет или сидит за пультом и нажимает кнопки, наблюдая, как двигается вдоль стены отделочная машина, прозванная механическим штукатуром.

Землекоп сел в кабину экскаватора, а бывший «козоносец» управляет башенным подъемным краном. Даже когда нужно замок вставить в дверь, на стройках пользуются не стамеской и долотом, а в несколько секунд прорезают гнезда электродолбежником.

Среди созданных заново в нашей стране отраслей промышленности заняла свое место и строительная индустрия.

Отправимся на строительную площадку. Посмотрим, как теперь сооружается многоэтажный жилой дом.

ШАГАЮЩИЕ ДОМКРАТЫ

Мы часто слышим и говорим: «На лесах строек». Однако далеко не все знают, что теперь это выражение уже в значительной степени означает технический анахронизм.

Прежде действительно ставили леса, и на них, кстати сказать, уходило столько досок и бревен, что можно было бы построить рядом с каменным еще один, деревянный дом. Сейчас такой траты драгоценного леса на передовых стройках не увидишь. Обойдите улицы столицы: на каждой вы встретите строительные площадки, обнесенные забором, но лесов не найдете.

Основным признаком стройки, неотъемлемым элементом городского пейзажа — ведь всюду в наших городах ведется строительство,— служит мощный башенный кран с вращающейся стрелой.

С укладки рельсов для крана, с его монтажа и начинается возведение здания. Кран помогает закладывать фундамент, доставляет кирпичи, подает все материалы на любой этаж. Иногда до полудюжины таких гигантов движется по рельсам вдоль быстро растущих стен жилого корпуса. Вслед за краном прибывают и остальные механизмы.

На стройке все механизировано, только кирпич попрежнему кладут руками. Да, но как это делается! Вот на подмостях стоят каменщики. Они работают не каждый сам по себе, а бригадой, в которой труд разделен. Этот чисто заводской принцип вдвое увеличивает производительность труда. Несколько звеньев подмостей тянется вдоль длинного корпуса. Вот на одном участке бригада нарастила стену на несколько рядов, и человек, стоящий у пульта, нажал кнопку. Тотчас же подмости начинают ползти вверх и останавливаются в положении, удобном для кладки кирпича.

Это делают шагающие домкраты, которые опираются на воздвигаемую стену. «Шагая» по ней, домкрат постепенно поднимает рабочих вплоть до самого верха. Их труд становится еще, по крайней мере, в два раза производительнее: ведь у каменщика отпадает много напрасных движений. Собственно говоря, если мы взглянем на это изобретение поглубже, то увидим еще один шаг к заводскому методу работы.

Остановится ли техническая мысль на этом? Конечно, нет! Может быть, через несколько лет мы увидим на стройке первого механического «каменщика», машину, которая сама будет выкладывать стену,— электрический комбайн, питаемый раствором по гибкому шлангу и кирпичами, подаваемыми по ленте конвейера, как патроны в окно пулемета.

Пока же бригаду каменщиков обслуживают разнообразные механизмы, мощность которых намного превышает физические силы человека. Кирпичи доставляет электрический кран. Их загрузили в особые металлические ящики еще в печах завода. В этих ящиках они ехали по железной дороге, а затем в автомашине по городу, в них же поданы к рабочему месту. Такой способ во много раз сокращает бой кирпича. Кран подает каменщикам и раствор, приготовленный автоматическим растворным узлом: в его бункеры из самосвалов засыпают песок и цемент, из автоцистерн перекачивают известковое тесто; нажим кнопки на пульте — и заработали элеваторы, весовой дозатор.

На строительстве мы встретим кнопки и на пульте управления мощными механизмами и на корпусе переносных электрифицированных инструментов. Этот скромный кружок из пластмассы — отличительный признак современной машинной техники, своего рода символ будущей полной автоматизации.

КТО СТРОИТ ДОМ!

Наблюдая строительство дома, вы ловите себя на мысли, что где-то похожее уже видели. Но где? Вдруг вы вспоминаете: ну, конечно, на заводе! Сборка! На конвейере стоит остов машины; постепенно он обрастает деталями и, дойдя до конца длинного цеха, превращается в автомобиль или в трактор.

Происходит нечто подобное и на стройке. Дом, правда, стоит на месте. Зато движется все остальное — огромные детали, из которых собирается современный дом. Вот кран несет в воздухе большую железобетонную плиту. Уложенные в свое гнездо плиты образуют междуэтажное перекрытие. Вот опускается готовая лестничная площадка, на ней уже выложен в шашечку мозаичный «ковер». Другой кран тащит лестничный марш с готовыми ступенями. А там плывет на тросе кусок стены ванной комнаты, облицованной глазурованной плиткой и с вмонтированными в нее трубами.

Есть дома, где и стены тоже собираются как бы из огромных кубиков — панелей. Раз! И кусок стены высотой в целый этаж с готовым окном водружается на место. Рядом ставится другой такой же кусок стены, он с балконными дверями. А вот и балкон уже «ищет» свое место на фасаде. Дом растет, словно руки гигантов складывают его. Этими руками являются все те же стальные стрелы башенных кранов.

Так собирается дом.

Где же он строится?

На заводе. Стро́итель нынче и тот, кто в цехе ведет заготовку разнообразных частей будущего здания. Вот, например, как изготовляется железобетонная балка, состоящая из металлического каркаса, залитого бетоном,— такое сочетание и придает ей удивительную прочность. Прежде даже на заводе каркас вязали вручную, что отнимало много времени. Теперь автоматическая линия станков выполняет эту операцию «самостоятельно». Автоматы берут из штабеля железные прутья, обрезают, складывают в решетку и сваривают. Готовые каркасы, похожие на длинные клетки, один за другим сходят с линии станков. Их укладывают в формы, заливают бетоном и после того, как бетон схватится, вынимают готовые балки.

Подобно тому как автомобильный завод получает многие детали от предприятий-смежников, так и на стройку поступают части будущего дома с разных заводов. Везут плиты сухой штукатурки, которую остается закрепить на стене, оконные рамы, двери и ряд других деталей.

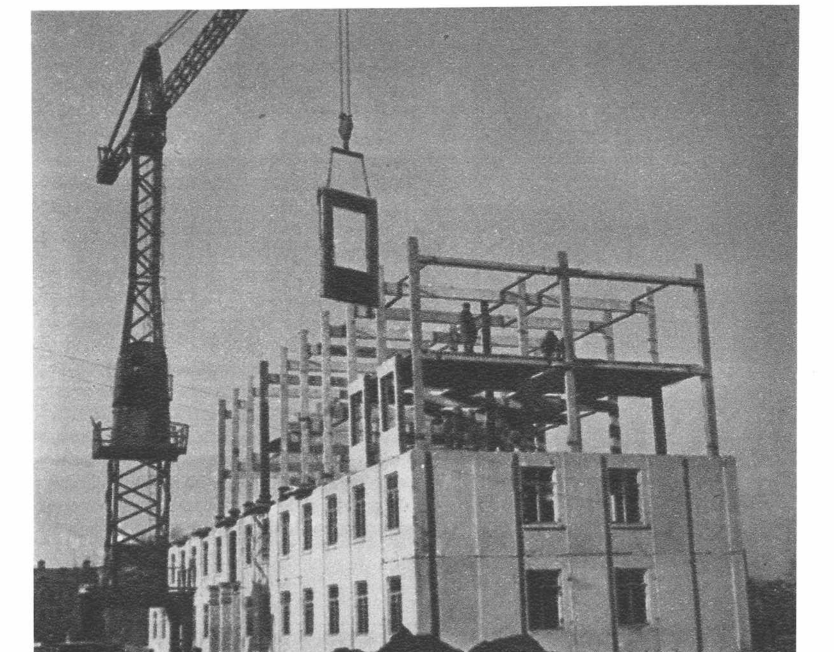
Даже наружная архитектурная отделка изготовляется нередко на заводе. Возведенные стены одеваются керамическими плитками. Между окнами помещают лепные или отлитые из камня украшения. И внутри дом на две трети готов. Ведь теперь приступают к внутренним работам сразу после того, как каменщики вывели очередной этаж.

Строить красиво — вот еще одно требование, характеризующее страну социализма, где все делается для народа.

Творческая мысль и энергия огромного отряда советских архитекторов, планировщиков и строителей работает над тем, чтобы создавать для советских людей, строителей коммунизма, достойные их здания и города.

Сборка дома из панелей, изготовленных на заводе.

Фото В. Евграфова



Из лирической тетради

Геворк ЭМИН

☆ ☆ ☆

Где б мы ни были нынче с вами,
Прям и ясен наш путь побед.
Парус наш — это красное знамя,
Наш маяк — коммунизма свет.

Если б в Турции я родился,
Все равно бы не стал иным.
Я бы в Бурсе, в тюрьме томился,
Пел бы то, что поет Назым.

Был бы в Чили, не только чудо
Моря знойного воспевал,
А вот так же, как брат мой Неруда,
К Лесорубу сам бы взывал.

Под Мадридом, в домах Нью-Йорка
Иль в Париже будь я рожден,
Я писал бы о том же, что Лорка,
Говард Фаст и Луи Арагон.

Был бы черным я или желтым,
В ту же верил бы я звезду
И под тем же знаменем шел бы,
Под которым сейчас иду!

☆ ☆ ☆

Кому что по нраву.
Вот я давно
Большой охотник до умных людей.
...Итальянец Пьетро с французом Жанно
Идут по одной из берлинских аллей.
Гляжу — и радуюсь я за них:
Они единством своим сильны!
Жанно понимает и Пьетро постиг,
Как надо избавиться от войны.
Ведь кто бы ты ни был, румын или грек,
Иранец иль немец, араб иль словак,
Но если ты трудовой человек,
Борись — и нас не осилит враг!

Чему тут дивиться?.. Хотим мы жить,
Строить дома и деревья сажать,
Радость и горе по-братски делить,
Братьям по-братски руку пожать.
При жизни мы братьями быть хотим,
Стоять за мир на веки веков!..
Не поняли этого Жак и Джим
(Не скрою: мне жаль этих двух простаков),
Погнали их янки в недавние дни
В Корею, в позорный, в неправедный бой...
Действительно, «братьями» стали они,
Но в братской могиле, под серой плитой...

Враги не хотят, чтоб пахала сталь,
На наших полях
чтоб всходило зерно,
Чтоб отправлялись на фестиваль
Ты, Пьетро, друг мой,
и ты, Жанно;
Чтоб ныне,
дружбой своей сильны,
Вы оба встали против войны!

...Чем крепче
мирных людей союз,
Тем свет скорее разгонит тьму.
И тот итальянец и тот француз
Как раз и нравятся мне потому,
Что не осилила их беда,
Что эти люди, покинув дом,
Сломив преграды, пришли сюда,
Пускай сквозь тюрьмы, пускай с трудом.
Аллеей юной они идут
К плечу плечо и в руке рука.
Они шагают, они поют,
И песнь разносится, широка:
«Да здравствует мирный,
свободный труд!
Да будет братство
на все века!»

☆ ☆ ☆

Как хорошо любить, друзья,
Когда — пускай еще далек —
Тебе сияет огонек.
Сквозь ночь и мглу тебя ведет
И заблудиться не дает
Твой огонек, звезда твоя...
Как хорошо любить, друзья!

Как хорошо любить, друзья,
И знать, что этот дальний свет
Не где-то в небе спрятан, нет!
Он на земле, где ты живешь,
Он рядом, ты к нему идешь,
Свою любовь ему неся...

...Как хорошо любить, друзья!

☆ ☆ ☆

В голубой вышине —
облака над причалом...

Здесь кончается суша,
здесь моря начало.
Птицы стая за стаей
уносятся в путь.
Ветер осени
дышит дорожной тревогой.
Приземляются птицы,
чтоб в этом селе отдохнуть
перед дальней дорогой.

Ведь море —
цвета свинца.
Ни края ему, ни конца.
Берега, далеки-далеки,
за туманом белеют,
нестройны.

У всех ли крылья крепки?
У всех ли сердца спокойны?..

...Так и я привык, дорогая,
перед тем как отправиться в путь,
посидеть с тобой рядом, мечтая,
сил набраться, душой отдохнуть.

Перевел с армянского
Лев Гинзбург

☆ ☆ ☆

Под окном моим парень веселый
О любви поздней ночью поет,
И его пронзительный голос
Мне стихи дописать не дает.

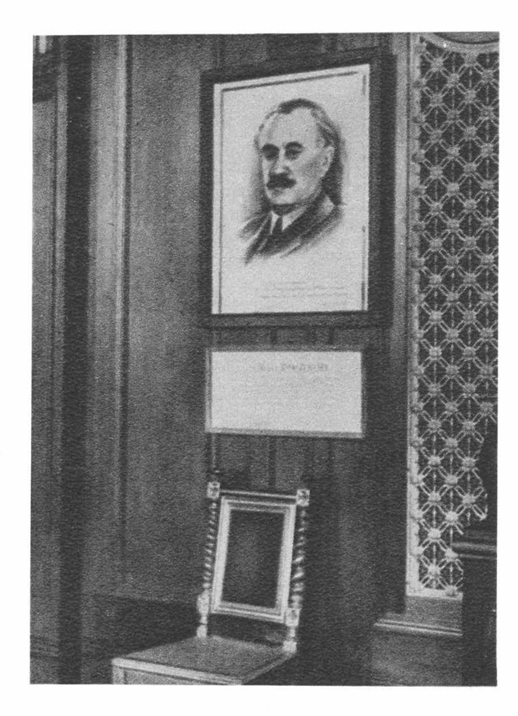
И ворчит, не скрывая досады,
Мой сосед, старик-счетовод:
— Вот придумал петь серенады
Под окошком ночь напролет...

И, в халат закутавшись ватный,
Закрывае соседка балкон:
— Если б голос хоть был приятный,
Или пел понежнее он...

Пой, дружище! Пускай их бормочут,
Не прислушивайся к чепухе:
Ведь как раз этих самых строчек
Не хватало в моем стихе!

Перевела М. Павлова

Музей в Лейпциге



В зале бывшего фашистского суда. Здесь сидел Г. М. Димитров во время процесса в 1933 году.

В дни 70-летней годовщины со дня рождения выдающегося деятеля международного рабочего движения Г. М. Димитрова в Лейпциге, в здании, где фашисты в 1933 году судили Димитрова, открылся музей.

В этом музее каждый предмет напоминает о мужественном единоборстве, которое вел пламенный обличитель империалистической реакции с гитлеровскими провокаторами и судьями.

Огромен и мрачен зал бывшего верховного суда по делам о «государственной измене». За этим подковообразным столом восседали гитлеровские душители свободы, одетые в мантии судей. Напротив, за резной перегородкой, — скамья подсудимых. Над стулом, на котором сидел Георгий Димитров, теперь висит его портрет. Посетители музея подолгу всматриваются в знакомые мужественные черты лица стойкого борца за дело коммунизма, верного друга Советского Союза.

Здесь, в этом зале, в качестве свидетелей «обвинения» против коммунистов выступали два фашистских министра — Геринг и Геббельс. Они пытались очернить, оклеветать товарища Димитрова, но железная логика его выступлений свела на нет все усилия этих палачей немецкого народа. Они должны были отступить в растерянности и смятении.

Четырежды выводили Димитрова из зала суда за слова правды, брошенные в лицо фашистским насильникам. Он вел себя не как подсудимый, а как обвинитель.

...Посетители музея, прослушав рассказ экскурсовода о Лейпцигском процессе, проходят через большой зал и отворяют массивную дубовую дверь. Она ведет в камеру, где содержался Димитров во время суда. За первой дверью возникает вторая — железная, с маленьким глазком. Вот и узкая, мрачная камера. У левой стены — подвесная койка, у правой—откидной деревянный стол и скамья. Под самым потолком — крохотный квадрат окна, забранного решеткой.

В этой темнице находился Димитров в период процесса. Наручниками он нацарапал на столе шахматные клетки, из хлеба слепил фигуры и играл.

Здесь, в камере, Георгий Димитров оставался до того дня, когда под напором мирового общественного мнения фашистские палачи вынуждены были оправдать замечательного борца за дело трудящихся.

Выходя из музея, взволнованные виденным, экскурсанты делятся впечатлениями. Они говорят о том, что в наши дни американские милитаристы идут по пути гитлеровских молодчиков, пытаясь разнузданным террором, преследованием коммунистов и сторонников мира сломить волю честных людей, помешать их борьбе за свободу и счастье.

— За примерами недалеко ходить,— говорит один из посетителей музея. — Во Франции они пытались повторить с Жаком Дюкло то, что Геринг хотел сделать с Димитровым.

— Американских гитлеровцев, — говорит молодой рабочий-типограф,— ждет конец Геринга. Для нас, молодых немцев, образ Г. М. Димитрова всегда останется примером того, как надо служить рабочему классу и делу мира.

Юрий ЧЕРНОВ

Лейпциг.

ФРАНТИШЕК ЛАДИСЛАВ ЧЕЛАКОВСКИЙ

5 августа исполняется сто лет со дня смерти выдающегося чешского поэта и ученого-филолога первой половины XIX века Ф. Л. Челаковского (1799—1852), являющегося одним из основоположников новой чешской литературы и создателей чешского литературного языка.

Челаковский родился на юго-западе Чехии, в местечке Страконицы в семье простого столяра. С большим трудом ему удалось получить университетское образование.

Рано начав писать, он обратился в своей литературной деятельности к народу, который на протяжении веков хранил богатство чешского языка и традиции национальной демократической культуры, к изучению его устного творчества. Большое положительное значение имело для развития Челаковского знакомство с русским народным творчеством и произведениями русских писателей, в частности Пушкина, которого поэт одним из первых переводил на чешский язык.

В 1822 году вышел сборник юношеских произведений Челаковского «Смешанные стихи». С 1822 по 1827 год он издал три тома «Славянских народных песен».

В 1829 году вышел сборник Челаковского «Эхо русских песен», завоевавший огромную популярность. Эта книга сыграла большую роль в становлении и развитии чешской национальной литературы, указав на необходимость изучения и освоения устного народного творчества. Вместе с тем книга была ценным вкладом в развитие русско-чешских культурных связей. В своих былинах и героических песнях на русские темы Челаковский подчеркивал демократизм русского народного творчества и присущее ему свободолюбие.

В 1839 году Челаковский издал новую книгу, «Эхо чешских песен», по своему характеру и по своей прогрессивной идейной направленности примыкавшую к предыдущему сборнику. В ней звучали протест против национального угнетения, сочувствие трудовому чешскому крестьянству, осуждалось дворянство и духовенство.

«Эхо русских песен» и «Эхо чешских песен» явились большим достижением прогрессивного романтизма в Чехии.

В 1840 году был опубликован сборник лирических и философско-дидактических стихотворений поэта «Столистая роза». В последние годы жизни Челаковский занимался филологическими исследованиями, результатом которых явился обширный сборник славянских пословиц.

Несмотря на известную, исторически обусловленную ограниченность взглядов, в своих лучших произведениях Челаковский выступал как демократ и патриот. Велики его заслуги в развитии национальной чешской культуры. Творчество Челаковского значительно способствовало развитию таких крупных чешских писателей XIX века, как Маха, Эрбен, Немцова, Неруда, Чех.

Ряд стихотворений выдающегося чешского поэта переведен на русский язык.

Л. КИШКИН

Рождение скрипки

Сколько интересных легенд создано о «царице музыки» — скрипке! Она послужила темой романов и повестей. Творцы редких скрипок окружены ореолом славы. Непревзойденными творениями человеческого гения названы смычковые инструменты Страдивариуса, Амати и Гварнери.

Мастера скрипичного дела держали в секрете свое искусство, говорили о какой-то сверхъестественной интуиции, помогающей подобрать звучащий материал для верхней деки.

В нашей стране впервые была осуществлена смелая идея массового производства скрипок.

Среди пионеров нового производства — бывшая московская гитарная фабрика.

В июле 1952 года здесь были выпущены скрипки уже в счет 174-й тысячи. Восемьдесят процентов всех скрипок сделаны для детей.

В кабинете директора фабрики Михаила Николаевича Бычкова хранятся скрипки за №№ 1, 8, 39. Они были изготовлены в 1935 году — первом году рождения новой фабрики. Руководил их созданием заслуженный мастер смычковых инструментов РСФСР Тимофей Филиппович Подгорный. Несмотря на преклонный возраст, он попрежнему продолжает работать главным консультантом фабрики.

Здесь творит большой коллектив. Специалисты, конструкторы, скрипичные мастера, обобщив отечественный и мировой опыт, подвели научную основу под все расчеты производства музыкальных инструментов. «Секрет звучания» скрипки перестал быть тайной мастеров-одиночек. Если один мастер может выпустить скрипку за две — четыре недели, то на фабрике она рождается за шесть часов. Естественно, что стоимость ее в десять — двенадцать раз ниже, чем при индивидуальном изготовлении.

Как рождается скрипка? Из местечка Нея, Костромской области, на фабрику приходит чудесная древесина — «звучащая» ель для верхней деки. Из Закарпатья доставляют клен, с Апшеронского полуострова — грушу, граб... Поступающие с фабричной биржи доски аккуратно раскраивают на отдельные куски и направляют в сушилку. Здесь они семь дней просушиваются, а затем поступают в машинный цех. На еловых и кленовых плитках по шаблону вычерчиваются знакомые всем контуры скрипки.

Помещение цеха наполнено гулом машин. Работают копировальные станки, формируется свод деки. Станки с большой точностью выполняют сложные операции, на которые потребовалось бы затратить много часов усердного труда квалифицированных мастеров. Отсюда, из машинного цеха, поток деталей направляется на сборку. Собранная скрипка попадает на лакировку. Двенадцать раз ее корпус покрывают лаком. После просушки работницы снимают с последнего, двенадцатого покрытия глянец. Так скрипка обретает знакомую всем окраску — мягкий коричневый цвет.

Наконец, инструмент доставляют в отделочный цех. Здесь собирают гриф, подгрифник, ставят струны. Первое прикосновение смычка — и небольшое помещение оглашается приятной мелодией. Еще одна скрипка появилась на свет...

Профессора Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, представители фабрики прослушивают каждый новый инструмент. Без этого ни одна скрипка не будет отправлена заказчику.

Фабрика получает много лестных отзывов руководителей музыкальных училищ, оркестров, театров, клубов и дворцов культуры. И отзывы эти — лучшая оценка упорного труда коллектива советских скрипичных мастеров.

Ал. САНИН

Комиссия оценивает качество скрипки. Слева направо: главный инженер фабрики И. Лебедев, Т. Подгорный, профессор Б. Сибор, скрипач И. Сафонов.

Фото М. Савина

Петродворец.
Большой каскад.

Гатчина.
Белое озеро.

Павловск. Павловский дворец.

Фото Т. Бакмана.

Город Пушкин. Вид с Камероновой галереи.

Новая дорога

Рассказ

Э. Р. ГРЕЙЛИХ

Рис. Л. Бродаты

Э. Грейлих — немецкий демократический писатель. За антифашистскую деятельность был заключен нацистами в концентрационный лагерь, откуда во время войны отправлен в 999-ю штрафную дивизию. О пребывании в этой дивизии Грейлих написал книгу под названием «Помилован для героической смерти».

Сейчас писатель живет в Германской Демократической Республике. В 1951 году он написал роман «Тайный дневник», посвященный современной Германии.

Новая шоссейная дорога кажется почти белой.

Светлосерый щебень тускло поблескивает под лучами осеннего солнца. Тихо пофыркивая, стоит на шоссе громоздкий паровой каток. Сонливо колышутся языки пламени под котлом со смолой. В кювете сидят дорожные рабочие и полдничают. Водитель Франц Вильгельми аккуратно складывает бумагу, в которую завернут хлеб, и достает из кармана трубку. С наслаждением выпуская клубы дыма в прозрачный осенний воздух, он глядит на светлую ленту шоссе и думает: «Трудноватая это была работенка».

Вдали появляется велосипедист. От напряжения он чуть не встает на педали и едет прямо посередине дороги. Доехав до того места, где дорога еще не укатана, он слезает с велосипеда и ведет его рядом с собой.

Карл Мейерер, долговязый Мейерер, с наслаждением подносит ко рту фляжку. Вильгельми мог бы часами смотреть на него. Ни у кого нет такого мощного кадыка, ни у кого так смешно не булькает в глотке во время питья. В самый разгар этого занятия Мейерер отнимает ото рта жестяную флягу и говорит:

— Это еще что?

Другие тоже прислушиваются. Монотонное пофыркивание парового катка заглушают доносящиеся издали скрежещущие звуки. Они еще не очень громкие, но даже расстояние не может смягчить этот угрожающий рев.

— Танки, — говорит Людвиг Фюрт и сердито сморкается в вытащенную из кармана коричневую от смолы тряпку.

Адам Фейнагель отправляет с ножа в рот последний кусок яблока и выбрасывает очистки в кювет.

— Саранча проклятая, загадила своими маневрами всю землю!

Никто не произносит больше ни слова. Все жуют, курят, как будто это восклицание делает излишними всякие разговоры. Но все невольно прислушиваются. Коричневыми, заскорузлыми пальцами Франц Вильгельми вынимает часы из кармана жилетки, пропахшей смолой.

— Так. Давайте еще разок. Последний круг, — говорит он и выколачивает трубку о каблук.

Людвиг Фюрт перекладывает табачную жвачку во рту и поднимается.

Подходит велосипедист, здоровается и останавливается, вытирая платком потный лоб. Рабочие нехотя отвечают на его приветствие, разглядывая раскрасневшееся лицо незнакомца.

Велосипедист прячет платок и смотрит на шоссе.

— Жаль! — говорит он, печально качая головой. — Если танки спустятся с той горы, вся ваша работа пойдет насмарку.

— А вы откуда? — спрашивает Адам Фейнагель.

Глубокие, вымазанные смолой морщины над его переносицей превращаются в одну сердитую складку.

Незнакомец продолжает стоять.

— Первый танк остановился в нескольких стах метров от околицы деревни. Ждут машину, которая поломалась в пути.

— Проклятье! — восклицает Вильгельми.

На всех лицах появляется такое выражение, словно каждый произнес это слово.

— Ну, что же, испорченные дороги — это новая работа для нас, — говорит коренастый, приземистый Конрад Дирш, но под мрачными взглядами товарищей деланная улыбка быстро сходит с его лица.

— Работать без денег? — спрашивает Вильгельми. — Если они изуродуют дорогу, то пройдет по меньшей мере два года, пока наскребут средства на новую!

Получивший отпор Дирш пробует вывернуться:

— Так-то так, но ведь ты не сможешь остановить танки, у американцев сила.

— Опять та же болтовня, — ругается долговязый Мейерер и передразнивает: — «У американцев сила... у американцев сила...» А мы что, дураки? Здесь наша земля. Сколько она еще может оставаться американской казармой?

Людвиг Фюрт сплевывает табачную жвачку.

— Как бы отбить у этих парней охоту ездить по нашей новой дороге? — спрашивает он тихо, словно обращаясь к самому себе.

Фюрт — бедный крестьянин. Если дорога будет повреждена, он со своей коровьей упряжкой окажется в числе пострадавших.

У остальных мрачный вид.

— М-да, как бы это сделать? — ворчит кто-то.

Франц Вильгельми идет к катку, другие берутся за инструменты, но никто не приступает к работе.

Луис, по прозванию «Цыган», вышибает из кювета огрызок яблока и, не раздумывая, говорит:

— Нужно поставить каток поперек моста. Ни один танк не пройдет.

В изумлении таращат глаза пожилые рабочие на этого смуглого паренька с живыми черными глазами, за которые он и получил свое прозвище. Самый молодой из них, к которому никто серьезно не относился, высказал такую хорошую мысль.

— Здорово придумал! — Мейерер хлопает парня по плечу. — Если это удастся, я готов сегодня же вечером называть тебя на «вы».

— Давай, Франц! — кричит Фейнагель. — Разворачивай свою старуху и полным ходом на мост.

Сидящий за рулем Вильгельми оборачивается, снимает пропитанную маслом фуражку и скребет заросшую пучками седых волос голову.

— Очень здорово! А если американцы столкнут каток?

— Едва ли это им удастся, — весело смеется практичный Фюрт. — Нужно потушить огонь и спустить воду. Тогда никакой американец не сдвинет его с места.

— Замечательно! — Луис-Цыган потирает руки, как школьник, только теперь поняв всю значительность своего предложения.

Франц Вильгельми медлит. Трет ладонью лоб, словно хочет избавиться от неприятной мысли. За свою тяжелую жизнь ему часто приходилось принимать трудные решения. Если удастся задержать американцев с помощью этого катка, то каждый ребенок в деревне скажет, что это сделал он, Вильгельми. Другим легко говорить. Этот паренек кричит: «Замечательно!», — а сам думает только о потехе. Он, Вильгельми, смотрит дальше. Арест, суд, тюрьма, голод и нужда в семье.

Товарищей Вильгельми охватывает нетерпение.

— Живее, Франц, разворачивай машину, а то мы не успеем.

Скованный сомнениями, Вильгельми нерешительно взбирается на сиденье. Черное чудовище тяжело разворачивается и ползет на гору.

Вильгельми направляет его вперед. Там внизу, на мосту, он должен будет принять решение. «Оставь эту затею, — как бы предостерегает его кто-то, — одной дорогой больше или меньше. Что это по сравнению с тысячами, миллионами ценностей, которые уничтожают? Нет, они не должны разорять Германию,— сверлит ему мозг упрямая мысль. — Если каждый сделает что-нибудь... Но разве каждый делает это?»

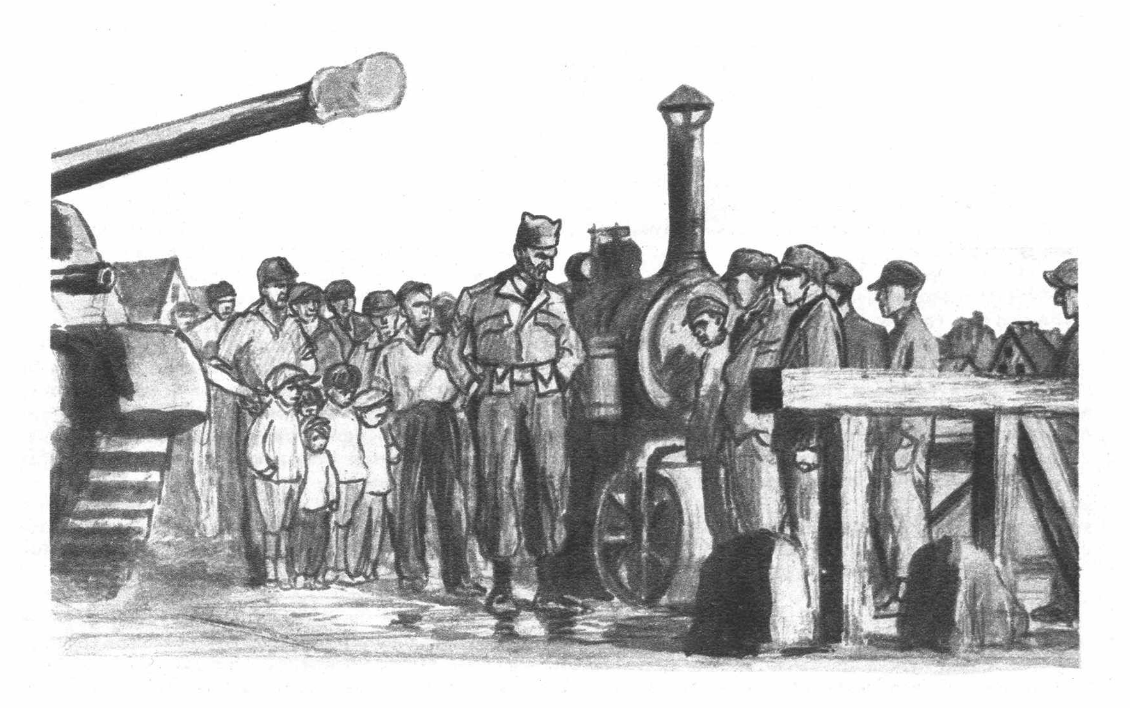
Погруженный в мысли, Вильгельми ведет вперед громоздкую машину. Он едва замечает проплывающие мимо деревья, светлосерую ленту новой дороги, ведущей к возможной гибели. Там, на мосту, он должен будет принять решение...

Луис-Цыган пристроился на катке, остальные идут сзади, с трудом поспевая за машиной.

В самом конце идет Дирш.

— Только бы все обошлось благополучно,— сопит он. — То, что мы делаем, противозаконно, и если нас поймают, то даже наше правительство не сможет помочь.

— Правительство? — долговязый Мейерер останавливается и тычет Диршу в грудь. —



НА СЕВЕРЕ

Игнатий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

В ТУНДРЕ

По очень серьезному делу
(Серьезные нынче дела!)
Ненецкая женщина Вела
К учительнице пришла.

— Готова помочь!
— Готова.
— Пришла за тобою я.
Колхоз наш завел корову,
Для нас это дело ново,
Нам помощь нужна твоя.

Лицо разгорелось ярко,
Глаза, как родник, чисты:
— Конечно, ты не доярка,
Не зоотехник ты.

Но русская ты — и, значит,
Все в жизни уметь должна...

Так выходной твой начат...
Небо весеннее прячет
Снежная пелена.

Льдины обходит моторка,
К берегу пристает,
С тундрового пригорка
Сбегает к тебе народ.

Здесь, на краю России,
Крытые тесом дома,
Двигатели ветряные...
А вот и она сама

Жует, как ни в чем не бывало,
Сено среди двора.
С дороги, а не устала,
Как тундра весной, пестра.

«Ну, с новосельем, что ли!»
И вот средь снегов и вьюг
Вдруг вспоминаешь поле,
В белых ромашках луг.

Льется в подойник смело
Теплый дождь молока,
Кажется, потеплело
В тундре сырой слегка.

Кажется, нет непогоды...
Трубок дымки клубя,
Будущие животноводы
В гости зовут тебя.

В ярких таблицах стены,
Ненцы вокруг сидят.
Ты говоришь степенно,
Как надо запарить сено
И как воспитать телят.

Чисто в избе и жарко,
Каждый тебе знаком,
Ходит по кругу чарка
С пенистым молоком.

* * *

Оленьи мхи похрустывали жестко,
В низинах гнус назойливо звенел,
И вдруг овса зеленая полоска,—
Здесь, видно, земледелия предел!

Совсем не здесь. Для смелых нет предела!
Полярный круг пшеница перешла,
Внезапно басовито загудела
И в тучу гнуса врезалась пчела.

За ней, за трудолюбкою крылатой,
Что в пробный свой отправилась полет,
Следил хозяин, радостью объятый,
Ненецкой тундры первый пчеловод.

На эту должность посланный народом,
Доныне пчел не видевший в глаза,
Еще вчера он был оленеводом...
Гудят рои, и пахнет свежим медом
Над озером полярная лоза.

СЕВЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

Березы жили в северном лесу
И белоствольны и зеленокрылы,
Утрами пили чистую росу
И набирались свежести и силы.

Светилась в темных крапинках кора;
К деревьям этим, гордым и высоким,
Весною прибегала детвора
Живительным полакомиться соком.

В тени их часто девушки венки
Плели из медуниц, из горицвета.
Росли березы статны и крепки —
Красавицы задумчивого лета.

Когда ж орудья грянули вдали,
Когда снега от крови стали рыжи
И вражьи танки к Волге поползли,
Березы белоствольные пошли
Сибирякам-разведчикам на лыжи.

Да, поредел березник за войну,
Но мы деревья новые взрастили,
И мирную погожую весну
Они у нас встречают в полной силе.

И на ветру приветливо шумят,
Как флаги, в небо кроны поднимая...
Я на листке задерживаю взгляд:
А это кто же! Это шелкопряд,
Извечный житель солнечного края.

Его, питомца жаркой Ферганы,
Где, как от снега, даль бела от пыли,
Сегодня академики страны
С березой-сибирячкою сдружили.

Согнав с листка бездельника-жука,
Он за работу взялся спозаранок,
Чтоб кокон рос подобием цветка...
Настанет день — в сибирские шелка
Оденем мы любимых северянок.

Если бы у нас было настоящее правительство, нам не пришлось бы ставить каток поперек моста.

— Да, но...

— Что «но»? Рабочий ты или нет? Посмотри на своего товарища Франца, который...

Подбегает Фейнагель.

— Социалист ли или коммунист, какая в данном случае разница? Кто мы: настоящие люди или трусы?

Мейерер и Фейнагель рысью пускаются догонять машину. Каток уже успел уползти далеко. Дирш не торопится.

На мосту Вильгельми останавливает машину. Она шипит, словно не может отдышаться от быстрого бега. Пахнет паром и перегорелым маслом. Луис отправляется узнать, где находятся танки.

Вильгельми сидит задумчиво и неподвижно. Людвиг Фюрт берет кочергу и торопливо начинает помешивать в топке.

При этом он одобряюще кричит:

— Спускай воду, Франц!

Вильгельми молчит, погруженный в свои мысли. К нему подходит долговязый Мейерер:

— Скорее, Франц, ставь ее поперек.

Вильгельми смотрит на него невидящим взглядом. Его мысли где-то далеко. Подходят остальные рабочие. Вопросительно смотрят на него. Словно очнувшись, Вильгельми смущенно трет подбородок:

— М-да... значит...

— Ты что же, испугался?

Фейнагель глядит на своего товарища.

Вильгельми избегает его взгляда. «Испугался...» Неужели испугался?.. Он никогда не чувствовал себя героем. Но разве за всю свою жизнь он струсил хотя бы раз? Страх он действительно испытал. Но трус тот, кто поддается страху. Вот если бы он теперь поддался!..

— Давай, Франц, хватит раздумывать. Американцы могут появиться с минуты на минуту. Едва ли нам скоро представится другой случай спасти какую-нибудь дорогу.

Людвиг Фюрт настаивает. Он любит эту дорогу. Она ему нужна.

Вильгельми оживляется. Ему стыдно. Ему сказали, что он медлит, боится. Дело идет о дороге. А она нужна Людвигу, нужна деревне, нужна всем. Разве не будет хуже, если дети станут показывать на него пальцами и шушукаться: «Он, Вильгельми, виноват в том, что американцы разрушили дорогу», — чем, если они будут говорить: «Вот тот, кто поставил каток поперек моста»! Привычным движением поворачивает он свое стальное чудовище. Товарищи помогают, возбужденно размахивая руками.

«Успеем, пожалуй», — думает Вильгельми, и его взгляд становится ясным. Теперь каток стоит хорошо. Даже на телеге не объедешь. Успокоительно журчит вытекающая вода.

Дирш наблюдает за всем происходящим, даже не пошевельнув рукой. Никто не замечает этого. Теперь он пытается улизнуть, бормоча:

— Только бы все обошлось благополучно... благополучно...

Снова появляется Луис-Цыган. За его спиной ватага подростков. Глаза их блестят.

— Сейчас они будут здесь! — во всю глотку кричит Луис. — Поврежденный танк уже подошел, и командир влез в головной!

Мальчики взбудоражили всю деревню, когда на большом кирпичном заводе кончился рабочий день. Группами и в одиночку подходят рабочие. Раздаются возгласы:

— Правильно!

— Повсюду так нужно поступать!

Рабочие маленькой дорожностроительной фирмы смущаются от столь явного одобрения.

— Молодцы ребята из «Клейннег и Грошер»! — кричит кто-то, и вся масса с восторгом подхватывает: — Браво, браво!

Затем все стихают и начинают смотреть в одном направлении. Воздух наполняется грозным скрежетом. Как огромный, прожорливый серый жук, выползает из деревни первый танк, за ним вплотную второй, третий. На худом загорелом лице офицера удивление. Потом его глаза становятся похожими на щелочки, губы плотно сжимаются.

Он отдает приказ. Его танк останавливается неподалеку от моста. Останавливаются и остальные. Моторы затихают. На мгновение воцаряется тишина. Молчит и толпа.

Офицер выходит из танка и быстрыми шагами направляется к катку. В луже воды между колесами плавает масло. Мутными от злобы глазами смотрит офицер на препятствие. Булькает вытекающая вода. Застывшая за его спиной масса людей кажется ему страшной. Он резко поворачивается и кричит:

— What's that? [1].

Глаза всех полны насмешки и ненависти. Никто не двигается с места.

— Get away! Shake your bones! [2] — рычит офицер, хватает за руку стоящего близко рабочего и трясет его.

В ответ раздается гневный гул. Рабочий вырывается и исчезает в толпе.

Офицер снова влезает в танк. Он возмущен. Мозг его лихорадочно работает. Ведь речь идет об его престиже, о престиже Соединенных Штатов Америки. Может быть, столкнуть каток в сторону? Теоретически это возможно. Но если танк потерпит аварию, что тогда? Неприятности от высшего начальства. Порча всей карьеры. Лучше объехать, так будет вернее. Об этом высшие инстанции не узнают. Но такой «инцидент» принесет все равно кучу неприятностей.

— Damned! [3] — орет офицер. Его загорелое лицо бледнеет от бессильной злобы.

Снова гудят моторы. Офицер передает по ларингофону команду. Три танка разворачиваются на месте. В толпе раздаются торжествующие крики, заглушающие скрежет гусениц.

Танк, прибывший первым, уползает последним. Стоящие вокруг люди смеются, шумят, подбрасывают вверх шапки. Радостные, они возвращаются в деревню и рассказывают о случившемся.

Несколько человек остаются около катка. Они обступают Франца Вильгельми, который с озабоченным видом стирает пот с кожаного ободка фуражки. Затем он набивает трубку и тяжело вздыхает.

— Получилось лучше, чем я думал, — говорит Вильгельми.

Все радостно кивают головами.

Взгляд Вильгельми устремляется к верхней извилине дороги, туда, где шоссе и растущие по его обочинам яблони сливаются с небом.

Новая шоссейная дорога кажется почти белой.

Перевела с немецкого М. ЗЕЛЬДОВИЧ

[1] Что это?
[2] Прочь отсюда! Берегись!
[3] Проклятие!

ПЕЙЗАЖИСТ РОДНОГО ГОРОДА

Б. Семенов. Свердловск. У оперного театра. Акварель.

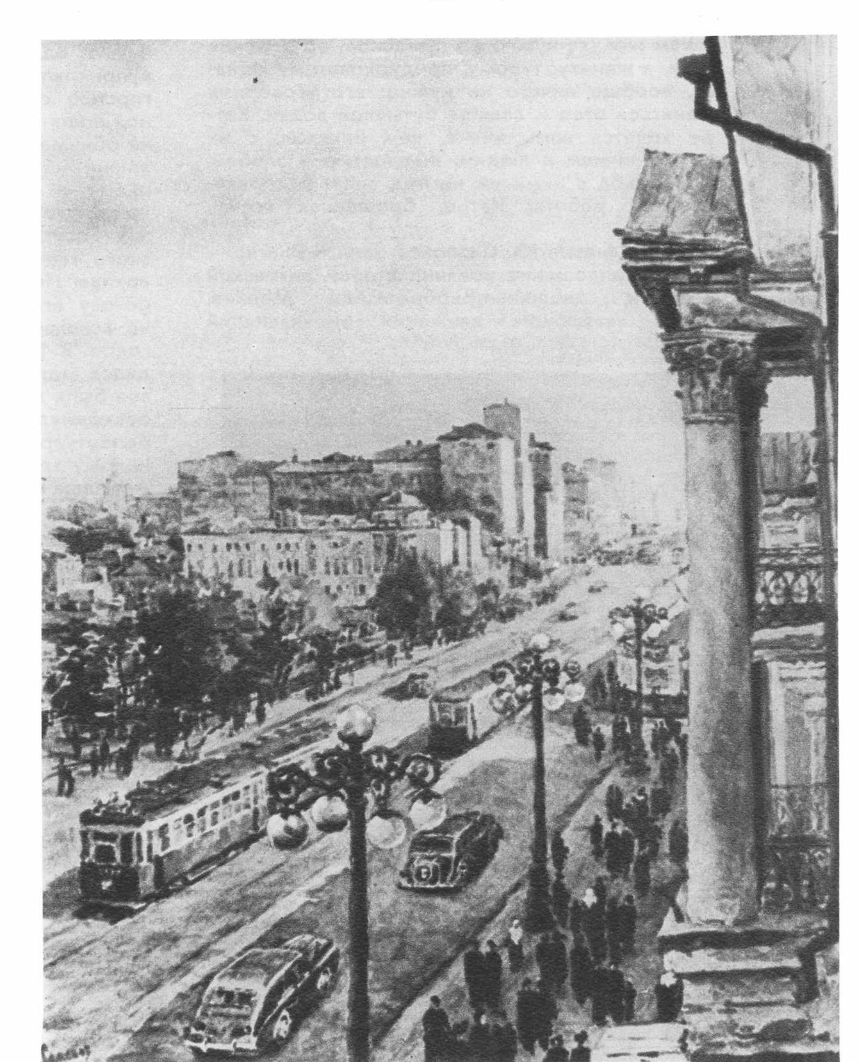
Родился и вырос он не в Свердловске, куда приехал в 1941 году. Но потому ли, что здесь художник пережил трудные годы войны, или оттого, что этот город прямыми и строгими линиями кварталов напоминал ему оставленный им Ленинград, Борис Александрович Семенов полюбил Свердловск сразу.

Город заводов днем и ночью тогда трудился для фронта и в то же время строился и рос — воплощение неиссякаемой энергии советских людей. Именно тогда пришла художнику в голову мысль запечатлеть облик Свердловска в акварелях.

В 1947 году Семенову удалось приступить к осуществлению своей мечты. Работая над первыми эскизами, он зарисовывал однажды уголок старого города — ветхий домишко, оставшийся еще со времен Екатеринбурга, а за ним новый нарядный дом. Так художник нашел свою тему.

На глазах у Семенова строились десятки школ, детских садов, сотни многоэтажных жилых домов, в скверы и газоны высаживались декоративные деревья и кустарники. Художник стремился запечатлеть все это в рисунках, отражающих черты нового, социалистического города, где постепенно исчезают остатки грязных, заброшенных окраин.

Много раз писал Семенов улицу Ленина, основную магистраль города. Одну из картин, «Свердловск. Улица Ленина», художник написал в летний ясный день с балкона здания консерватории. Улица, утонувшая в зелени, наполнена шумом трудового дня, лучи солнца дробятся в окнах домов, золотят зелень. Эта акварель была представлена на всесоюзной и республиканской выставках в 1950 году.



Б. Семенов. Свердловск. Акварель.

Интересна история акварели «На стройке Свердловска» (также побывавшей на выставках в Москве). Когда Семенов начал эту работу, готовы были два первых этажа здания. Из окна дома на другой стороне улицы он наблюдал труд строителей. Но уже на другой день стена строящегося дома поднялась, выросла вместе с деревянными подмостками и закрыла перспективу. Трижды пришлось художнику переходить на все новые этажи соседнего здания, чтобы закончить картину.

В пейзажах Семенова почти отсутствуют люди. Только в одной картине, «В день открытия первой Областной конференции сторонников мира», художник показал их. На здании филармонии трепещут разноцветные стяги, дети пускают в небо голубей, к зданию идут свердловчане — старики, юноши, девушки,— чтобы выразить свою волю к миру, приветствовать делегатов. (Акварель выставлялась в 1951 году на республиканской выставке в Москве.)

Людей почти нет в пейзажах Семенова, но человек всегда присутствует в них: строящиеся дома, новые улицы, утонувшие в зелени скверы — все одухотворено творческим трудом человека. Художник увлечен избранной им темой. Его акварели — это повесть о родном городе.

О. МАРКОВА

Свердловск.

«Незабываемый 1919-й». В роли В. И. Ленина — заслуженный артист ЛССР Юозас Сипарис, в роли И. В. Сталина — Юозас Рудзинскас.

Театр жизненной правды

В избу входит немолодой подвижной человек в помятом пальто, с грязным шерстяным шарфом вокруг шеи. Торчащие седоватые космы, опухшее лицо, хитрая усмешка прищуренных глаз — таким предстает Ю. Сипарис в роли старого Вингиса (пьеса по роману Ю. Жемайте «Марти» — «Сноха»). Сюжет пьесы несложен. Крестьянскую девушку Катре выдают замуж за нелюбимого — сына Вингиса. Родителям жениха нужно ее приданое, ее рабочие руки, а жениху, тупому, придурковатому Ионасу, вообще ничего не нужно: его уговорили жениться отец и сват за бутылкой водки. Катре хочется жить иначе, чем Вингисы, с их безразличием к людям, жадностью и злобой. Но борьба с ними ей не под силу: надорвавшись на работе, Катре, брошенная всеми, умирает.

В исполнении Ю. Сипариса старый Вингис — живое воплощение хозяина старой литовской деревни, хищника-приобретателя. Мелкие, будто хватающие движения, оценивающий взгляд, походка чуть вразвалку — все подмечено в жизни, и все очень точно характеризует этот облик. Вот он вместе с женой (артистка О. Юодите) встречает у своего дома во время свадьбы молодоженов. Его лицо принимает благопристойное выражение, глаза полуприкрыты веками, но какой откровенной наглостью собственника, которому все доступно, полон его взгляд, брошенный невзначай на обнимающую ноги свекрови Катре! Правда жизни — это то, что определяет решение пьесы, а вместе с тем и весь недолгий, но яркий творческий путь театра.

У Государственного литовского драматического театра нет длинной истории, большого архива. Но если говорить о том, что легло в основу его творческих принципов, то нельзя не вспомнить о далеких событиях конца 20-х годов. В 1929 году в сметоновской Литве родился маленький актерский коллектив. Здесь все были молоды — и актеры и режиссеры. Их объединяло стремление к содержательному репертуару, к реалистическому мастерству, к новому зрителю. Одной из первых постановок молодежной студии, как она тогда называлась, была «Хижина дяди Тома». Спектакль шел с успехом, и исполнители решили показать его безработным, которыми была наводнена тогда Литва. Такая идея показалась властям крамольной, и студию закрыли. Артистам пришлось искать счастья в других театрах, кое-кто вообще оставил сцену, но хорошее начало не забылось, не прошло бесследно. С установлением советской власти старые студийцы собрались вместе во вновь организованном Вильнюсском театре.

«Марти» Ю. Жемайте в Литовском драматическом театре. Сцена из II действия. В центре: старый Вингис — заслуженный артист ЛССР Юозас Сипарис, Вингене — О. Юодите, Катре — Л. Купстайте.

Сейчас в республике нет такого города или местечка, где не знали бы ведущего литовского театра. За годы своего существования он успел побывать всюду. На его спектаклях были и взрослые, и юные, и самые маленькие зрители, для которых создан специальный репертуар.

Есть спектакли, которые становятся этапными в жизни театра. Такой оказалась в Вильнюсе постановка «Врагов» Горького. Пьеса впервые была сыграна по окончании войны, а в нынешнем году коллектив осуществил новую ее постановку (режиссер — Ром. Юкнявичюс).

Два лагеря, два мира сталкиваются во «Врагах» — власть имущие и люди труда. Театр очень четко и ярко решил эту тему. Либеральничающий фразер, путающийся в своих беспомощных рассуждениях Захар (Ю. Рудзинскас), озлобленная, мечущаяся в поисках спасения от краха Клеопатра (Г. Якавичюте), для которой собственность — все в жизни, и рядом с ними Николай Скроботов (А. Радзявичюс). Артист играет его как убежденного врага революции. Весь подобранный, сухой, он движется почти неслышно, держится нарочито сдержанно, никого не задевая, никогда не повышая голоса. Вот он столкнулся с Татьяной, которая намеревается просить его об освобождении Синцова. На какое-то мгновение на ней задерживается оценивающий, как будто раздумывающий взгляд, и вот Скроботов — снова непроницаемый, будто закованный в броню чиновник. Радзявичюс подчеркивает сразу возникающую настороженность Николая перед этой женщиной, думающей и чувствующей иначе, чем он, его внутреннюю опустошенность, ярко выступающую под пристальным, проницательным взглядом рассматривающей его Татьяны (Г. Яцкевичюте). Эта сцена — одна из больших актерских удач спектакля. Маленькая деталь: Татьяна отнимает у Николая карандаш, которым он собирается начать «дело», и, равнодушно играя им, продолжает начатый разговор. Но рука Николая методично тянется к другому карандашу, и с этим жестом рассеиваются последние иллюзии Татьяны относительно этого человека: небрежным движением она отбрасывает ставшую ненужной вещь.

«Враги» М. Горького. Николай Скроботов — заслуженный артист ЛССР Альфонс Радзявичюс, Татьяна — заслуженная артистка ЛССР Галина Яцкевичюте.

Г. Яцкевичюте, актриса большого драматического дарования, играет Татьяну очень собранно, глубоко продуманно. Ее Татьяна — человек с сердцем, думающий, но по натуре пассивный. Вот она вся обратилась в слух, напряглась, кажется, минута — и она возмутится, заговорит новыми, смелыми словами. Но минута прошла, ее плечи опустились, опять она ушла в себя, хотя и не потухла. Напряженная работа мысли Татьяны-Яцкевичюте продолжается непрерывно, прорываясь в редких фразах, во взглядах, улыбке. Вот она тепло, всем сердцем улыбнулась Синцову, с горечью, но как чужой человек остановила взгляд на муже, чуть-чуть грустно усмехнулась на слова мятущейся, взволнованной Нади. Очень непосредственно, с живым чувством играет роль Нади М. Миронайте.

Трудно перечислить все творческие находки исполнителей, режиссера, талантливого художника В. Палаймы. Особенно запоминается финальная сцена спектакля. Распахиваются красные портьеры в гостиной Бардиных, входит группа рабочих. Здесь и умный, спокойный старик Левшин (Ю. Сипарис), волевой, сдержанный Синцов (А. Кернагис), порывистый Рябцов (И. Лалас), их товарищи — это не арестованные, не побежденные, это победители. Жалкими кажутся рядом с ними жандармы. Рабочие сильны своим единством, своими убеждениями, силой своей правды. Оттого так веско и значительно звучат слова Татьяны: «Эти люди победят!»

«Наш Горький»,— говорят актеры театра, и это право называть своим великого писателя они по-настоящему заслужили.

...Воскресный день в Вильнюсе. С раннего утра в уютном, заросшем диким виноградом дворике Литовского драматического театра царит оживление. Только что сюда собрались на «Красную шапочку» малыши, несколькими часами позже их товарищи увидят «Зайку-зазнайку» — веселый музыкальный спектакль, красочно оформленный молодым художником И. Суркявичюсом. А вечером, когда на нарядной улице Гедемина зажгутся огни и молодые актеры театра вернутся с шефского спектакля «Студент третьего курса», на сцене театра начнется «Незабываемый 1919-й»,— это одна из последних постановок театра, удостоенная в нынешнем году Сталинской премии.

Н. МОЛЕВА

Вильнюс.

Финальная сцена спектакля «Враги».

Мавзолей узбекского поэта-революционера Хамза Хаким Заде Ниязи в Шахимардане.
Фото Р. Шарипова (Узтаг)

В МАСТЕРСКОЙ *архитектора*

В красивейшем уголке Ферганской долины, Шахимардане, стоит у подножья снеговых гор мавзолей Хамза Хаким Заде — одно из интересных архитектурных сооружений советского Узбекистана. Ступени лестницы-пьедестала, приподнимая памятник над холмом, усиливают впечатление его величавой простоты. Сквозь стрельчатые арки широких окон потоки света падают внутрь, на надгробие. Две мощные колонны портика соединены такими же арками. Сияет на солнце белизна орнамента — резьбы по ганчу.

Эскиз мавзолея и сейчас висит на стене мастерской его автора — архитектора Абдуллы Бабаханова. Творчески используя мотивы народного зодчества, Бабаханов нашел свои, новые формы для решения этой задачи. Мавзолей узбекского поэта, драматурга и композитора ничем не напоминает многочисленные в Узбекистане памятники старины, как не похож был и сам выдающийся деятель родной культуры на тех, кто когда-то держал в руках судьбу народа и в честь кого воздвигались сооружения в далеком прошлом.

Архитектор создал целый архитектурный комплекс, изменивший вид курортного поселка Шахимардан, ныне называемого Хамзаабадом. В этот комплекс, кроме мавзолея, входят клуб, музей Хамзы и другие общественные здания.

Значительное место в работах мастерской занимает проектирование новых, социалистических городов. Типовые проекты городских зданий и построек в колхозах — вот над чем работает Бабаханов.

Н. СОЛОВЬЕВА

Народ победить нельзя

В журнале «Октябрь» напечатана вторая книга романа М. Бубеннова «Белая береза». Первая книга была тепло встречена читателями и критикой. Бубеннов сразу же вошел в первые ряды наших прозаиков, а его роман — в число лучших книг о Великой Отечественной войне.

Сила и своеобразие романа «Белая береза» — в отображении лучших национальных черт простого русского человека, которые раскрылись в годину великих испытаний.

В новой книге романа, отделенной от первой пятью годами, заметно крепнущее мастерство писателя. Оно и в попытках расширения темы и в первую очередь в осмыслении многих процессов, что раньше только намечалось. Эта бóльшая раздумчивость художника, желание передать всю грандиозность событий, происходивших на московской земле в первую, суровую зиму войны, заставили писателя обратиться к новым приемам. Он вводит авторские публицистические отступления; все чаще и напряженнее герои «Белой березы» думают и говорят о судьбах всей войны, о судьбах всего народа.

Как близко, но вместе с тем как далеко то время... В жестоких боях все яснее и определеннее вызревало сознание нарастающей неумолимой народной силы, рожденной гневом, который переполнял сердца бойцов. Чуялось: вот-вот рванет, «встанет до неба и зашумит, засвистит на весь свет неудержимая, могучая русская вьюга...»

На образах Андрея Лопухова, генералов Бородина и Батюкова, майора Озерова, комиссара полка Брянцева, секретаря партбюро Вознякова, лейтенанта Юргина, бойцов Умрихина и Борисова, санитарки Лены Малышевой показан с разной степенью глубины и поразному протекавший процесс воинского мужания.

Во второй книге отчетливо проводится мысль о движущих силах крепнущего народного сопротивления врагу. Оно прежде всего было подготовлено всем строем нашей советской жизни.

Что помогло майору Озерову выиграть ответственный бой у Барсушни? Только ли военное мастерство? Нет, не только, но и то качество, которое воспитано в характере каждого передового советского человека,—творческое отношение к любому делу, в том числе и ратному. «Это была привычка деловой неугомонности, полезной неудовлетворенности только одной радостью... постоянное желание дополнить ее думами о завтрашнем дне». И когда рядом с горкой пробитых пулями партбилетов на столе у секретаря партбюро Вознякова вырастает стопка заявлений о приеме в партию,— это тоже проявление той жизненной силы, которая организовывала и цементировала нашу победу. Что окрыляло в бою лейтенанта Юргина? Только ли гнев и чувство долга? Нет, не только это, но и любовь его к Лене, чистая и красивая, как и вся его жизнь.

Это все и есть строй нашей жизни.

Вечный родник всего великого и прекрасного — народ, и в единстве народа — залог силы и уверенности в завтрашнем дне каждого человека.

Потому так душно старику Лопухову, на какое-то время оторвавшемуся от народа, давшему втянуть себя в среду отщепенцев — предателей Родины, потому смысл жизни обретает он лишь после того, как народ возвращает ему свое доверие. Поэтому так жутко, пусто, страшно кровавому оборотню Лозневому, продавшемуся врагам, поэтому говорит жена полицая Чернявкина Анна: «Ведь здесь-то, в деревне, мне страшнее жить, чем одной в поле, чем в темном лесу! Где угодно! Ведь кругом народ! Вы понимаете, как это страшно?»

Да, народ кругом. По призыву вождя разгорается партизанское движение в тылу врага. Во второй книге большое место занимает изображение партизанской борьбы советского народа против оккупантов. Сцены в партизанском лесу, надо сказать, не лучшие в романе. В них, думается нам, особенно проявилась слабость творческой манеры Бубеннова: некоторая рассудочность, декларативность, несобранность стиля. Наряду с прекрасными живописными сценами, такими, как охота на лося, рубка берез, описание ночной партизанской операции, встречаются эпизоды, бегло и сухо регистрирующие мысли героев.

Местами (особенно это относится к женским образам) автор впадает в красивости. Так, образ Марийки много потерял в изобразительной живости по сравнению с тем, каким он был в первой книге.

Вообще новая книга «Белой березы» в композиционной и стилевой цельности уступает первой книге. В последних главах многое решено описанием, а не художественно-законченными образами. И вряд ли это можно целиком извинить тем, что широта размаха описываемых событий во второй книге несравненно значительнее, ответственнее и труднее, нежели в первой.

Сильной стороной писательской манеры Бубеннова является его умение проникнуть в душу природы, найти в ее вечно живой красоте созвучное душе человека, который любит природу, чувствует ее, который как бы срастается с ней в одно нерасторжимое целое. Это свойство, доступное лишь талантливому художнику, очень обогатило образы цельных и красивых в своем чувстве Андрея и Марийки. «Она (Марийка. — **В. О.**) видела... Андрея всегда полным жизни и песенной, ласковой задумчивости, какой много в родной ржевской природе». Вот Марийка поет: «...глубина ее темных глаз наполнилась таким трепещущим блеском, какой можно видеть только на востоке в час рассвета». Однако, сохраняя эти поэтические приметы образов как лейтмотив, автор художественными средствами почти не развивает характеры, не обогащает их.

Выразительность образа Лозневого в романе, логика его постепенного и неотвратимого падения — наглядный пример того, как важно для художника реалистически-конкретно раскрыть жизненные противоречия, полно и всесторонне показать человека.

Лозневой — персонаж, вызывающий антипатию, гнев, омерзение, он не может возбуждать иных чувств, но насколько полно, законченно выражены в книге его качества: моральная неустойчивость, трусость, подлость, низость, жестокость! Мы видим его хищный облик, «сухое, птичье лицо», с глазами, блестящими, как «свежие железные осколки». Нам ясен весь его путь, от момента, когда Лозневой повесил собаку, до того, когда он сам умрет собачьей смертью, тупо уткнувшись лицом в вырытую таким же предателем, как он сам, могилу. Здесь все художественно завершено, все доведено до логического конца.

Жизнь главных героев романа еще будет продолжена в следующей, третьей, книге романа. Хочется, чтобы талантливый роман о вечной, неистребимой силе народа в борьбе за жизнь, свободу и мир был еще совершеннее в художественном отношении.

Владимир ОГНЕВ

Михаил Бубеннов. **Белая береза.** Роман. Книга вторая. «Октябрь». 1952. №№ 3—5.

Сборник газетных очерков

Очерк — литературный жанр, стоящий на вооружении газет и журналов. В нем есть и художественное описание, и публицистические обобщения, и точный адрес события, и, наконец, подлинные имена героев.

Будучи оперативным и конкретным, очерк является одним из самых сложных жанров публицистики.

Очеркисты, как пытливые исследователи, изучают жизнь, вникают в смысл каждого нового факта, явления, события. По очеркам, которые прочно вошли в советскую литературу еще с первых лет сталинских пятилеток, можно легко представить себе все этапы замечательной, богатой и разнообразной жизни нашей страны.

Большое распространение оперативный очерк получил в войну и в послевоенный период. В эту пору газетные издательства, словно желая помочь читателям, начали объединять очерки, разные по времени и географии, написанные в жесткие сроки газетных графиков, в одну объемистую книгу. Объединенные, они приобрели исторический аспект, и это стало их дополнительным достоинством.

Когда открываешь такую книгу старых газетных очерков, невольно вспоминаешь слова Владимира Маяковского:

Через столетья
в бумажной раме
возьми строку
и время верни!
И встанет
день этот...

Типичной в этом смысле является книга Виктора Полторацкого «В дороге и дома», выпущенная издательством «Известия», а также областным ивановским издательством.

Написанные в течение нескольких лет, очерки эти показывают жизнь в движении. В одних предстают перед нами военные годы, в других — восстановительные работы после войны, в третьих — «бистро» (маленькое кафе) у Королевского моста в Париже или поездка в Прованс.

И каждый из них, как живое свидетельство, показывает нашу действительность в новых, разнообразных проявлениях и подкупает правдивостью и простотой изложения.

И сколько бы времени ни прошло с момента написания очерка «Элита», в вашей памяти остается образ худого человека лет шестидесяти, в пальто, забрызганном грязью, в парусиновых туфлях, бредущего среди печального потока беженцев войны. Это агроном Терентий Андреевич. Он несколько лет занимался внутрисортовым скрещиванием пшеницы и наконец получил долгожданный гибрид, который назвал Элитой (от французского слова élite — отборный). Пшеница впервые выколосилась и созрела в те дни, когда, растаптывая поля, в огне пожарищ шел по Украине враг.

Старый агроном бросил все свои пожитки, аккуратно собрал в мешочек зерна отборной пшеницы и ушел на восток. Он верил в то, что Элита еще пригодится колхозным хлеборобам, что она еще вернется на родную Полтавщину.

Этот образ советского агронома, в душе которого было «зерно большой человеческой чистоты» и для которого интересы общественные выше интересов личных, не случаен в книге В. Полторацкого.

В очерке «Строители мира» он создает галерею образов колхозников-крестьян нового типа. Они восстанавливают разрушенное в войну хозяйство, вводят травополье, возрождают виноградники, сады, фермы. Перед читателями все время появляются хлопотливый хозяин — председатель колхоза Литовченко, лесотехник Надежда Гаптарь, увлеченная траншейным способом возделывания цитрусов, старый колхозник Григорий Гусак, который переписывается с академиком Лысенко.

Очень теплый литературный портрет старого волгаря создает В. Полторацкий в маленьком очерке «Старый бакенщик».

— Так вот, мил ты мой человек, и живем. Пятьдесят шестой год-от. И все у Волги.

Бакенщик Иван Павлович Чеканов душой болеет за Волгу, за свой труд, за порядок на реке. И в трудный год, когда бакены были разбиты, старый волгарь ходил в деревню, достал стекла, «осветил Волгу, и на душе вроде бы стало полегче...»

Так от одного портрета к другому, от одного нового явления к другому ведет автор читателя, перед которым раскрывается душевная красота советского человека, его трудолюбие, стремление к созиданию.

Во второй половине книги, названной автором «По ту сторону», собраны очерки, написанные в бытность В. Полторацкого в Париже и Нью-Йорке.

Академик И. П. Павлов как-то сказал:

«...старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие».

Эти слова можно было бы предпослать разделу «По ту сторону».

В. Полторацкий жил на Западе сравнительно мало, но он сумел глубоко проникнуть в тайну многих фактов и правдиво передать их читателю.

Несмотря на то, что перед нами очерки из Парижа, датированные 1946 и 1949 годами, они звучат сегодня злободневно. Забастовка горняков Севера и Луары, демонстрации парижан, происки де Голля, повышение цен на продукты и предметы первой необходимости, наконец, жизнь парижской окраины Обервилье, за «блошиным рынком», на улице Альфонса Додэ, описаны автором с присущим ему умением увидеть в ряду кричащих фактов самое главное и правильно оценить увиденное.

Поэтому перед нами раскрывается не только Париж модных кафе на Елисейских полях, но и вся Франция, текстильщики Рубе, металлурги Сен-Назера, горняки Лотарингии, крестьяне юга. Читатель чувствует свободолюбивый дух Франции.

Очерки о советских людях, поставленные рядом с очерками из-за рубежа, помогают ясней представить послевоенную жизнь двух миров.

Книга «В дороге и дома» — первый сборник газетных очерков, удостоенный Сталинской премии. Факт значительный, открывающий большие горизонты этому жанру.

М. МЕРЖАНОВ

Полуночное «кукареку»

Автобиографический рассказ

ГАУ ЮЙ-БАО

Рисунки В. Высоцкого

Гау Юй-бао — один из тех молодых писателей китайского народа, которых вырастила и воспитала китайская революция. Ему 26 лет. С детства он батрачил и испытал на себе жестокую эксплуатацию помещиков. В 1947 году Гау Юй-бао вступил в Народно-освободительную армию, где научился грамоте. Став затем членом компартии, Гау Юй-бао еще упорнее взялся за учебу.

В прошлом году он закончил автобиографический роман.

Под вечер, когда уже стемнело, усталые шли с поля батраки помещика Чжоу, которого из-за его жестокости прозвали «Чжоу Сдирай шкуру».

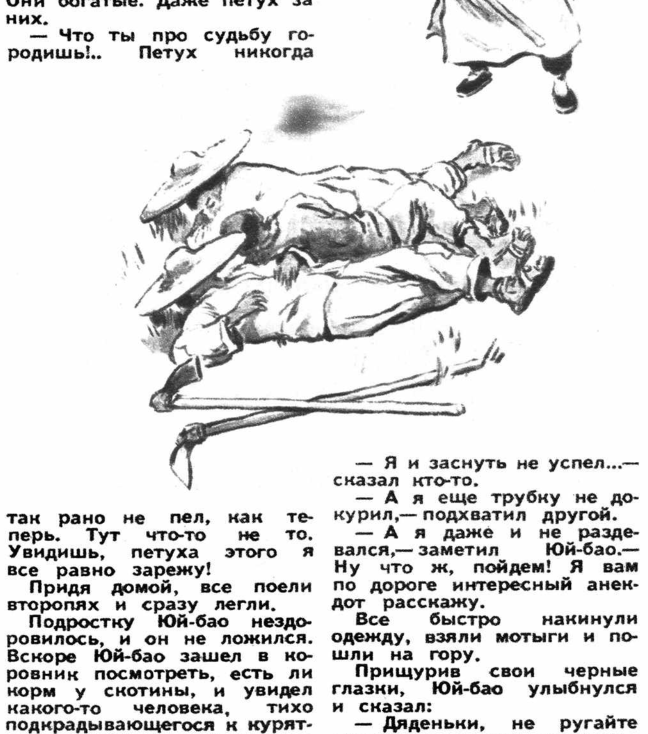
Кто-то ворчал:

— Ну и спать же охота!

— Чорт подери, откуда такой петух взялся! — ругался другой батрак.— Чуть заснешь, он уже будит, и старый Чжоу сразу гонит нас на гору. Работаешь, а кругом тьма-тьмущая, еще и солнышко не выглянуло...

— Что поделаешь! Судьба такая,— продолжал третий.— Они богатые. Даже петух за них.

— Что ты про судьбу городишь!.. Петух никогда



так рано не пел, как теперь. Тут что-то не то. Увидишь, петуха этого я все равно зарежу!

Придя домой, все поели второпях и сразу легли.

Подростку Юй-бао нездоровилось, и он не ложился. Вскоре Юй-бао зашел в коровник посмотреть, есть ли корм у скотины, и увидел какого-то человека, тихо подкрадывающегося к курятнику. Стояла безлунная ночь, и в темноте не было видно его лица.

«Может, это вор? Надо крикнуть...» — подумал Юй-бао.

Но передумал. Наверное, человек попал в беду, семье есть нечего, вот и пришел птицу красть. Если крикну, то ему еще хуже будет. Лучше промолчать. Стащит одного петуха у богача — не беда...

Вдруг Юй-бао услышал, как воришка пропел петухом, после чего спокойно пошел в коровник. Удивленный юноша поглубже забился в угол... Воришка подошел к корыту, чиркнул спичкой, как будто хотел посмотреть, есть ли корм. Юй-бао успел разглядеть лицо вора.

«Ах! Так это старый хрыч Чжоу! Вот кто не дает людям выспаться — кричит за петуха!»

Как только Чжоу пропел «кукареку», заголосили петухи в курятнике и за ними во всей деревне...

Вскоре со двора уже доносились резкие крики Чжоу:

— Эй, вставай! Петухи уже пропели, живей, пошевеливайся!

Он разбудил своих батраков, а сам пошел спать.

Юй-бао вернулся в дом, батраки ругались.

— Вот, сукин сын, пораньше бы еще запел! Что за петух поганый! Я только лечь успел! — говорил один из батраков.

— Я и заснуть не успел...— сказал кто-то.

— А я еще трубку не докурил,— подхватил другой.

— А я даже и не раздевался,— заметил Юй-бао.— Ну что ж, пойдем! Я вам по дороге интересный анекдот расскажу.

Все быстро накинули одежду, взяли мотыги и пошли на гору.

Прищурив свои черные глазки, Юй-бао улыбнулся и сказал:

— Дяденьки, не ругайте петуха: не петух виноват...

Тут он рассказал ночную историю с помещиком Чжоу, как тот пел, подражая петуху...

Батрак Лю, прослушав рассказ, насупил брови.

— Сегодня работать не будем,— сказал он,— пойдем в поле спать...

На небе еще мерцали звезды, когда они пришли на поле. Отложив в сторону мотыги, все легли. Они так хотели спать, что и не заметили крупных капель росы, которые вымочили их одежду, и сразу же уснули.

Подражание петуху было одной из тайн семьи Чжоу, помогавшей ей богатеть. Бывало, перед концом третьей прополки замученные люди, не выдержав напряжения, убегали, бросив работу, и почти обработанное поле доставалось Чжоу даром. Осенью он не платил батракам ни зернышка за их труд.

Солнце давно взошло, а люди в поле еще крепко спали. Разбудили их удары палки помещика Чжоу.

— Так вы работаете, дармоеды? — кричал он, выпучив свои раскосые глаза.— Вы меня объедаете, получаете деньги и не хотите работать! Спать сюда пришли!.. Не закончите прополку сегодня, останетесь без еды!

А дело было так. Утром Чжоу заметил, что его батраки не пришли обедать: «Надо бы человека послать отнести еду, чтобы зря время не тратить им на ходьбу: больше сработают». Он позвал деревенского старика, пастуха Ли, и пошел с ним в поле. Застав батраков спящими, помещик так разъярился, что начал их избивать палкой, а старому Ли приказал отнести обед обратно. Долго он еще ругался...

Избитые и голодные батраки отказались работать, некоторые хотели пойти домой...

— Не уходите, дяденьки,— удержал их Юй-бао.— Надо отомстить за обиду.

— Ребенок ты еще, Юй-бао, глупыш! — сказал один из батраков.— У них и деньги и власть, он сам бао-чжан [1]. Попробуй тронька его!

— Послушайте меня, дяденьки,— говорил неугомонный Юй-бао.— Он не дает нам ночью спать, хочет, чтобы мы надорвались на работе. А я помню, что дед Ян учил нас: «Бей первым, последнему всегда достается». Вот мы и проучим его хорошенько...

Прошло три дня. Батраки приготовили палки. Вечером поужинали, потушили свет и послали Юй-бао сторожить. Прождал он больше часу, наконец пришел Чжоу и подкрался к курятнику.

— Караул, воры, караул! — закричал Юй-бао.

Прибежали с палками батраки, сбили хозяина с ног и давай лупить.

— Не бейте, это я! — крикнул Чжоу.

— Тебя и бьем. Посмотрим, будешь ли еще воровать!

Юй-бао выбежал на двор и закричал благим матом:

— Эй, бао-чжан! Вставай скорей, мы вора поймали!

[1] Сотник, начальник округа в сто семей.

На его крик прибежал японский офицер с двумя охранниками и уже по дороге громко шумел:

— Вол-лишек всех... бах-бах! Ласстлелять...

Жена бао-чжана и маленький Тау-чи испугались до смерти и лишь успели крикнуть в окно:

— Не стреляйте!..

Бах-бах! Японец выпустил в Чжоу две пули. Бао-чжан вскрикнул и слабеющим голосом выговорил:

— Это я...

Японский офицер шагнул вперед, хотел выстрелить еще раз, но тут вышла жена помещика и растерянно сказала:

— Это бао-чжан.

Японец опустил револьвер.

— Бао-чжан никогда и не подходил к курятнику,— подхватили разом батраки,— зачем ему ночью приходить ловить птиц? Давайте принесем фонарь, посмотрим.

Тау-чи принес фонарь, и все увидели хозяина. Чжоу залез головой в курятник, а зад торчал снаружи. Помещика вытащили и подняли, лицо его было измазано птичьим пометом, он обхватил ногу, из которой текла кровь, и стонал.

— А мы-то думали, что это вор,— сказал с серьезным видом батрак Лю,— оказалось, это бао-чжан. Зачем же вы ночью полезли в курятник?

Громко захохотал японский офицер...

— Уж не говорите,— плаксиво говорил раненый Чжоу,— я сладко спал дома, сам не знаю, какой чорт вытащил меня сюда.

— Да, это не шутка,— сказали батраки,— человека чуть не убили. Может, тут злой дух действует, впредь надо быть осторожней...

Хоть Чжоу и сердился, но молчал. После этого случая он и носа не смел показывать в курятник...

Сокращенный перевод с китайского **ЧЕНЬ МЕН**

Пекин.

М. МАЛИШЕВСКИЙ

Рисунки Е. Ведерникова

СОЛОВЕЙ И МАЛИНОВКА

Малиновка учила молодого Соловья петь. Соловей стал петь лучше Малиновки.

— Ученичок-то лучше тебя поет! — язвили Птицы.

— На то и учить было, чтобы лучше меня петь! — отвечала Малиновка. — На то мы и Малиновки, чтобы Соловьи лучше нас пели!

ДВА СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ КРОТА

Сегодня у Крота произошло два важных события.

Первый раз в своей жизни он вылез из норы погулять на свежем воздухе, и первый раз в своей жизни он был схвачен ястребом, который очень низко летел ему навстречу.

СОРОКА И БЕЛОЧКА

Залетела Сорока в чужое гнездо. Яйца выпила, гнездо разметала.

— Сорока! Такой непорядок наделала! — говорит Белочка.

А Сорока в ответ:

— Непорядок в своем гнезде бывает! А это порядок!

ПЕЩЕРА АБРСКИЛА

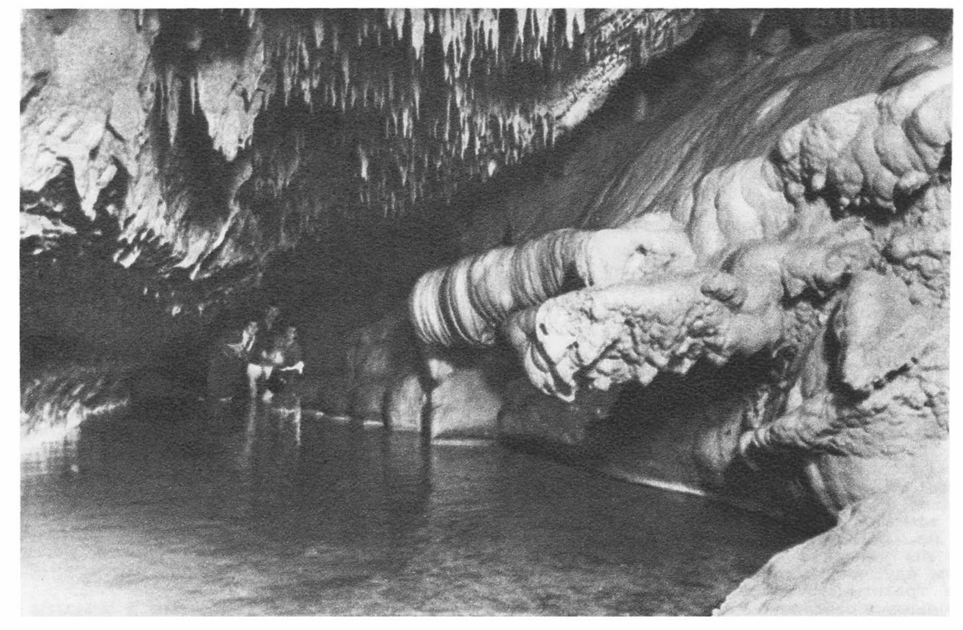


Фото А. Цикридзе

Среди многих достопримечательностей Абхазии большой интерес представляют сталактитовые пещеры.

Пещеру Абрскила, находящуюся в 70 километрах от Сухуми, в селе Отапи, Очемчирского района, можно назвать подземным сталактитовым городом. Она состоит из нескольких огромных залов, соединенных длинными коридорами. До сих пор не установлено, где находится выход из этой пещеры. Среди местных жителей бытует легенда о том, что выход следует искать по ту сторону Кавказского хребта — на Северном Кавказе.

В пещере перед взором туристов открывается картина сказочной красоты. С потолка свисают самой причудливой формы сосульки сталактитов, сверкающие при свете зажженных факелов. В одном из залов, над широко разлившейся подземной рекой, подымается огромный столб, как бы покрытый ажурной драпировкой из сталагмитов.

Г. МАЧАВАРИАНИ

Как кошка «усыновила» цыплят

Мне известен такой любопытный случай. В селе Трактомирове, Киевской области, в доме одного местного жителя наседка, под которую было подложено 12 яиц, вывела четырех цыплят. Остальные яйца оказались болтунами, но курица продолжала насиживать их. Забрав цыплят, хозяйка заменила негодные яйца свежими и оставила курицу в гнезде.

Стояла прохладная погода. Осиротевшие цыплята, предоставленные самим себе, бегали по двору и жалобно пищали. Случилось так, что в это время хозяйская кошка окотилась. Не желая обременять себя лишними заботами, хозяйка утопила всех котят. В поисках своих детей кошка бродила по двору, заглядывала во все уголки, печально мяукала. Не найдя котят и испытывая боль от молока, переполнившего соски, кошка растянулась на песке. В это время к ней подошли цыплята. Приблизившись вплотную, они оживленно закопошились у ее теплого пушистого брюха, стараясь укрыться от холода. Почувствовав около себя что-то живое, кошка подняла голову и стала своим шершавым языком облизывать цыплят, а те, радуясь теплу, еще плотнее прижались к кошке. Между кошкой и цыплятами сразу же установились «родственные» отношения. Цыплята льнули к кошке, ходили за ней по пятам. Можно было иногда наблюдать, как кошка, забравшись на огород, лежала там среди ботвы картофеля, а цыплята, взгромоздившись на «мамашу», чистили клювами свои отрастающие перья. Когда наседка вывела новую партию цыплят и вышла с ними во двор, кошка попыталась «усыновить» и этих детей. Но как только она приблизилась к ним, наседка взъерошила перья, опустила крылья и с такой решительностью набросилась на кошку, что та, подняв хвост трубой, мгновенно оказалась на дереве.

В. ЛАПИН,
кандидат биологических наук

Мнимый самоубийца

Существует распространенное мнение, что скорпион, попав в огненный круг и не находя из него выхода, сам себя жалит и погибает.

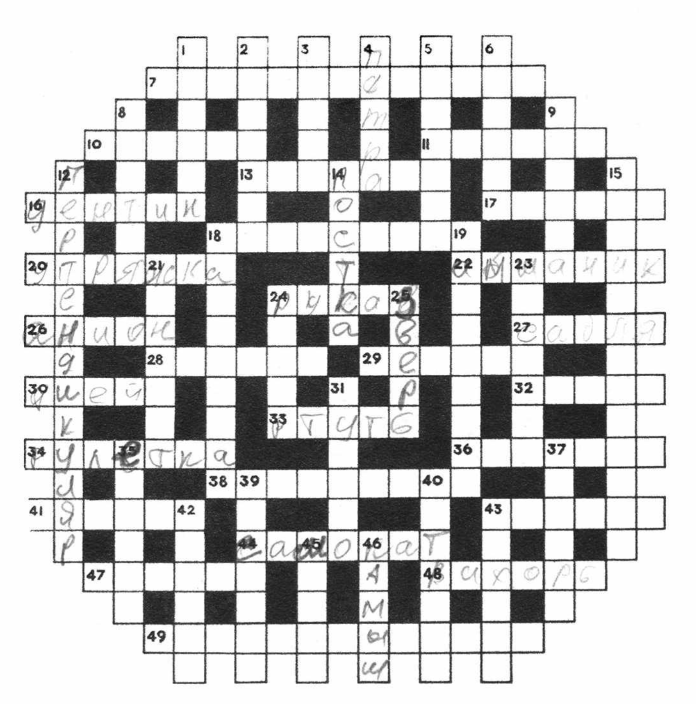
Это неверно. Тщательно поставленными опытами доказано, что яд скорпиона на него самого не действует, а хитиновый панцырь, покрывающий тело хищника, непроницаем для его ядовитой иглы.

Окруженный кольцом горячих углей, он падает мертвым просто потому, что совершенно не выносит сколько-нибудь высоких температур. Скорпион — животное ночного образа жизни, ночной прохлады, и нагревание даже солнечными лучами для него смертельно.

Попытки найти выход из огненного кольца кончаются тем, что скорпион, получив два — три ожога, в конвульсиях погибает. Судорожные движения его хвоста при этом дали повод говорить о самоубийстве, которое всему живому вообще не свойственно, так как противоречит могучему инстинкту самосохранения.

Б. МАСАИНОВ

В этом номере помещены одна страница рисунков В. И. Бродского — на строительстве Главного Туркменского канала — и семь страниц цветных фотографий.



КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Отдел физики. 10. Хирургический нож. 11. Пьеса Б. Лавренева. 13. Одно из самых засушливых мест земного шара — пустыня в Чили. 16. Основное вещество зуба. 17. Советская поэтесса. 18. Ценная твердая древесина. 20. Несколько лошадей, запряженных вместе. 22. Помещение для зимовки пчел. 24. Разветвление речного русла. 26. Отрицательно заряженный ион. 27. Холодное оружие. 28. Крайнее усердие. 29. Постановление верховной власти. 30. Инструмент. 32. Административно-территориальная единица в Монголии. 33. Жидкий металл. 34. Лента для измерений. 36. Общепризнанный деятель науки, искусства, литературы. 38. Плавная мелодия. 41. Дерево. 43. Род стихотворения. 44. Самодвижущаяся тележка. 47. Редкость. 48. Вихревое, бурное движение атмосферы. 49. Выдающийся русский артист и режиссер.

По вертикали:

1. Русский писатель и публицист. 2. Чешский композитор. 3. Успех. 4. Залив Охотского моря. 5. Прежнее название изумруда. 6. Народно-поэтическое произведение. 8. Политическая организация. 9. Удлиненная впадина между горами. 12. Прямая, составляющая угол в 90 градусов с другой прямой. 14. Отходы льна и конопли. 15. Город в Казахской ССР. 18. Огородное растение. 19. Шахматный термин. 21. Специальность художника. 23. Сушеные абрикосы. 24. Советский композитор. 25. Животное. 31. Инструмент. 35. Ядовитая австралийская змея. 37. Род спортивного состязания. 39. Алмаз, брильянт. 40. Цветок. 42. Опросный лист. 43. Отделение, часть. 45. Река в Европе. 46. Конечный пункт трассы Волго-Донского канала.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

7. Планета. 8. Семафор. 11. Апофема. 12. Эстрада. 13. Визир. 14. Сокол. 15. Лимон. 18. Сахароварение. 19. Каталогизатор. 24. Басон. 25. Калар. 26. Спурт. 29. Литавры. 30. «Иоланта». 31. Каботаж. 32. Ориноко.

По вертикали:

1. Албания. 2. Антонида. 3. Отдел. 4. Честь. 5. Паганини. 6. Ротатор. 9. Вагоновожатый. 10. Аэронавигация. 16. Банан. 17. Метан. 20. Апостроф. 21. Оппонент. 22. Варлаам. 23. Ярмарка. 27. Овраг. 28. Флора.

«ИЩУТ МАЛЬЧИКА...»

Бинг Кросби, модный американский певец, собирается «крутить» во Франции фильм, для которого ему понадобился маленький мальчик. И вот в парижском журнале «Синемонд» появилось следующее объявление:

«Срочно нужен мальчик лет шести, с большими глазами и худым лицом, производящий впечатление робкого ребенка, не всегда сытого. Предпочтение будет отдано мальчику, имеющему некоторое представление об английском языке».

Воспроизведшая это объявление газета «Юманите» замечает:

«Детей, у которых голодный вид, господин Кросби найдет достаточно во Франции, в которой обосновались виновники этого — американские оккупанты. Что же касается познаний в английском языке, то ясно по крайней мере одно: голодные французские дети умеют произносить на языке господина Кросби некоторые слова. Эти слова: «Ами, гоу хоум!» («Американцы, ступайте домой!»).

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 04449. Подп. к печ. 29/VII 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 588. Заказ 1796. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Ученики третьего класса Кишиневской музыкальной школы-десятилетки братья Сергей (слева) и Борис Мунтян.

Фото Я. Рюмкина

Цена 3 руб.